ISSN 2500-0217

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (54) 2018 Общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года
Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Председатель:
Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)
Члены редакционного совета:
Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н, профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");
Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);
Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИ ППГ, г. Уфа);
Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);
Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);
Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);
Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);
Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);
Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);
Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);
Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);
Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);
Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);
Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор:
Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент
Члены редакционной коллегии:
Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;
Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;
Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛИ
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;
Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

*Выпускающий редактор – **А.Ф. Файзуллина***
*Редактор англоязычных текстов – **З.А. Юсупова***
*Редактор электронной версии – **З.Р. Гиниятова***

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

ISSN 2500-0217

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (54) 2018 Socio-Political and Academic Law Journal
Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL
Chairperson:
Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)
Editorial Council Members:
Nikolai N. Arzamaskin –Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);
Sergey A. Balashenko – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law (Director of the Rule-of-Law State Research Institute, Ufa);
Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);
Sergei A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Moscow International University, Moscow);
Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);
Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);
Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);
Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);
Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Victor P. Salnikov –Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg);
Nuriya A. Sattarova – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);
Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);
Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);
Alexey A. Eksarkhopulo – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief:
Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor
Editorial Board Members:
Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;
Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor
Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

FOUNDERS
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;
Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

*Executive Editor – **A.F. Faizullina***
*Translation Reviewer – **Z.A. Yusupova***
*On-line Editor – **Z.R. Giniyatova***

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Сальников В.П. ***Галиев Ф.Х.***	Основателю уфимской научной школы проблем правового государства – 80 лет!	8
Азнагулова Г.М. ***Попова А.В.***	Постиндустриальная социальность: расходы или инвестиции в человека?	15
Арзамаскин Н.Н. ***Сандальникова Е.В.***	Институт юридической ответственности государственных служащих: современные вопросы теории и практики	23
Воробьев Н.Ф.	Понятие и правовая сущность государственного контроля	29
Галиев Ф.Х.	Демократия, право и правовая культура	35
Захарцев С.И. ***Сальников В.П.***	Русский менталитет и право	41
Зырянов А.В.	Системный подход в современных юридических исследованиях	47
Ирошников Д.В.	Безопасность как объект правоотношений	54
Исмагилов И.Р. ***Лежнева О.Ю.***	Методологические основания дедукции права в учении И.Г. Фихте и его трактовка понятия судебной власти	61
Касимов Т.С.	Вклад Ф.М Раянова в модернизацию российской теории государства и права	66
Кильметова Р.Р.	Политико-правовые учения Никколо Макиавелли	69
Клименко О.А. ***Маков Б.В.***	Понятие суверенитета в контексте проблемы обеспечения безопасности правового государства и общества	72
Кондрат Е.Н.	Национальные интересы правового государства и концепция национальной безопасности: некоторые подходы к современной трактовке	78
Лежнева О.Ю. ***Сергеева А.Ю.***	Суд, наказание, справедливость: особенности гегелевской трактовки	84
Мазитов А.И.	Правовой нигилизм и императивный мандат	89
Прокофьев К.Г.	Проблема обоснования права в работе И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения»	95
Тепляшин И.В.	Принципы общественного контроля как фактор укрепления российской демократии	100

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Липинский Д.А.	О юридико-технических конструкциях санкций конституционной ответственности	104

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Владимиров Н.Н.	Договор аренды земельного участка: межотраслевые связи гражданского и земельного права по стадиям развития обязательственного отношения	112
Дубровская Т.В.	Заключение и расторжение брака в современной России: некоторые особенности правового регулирования	118
Романова И.Н.	Страхование риска ответственности за нарушение договора	123
Скулова И.А.	Алиментные обязательства в России на современном этапе: правовой аспект	129

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Быкова Э.Ф.	Проблемы и пути их решения при назначении судебно-экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве	133
Сагитдинова З.И.	Штраф – самое мягкое наказание за преступление?	138

**КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Макаренко И.А. ***Эксархопуло А.А.*** ***Зайнуллин Р.И.***	Структура частной криминалистической методики: история формирования и перспективы развития. Часть I	146
Гарифуллин И.Р.	Проблемы определения природы науки криминалистики	153
Каширский К.В.	Организационные и правовые основы профилактики правонарушений в исправительных учреждениях	156

**ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

Валикарамов Д.Д. ***Газизова Л.М.***	Финансирование деятельности юридических лиц публичного права: коллизионно-правовые аспекты	160
Землянская М.А.	Правовая природа и особенности взносов на капитальный ремонт	168
Иванова В.Н.	Проблема закрепления соотношения налогового федерализма и налогового суверенитета в действующем законодательстве	174

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Гиззатуллин Р.Х.	Общественный экологический контроль	180
Улимаев Р.Ю.	Участие органов местного самоуправления в механизме обращения твердых коммунальных отходов	184

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Чуклова Е.В.	Альтернативные наказательные и поощрительные санкции в земельном праве	190

К АВТОРАМ 196

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.
HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE**

Salnikov V.P. ***Galiev F.Kh.***	The Founder of the Ufa Scientific School of the Rule-of-Law State is 80!	8
Aznagulova G.M. ***Popova A.V.***	Postindustrial Sociality: Expenses or Human Investment?	15
Arzamaskin N.N. ***Sandalnikova E.V.***	Institute of Legal Liability of Civil Servants: Contemporary Issues of Theory and Practice	23
Vorobyov N.F.	The Concept and Legal Nature of State Control	29
Galiev F.Kh.	Democracy, Law and Legal Culture	35
Zakhartsev S.I. ***Salnikov V.P.***	Russian Mentality and Law	41
Zyrianov A.V.	System Approach in Modern Legal Studies	47
Iroshnikov D.V.	Security as an Object of Legal Relations	54
Ismaqilov I.R. ***Lezhneva O.Y.***	Methodological Grounds for the Deduction of Law in the Teaching of J.G. Fichte and his Interpretation of the Concept of Judicial Power	61
Kasimov T.S.	F.M. Rayanov's Contribution to the Modernization of Russian Theory of State and Law	66
Kilmetova R.R.	Political and Legal Doctrines of Niccolo Machiavelli	69
Klimenko O.A. ***Makov B.V.***	The Concept of Sovereignty in the Context of the Problem of Ensuring the Security of the Rule-of-Law State and Society	72
Kondrat Y.N.	National Interests of the Rule-of-Law State and the Concept of National Security: Some Approaches to Contemporary Interpretation	78
LezhnevaO.Y. ***Sergeyeva A.Y.***	Court, Punishment, Justice: Features of the Hegelian Interpretation	84
Mazitov A.I.	Legal Nihilism and Imperative Mandate	89
Prokofiev K.G.	The problem of the Justification of Right in the Work of J.G. Fichte "Foundations of Natural Right as Based on the Science of Knowledge"	95
Teplyashin I.V.	Principles of Public Control as a Factor in Strengthening Russian Democracy	100

**CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW.CONSTITUTIONAL PROCEDURE.
ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES. INFORMATION LAW**

Lipinsky D.A.	On Legal and Technical Designs of Sanctions of Constitutional Liability	104

CIVIL AND FAMILY LAW.BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW. CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Vladimirov N.N.	Land Lease Contract: Inter-Branch Relations of Civil and Land Law at Various Development Stages of the Obligation Relationship	112
Dubrovskaya T.V.	Marriage in Modern Russia: Some Features of Legal Regulation	118
Romanova I.N.	Insurance of the Risk of Liability for the Breach of the Contract	123
Skylova I.A.	Alimentary Obligations in Russia at the Present Stage: Legal Aspect	129

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.CRIMINAL EXECUTIVE LAW. CRIMINAL PROCEDURE

Bykova E.F.	Problems and their Solutions while Appointing Legal and Economic Expertise in Criminal Proceedings	133
Sagitdinova Z.I.	Is the Fine the Mildest Punishment for a Crime?	138

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIVE SEARCH ACTIVITY

Makarenko I.A. ***Eksarhopulo A.A.*** ***ZaynullinR.I.***	The Structure of Private Forensic Methodology: History of Formation and Development Prospects. Part I	146
GarifullinI.R.	Issues of Determining the Nature of Forensic Science	153
Kashirskiy K.V.	Organizational and Legal Frames of Crime Prevention in Correctional Institutions	156

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW.BANKING AND MONETARY LAW. TAX LAW

Valikaramov D.J. ***Gazizova L.M.***	Financing the Activities of Legal Entities of Public Law: Conflict-Legal Aspects	160
Zemlyanskaya M.A.	The Legal Nature and Characteristics of Fees for Major Structural Repairs	168
Ivanova V.N.	The Problem of Enshrining the Ratio of Tax Federalism and Tax Sovereignty in the Current Legislation	174

ENVIRONMENTAL LAW

Gizzatullin R.Kh.	Public Environmental Control	180
Ulimaev R.Y.	Participation of Local Self-Governments in the Mechanism of Solid Household Waste Management	184

LAND LAW

Chuklova E.V.	Alternative Punitive and Incentive Sanctions in Land Law	190

TO THE AUTHORS 196

В декабре 2018 года празднует свой 80-летний юбилей основатель Уфимской школы проблем правового государства, ученый, известный не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами своими многочисленными трудами, посвященными теории и практике формирования и функционирования правового государства, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Башкирской АССР, Почетный работник высшей школы Российской Федерации, основатель Научно-исследовательского института проблем правового государства и научно-правового журнала «Правовое государство: теория и практика»

Фанис Мансурович Раянов

Мы присоединяемся ко всем поздравлениям, которые получает юбиляр, и желаем **Фанису Мансуровичу** крепкого здоровья и долгих лет полноценной творческой жизни!
С юбилеем, дорогой Учитель!

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала
«Правовое государство: теория и практика»

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1+34(091)

ОСНОВАТЕЛЮ УФИМСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА – 80 ЛЕТ!

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович
доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович
доктор юридических наук, главный редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Фанис Мансурович Раянов – учёный-правовед, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Башкирской АССР, Почётный работник высшей школы Российской Федерации. Его преподавательская и научная деятельность началась в Уфимском факультете Свердловского юридического института в должности старшего преподавателя, потом на юридическом факультете Башкирского государственного университета. Заведовал кафедрами: сначала кафедрой гражданского права и процесса, а затем кафедрой теории и истории государства и права. С 2006 года является профессором кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета. Дважды избирался деканом Юридического факультета Башкирского государственного университета.

Ключевые слова: Фанис Мансурович Раянов, учёный-правовед, доктор, профессор, правовое государство, современный мир.

THE FOUNDER OF THE UFA SCIENTIFIC SCHOOL OF THE RULE-OF-LAW STATE IS 80 YEARS OLD!

SALNIKOV Viktor Petrovich
Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal science: History and Modernity", St. Petersburg, Russia. E-mail: Fonduniver@bk.ru

GALIEV Farit Khatipovich
Doctor of Law, editor-in-chief of the journal "The legal state: theory and practice", Ufa, Russia. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Fanis Mansurovich Rayanov is a legal scholar, corresponding member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, doctor of law, professor, Honored Scientist of the Bashkir ASSR, Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation. His teaching and research activities began at the Ufa Faculty of the Sverdlovsk Law Institute as a senior instructor, then he taught at the Law Faculty of the Bashkir State University. He headed the chair of civil law and procedure, and then the chair of theory and history of state and law. Since 2006, he is a professor at the chair of theory of state and law of the Bashkir State University. He was twice elected Dean of the Law Faculty of the Bashkir State University.

Key words: Fanis Mansurovich Rayanov, legal scholar, doctor, professor, rule-of-law state, modern world.

Фанис Мансурович Раянов – учёный-правовед, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Башкирской АССР, Почётный работник высшей школы Российской Федерации, родился 12 декабря 1938 года. После окончания в 1965 году Свердловского юридического институ-

та имени Д.И. Курского начал работать в органах прокуратуры вначале помощником прокурора, а затем и прокурором района.

Преподавательская и научная деятельность Ф. М. Раянова началась в 1969 году в Уфимском факультете Свердловского юридического института в должности старшего преподавателя, а с 1974 года он начал преподавать на юридическом факультете Башкирского государственного университета. В 1978–2004 гг. заведовал кафедрами: сначала кафедрой гражданского права и процесса, а затем кафедрой теории и истории государства и права. С 2006 года является профессором кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета. Дважды избирался деканом Юридического факультета Башкирского государственного университета.

В начале творческого пути Ф.М. Раянов занимался проблемами аграрного и экологического права. С момента избрания зав. кафедрой теории государства и права, он переключился на проблемы теории государства и права. Руководил и руководит аспирантами и докторантами, среди его учеников 4 доктора и 42 кандидата юридических наук.

Но самым значимым для Ф. М. Раянова, как он и сам считает, является формирование им, на базе своих научных исследований, оригинальной научной школы проблем правового государства. В Башкирском государственном университете эта научная школа занимается одной из приоритетных направлений научных исследований университета. Но намного важнее то, что Уфимская научная школа проблем правового государства своими реальными делами «заставила» признать ее в масштабах всей Российской Федерации.

К числу первых шагов, в направлении формирования такой школы, мы бы отнесли появление монографии проф. Ф.М. Раянова, еще в 1994 году, под названием «Введение в правовое государство». Уже в этой монографии, хотя и скромно, но уже было выражено ясное намерение несколько по-новому заняться проблемами правового государства. Другими словами, исследовать проблемы правового государства в направлениях еще незамеченных в отечественной теоретической правовой науке. В частности, в этой монографии читаем: «с 1988 года наряду с многочисленными разговорами о социализме с цивилизованным человеческим лицом вольно или невольно начали говорить и писать о социалистическом правовом государстве. С этого времени вышли из печати несколько работ о социалистическом правовом государстве. На основе этих работ создалось даже такое впечатление, что социализм – это общественный строй, который ведет не к бесклассовому, безгосударственному коммунизму, как считалось ранее, а к правовому государству. Однако это было очередным заблуждением. Только сегодня мы начинаем понимать, что в действительности от нашего социализма к правовому государству вообще дороги не было, и нет. Отсюда и вытекают еще большие трудности в осмыслении путей формирования действительного правового государства в нашей стране» [1, с. 6].

Дальше профессором Ф.М. Раяновым были опубликованы многочисленные работы в сфере теоретической правовой науки, где речь также шла и о правовом государстве. Но здесь мы хотели бы выделить лишь специальные его монографические работы, посвященные, главным образом, проблемам правового государства. К их числу мы относим: «Правовое государство – судьба России» [2], «Правовое государство и современный мир» [3], «Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ» [4], «Теория правового государства»[5], «Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения»[6], «Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы»[7]. Одновременно им же публиковались многочисленные научные статьи, посвященные проблемам правового государства. Значительная часть этих статей опубликована в журнале «Правовое государство: теория и практика», который также был учрежден Ф.М. Раяновым в 2005 году. Журнал «Правовое государство: теория и практика» сразу же привлек внимание представителей отечественной теоретической правовой науки и был включен в Перечень ВАК и он до сих пор успешно функционирует.

Учитывая все отмеченное, мы можем твердо сказать, что в Уфе к настоящему времени, действительно, сформировалась настоящая научная школа правового государства, и она все больше и больше становится известной на всю нашу страну.

Конечно, самая главная составляющая любой научной школы – это ее тематика, отличающаяся известной новизной и оригинальностью своих творческих разработок. Представляется, что и в этом отношении Уфимская научная школа проблем правового государства вполне заслуживает носить высокое звание именно научной школы проблем правового государства. Более того, мы бы здесь даже специально подчеркнули, что именно с точки зрения постановки и подачи проблем правового государства Уфимская научная школа проблем правового государства существенно отличается от всех других научных центров страны, где также, так или иначе, затрагиваются и вопросы правового государства. Суть же творческой новизны подхода представителей Уфимской научной школы проблем правового государства заключается в тех новых теоретических конструкциях, касающихся как раз природы и сущности правового государства. Если в постсоветской отечественной теоретической правовой науке к раскрытию природы и сущности правового государства ее представители, в основном, подходили и до сих пор подходят с позиций гегелевской философии права, то в Уфимской же научной школе проблем правового государства к проблемам формирования правового государства подходят с точки зрения философии Дж. Локка.

Конечно, кто-то может возразить: ну и что такого, пусть одни подходят с позиций Г. Гегеля, а другие – Дж. Локка – сама общественная практика со временем, как будто, все и рассудит. Но, к сожалению, так может сказать лишь тот, кто не совсем хорошо знаком с творческим наследием Дж. Локка: подход Дж. Локка к позициям правового государства отличается от подхода со стороны Г. Гегеля, как принято говорить, как небо от земли. Поэтому представители Уфимской научной школы правового государства получили и продолжают получать совершенно другие научные результаты по сравнению с данными, распространенными в отечественной теоретической правовой науке. К тому же свои выводы представители Уфимской научной школы правового государства подкрепляют данными мировой общественной практики. В частности, они утверждают, что в соответствии с Индексом человеческого развития [8] в числе высокоразвитых стран мира сегодня числятся именно те государства, которые как раз и являются правовыми государствами.

В то же время, с позиций представителей Уфимской научной школы проблем правового государства, наша страна, даже и в постсоветский период своего развития, не смогла интегрироваться в мировое сообщество правовых государств. Основные государственно-правовые институты, характерные для правового государства, даже наша отечественная наука «Теория государства и права» или не признает или понимает своеобразно, а не так, как это принято в развитых на сегодня странах. Например, на протяжении всей своей истории существования отечественная теоретическая правовая наука не обращалась и до сих пор не обращается к содержательно-сущностной стороне института общественного договора. В отечественной науке «Теория государства и права» общественный договор никогда не рассматривался и до сих пор не рассматривается в качестве политической формы выражения воли государственно – организованного народа по поводу формирования государственной власти. Между тем в западной общественно-политической мысли именно общественный договор, начиная с Нового времени, рассматривается сущностной основой конституционного строя и основным актом легитимации любого уровня государственной власти.

Другими словами, в Уфе считают, что институт общественного договора во многих развитых западных странах, в отличие от нашей страны, с периода наступления Нового времени, признается институтом, организующим общественную жизнь в соответствии с ценностями Нового времени. Причем, признание именно общественного договора в качестве важнейшей формы выражения воли государственно-организованного народа, как раз и обознача-

ет реальность того фундаментального поворота человеческого общества из Средневековья в сторону реалии Нового времени. Именно появление общественного договора лежало в основе фундаментального переосмысления всей теории государства и права. Вот как об этом пишет проф. Ф.М. Раянов: «Общественный договор – это, не какое-то аморфное явление, сформировавшееся из какого-то неизвестного бытия: он формируется объективно на основе естественных законов природы человека. Без учета этой естественной и органической связи между законами природы человека и общественным договором, порождающим государственно-правовые институты, трудно, например, понять роль и значение того положения, которое и в нашей стране появилось в связи с принятием постсоветской конституции Российской Федерации. Речь идет о положении, которое гласит: «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ). Видимо поэтому цитируемая статья нашей Конституции еще даже не подвергалась фундаментальному теоретическому осмыслению» [9, с. 101-102].

Для полного научного осмысления природы и сущности общественного договора большое значение имеет и историческое признание государственно-организованного народа единственным источником государственной власти. Этот исторический период совпадает с периодом наступления Нового времени: именно с этого периода в человеческом обществе стали выделяться полноправные граждане. При этом следует специально отметить, что в состав государственно-организованного народа включается не все граждане, а лишь те из них, которые обладают активным избирательным правом: ведь только такие граждане могут участвовать в формировании органов государственной власти и соответствующих должностных лиц. Именно объединения только этих граждан в соответствующие избирательные участки образуют территориальные институты гражданского общества. Поэтому только эти объединения граждан могут образовать соответствующие институты гражданского общества и реально выполнять функции единственного источника государственной власти. Как пишет проф. Ф.М. Раянов «Гражданское общество как единственный источник власти учреждает государство, наделяет его полномочиями и оставляет за собой право контроля над тем, насколько государство (по существу исполнительная власть) осуществляет свои функции от имени и в интересах государствообразующего гражданского общества» [10, с. 6]. Да и общественный договор могут принять и контролировать его соблюдение не все граждане поголовно, а лишь те, которые объединены в тот или иной институт гражданского общества.

Следующим важнейшим положением, непосредственно связанным с природой и сущностью общественного договора и слабо разработанным в отечественной теоретической правовой науке, по мнению представителей Уфимской научной школы проблем правового государства, является вопрос о соотношении общественного договора и основного закона современного общества. Этот аспект проблемы, связанный с общественным договором, как они считают, до сих пор остается вовсе даже не поставленным для исследования во всей нашей отечественной юридической науке. В отечественной юридической науке уже с давних советских времен принято считать, что конституция – это основной закон государства. Отсюда начинается и цепочка, в соответствии с которой государство у нас выступает и основным субъектом правотворчества: в отечественной теоретической правовой науке широко распространено положение о том, что основным источником права у нас являются законы, включая и основной закон страны. Причем, понятию закон в нашей стране придается такое значение, что закон ассоциируется актом, исходящим чуть ли только от государства. Такая традиция продолжается до настоящего времени.

Однако, если вникнуть глубже в проблему понимания конституции и конституционализма в отечественной юридической науке, то не трудно заметить некие существенные про-

тиворечия. Посудите сами. Если закон, включая и конституцию страны, является результатом правотворческой деятельности государства, то, при таком подходе получается, что единственный источник государственной власти, т.е. многонациональный российский народ, который по действующей же Конституции Российской Федерации является единственным источником власти, свой статус единственного источника государственной власти должен реализовать в соответствии с законами государства? Возникает вполне закономерный вопрос: в чем тогда заключается смысл объявления многонационального народа носителем суверенитета и единственным источником власти? Все это приводит лишь к еще большей путанице: кто же на самом деле является носителем суверенитета и единственного источника государственной власти?

Вот в этих условиях Уфимская научная школа проблем правового государства как раз и предлагает выход: согласиться с трактовкой общественного договора, выступающего в качестве ядра конституции, как это и принято в современном мире, т.е. в мире, где полностью восприняты все ценности Нового времени. Ведь к числу одной из важнейших ценностей Нового времени как раз и является признание государственно-организованного народа единственным источником государственной власти. Как пишет проф. Ф.М. Раянов – «В современном мире общественный договор – это конституция страны. Как она составлена, чьи интересы она представляет, какие блага обещает и гарантирует своим гражданам, насколько соответствует принципам правового государства – от этого в значительной степени и зависит природа и сущность юриспруденции» [11, с. 24]. Действительно, именно воля государственно-организованного народа, как единственного источника государственной власти, как раз и представляет общественный договор, т.е. конституцию этой страны.

Своеобразным подарком к юбилею стало появление на книжных полках в 2018 году очередной монографии Фаниса Мансуровича Раянова «Правовое обществоведение» [9]. Новая монография основателя и руководителя Уфимской научной школы проблем правового государства привлекает к себе особое внимание. Она посвящена рассмотрению широкого круга проблем, связанных не только с формированием в нашей стране правового государства, но и обновления всего отечественного постсоветского правового обществоведения. В ней профессор Ф.М. Раянов исходит из положения о том, что общих точек соприкосновения и взаимодействия современного общества и цивилизованного демократического правового государства много. При всем том, что каждый народ заслуживает то государство, которое он заслуживает, все же именно государство является главным представителем государствообразующего народа во всех сферах его жизнедеятельности. И все это происходит притом, что именно общество представляет собой не только основу, но и весь смысл происхождения и существования государства. Однако, несмотря на все это, в реальном взаимоотношении общества и государства не всегда получается гармония, не говоря уже о том, что такое взаимодействие не всегда оказывается взаимовыгодным. Поэтому в современных условиях самым главным средством оптимизации взаимоотношения общества и государства является право. Причем, именно то право, источником которого, в теоретическом плане, должно выступать сегодняшнее российское государствообразующее общество. Поэтому, как пишет Ф.М. Раянов, «правовое обществоведение – это совершенно новый взгляд на обществоведческие проблемы в современной Российской Федерации. Оно основывается на положении о том, что обществоведение (ведение общества) в любой стране мира просто не может не быть правовым, то есть не опосредованным определенными правовыми нормами» [9, с. 254]. Отсюда и стремление автора монографии сделать постсоветское российское правовое обществоведение, исключительно, научно обоснованным.

Ф.М. Раянов особое значение придает осмыслению сохраняющихся по сегодняшний день особенностей в понимании государственно-правовых институтов, сложившихся как в отечественных общественных науках вообще, так и, в частности, в рамках функционирую-

щей в нашей стране теоретической правовой науки. На основе исследования современного состояния отечественного обществоведения, в целом, и, в том числе, правового обществоведения, Ф.М. Раянов приходит к соответствующим выводам и предлагает переосмыслить некоторые фундаментальные теоретические и методологические основы отечественной теоретической правовой науки.

Самый основной вывод, к которому пришел профессор Ф.М. Раянов, заключается в том, что к параметрам правового государства он вышел через учение английского философа Дж. Локка. Как известно, в отечественной теоретической правовой науке в советские времена большое распространение получила философия права Г. Гегеля. Помните, как В.И. Ленин расхваливал немецкую классическую философию в качестве одного из источников и составных частей марксизма. Вот оттуда и философии права Г. Гегеля было отведено значительное внимание во всех отечественных общественных науках, включая и отечественную теоретическую правовую науку. В то же время философское учение Дж. Локка критиковалось за излишне либеральный его подход к природе и сущности общественного развития. Дж. Локку особенно доставалось в отечественной теоретической правовой науке за его учение о договорном происхождении государства. Такое критическое отношение к учению Дж. Локка, о договорном происхождении государства, можно встретить до сих пор в отечественных учебниках по теории государства и права.

Конечно, читатели и нашей статьи могут задать возникающий здесь естественный вопрос: почему так получилось, что важнейшие общественно-политические институты в нашей стране понимаются не так, как они понимаются в развитых западных странах? Ответ на этот вопрос также содержится в работах профессора Ф.М. Раянова. Он заключается в том, что отечественная теоретическая правовая наука до сих пор находится под влиянием марксистско-ленинского учения об обществе. Как известно, гегелевское понимание таких институтов, как гражданское общество, правовое государство, да и отрицательное отношение Гегеля к народу как источнику власти, в советское время планомерно и последовательно перекочевали в советскую теоретическую правовую науку. В развитых же западных странах гегелевская философия права, в современном теоретико-правовом плане, вовсе не котируется. Там государственно-правовая жизнь общества организуется, как уже отмечалось, в соответствии с учением Дж. Локка. Поэтому проф. Ф.М. Раянов считает, что все упирается в неправильное понимание института гражданского общества и правового государства. Поэтому, по его мнению, если мы хотим и в нашей стране выйти на ту дорогу, которая ведет к подлинному гражданскому обществу и такому же правовому государству, то и нам необходимо основательнее разобраться с пониманием базовых принципов организации современной общественной жизнедеятельности людей.

Конечно, в одной статье трудно охватить все стороны многогранной творческой деятельности проф. Ф.М. Раянова. Поэтому мы можем здесь лишь порекомендовать всем, кто интересуется новыми и интересными творческими результатами юбиляра, самим обратиться к его научным трудам. Мы же, в свою очередь, от души поздравляем Фаниса Мансуровича Раянова со славным юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Введение в правовое государство. Уфа, 1994.
2. Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. Уфа, 2007.
3. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. Санкт-Петербург, 2012.
4. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
5. Раянов Ф.М. Теория правового государства. М. : Юрлитинформ. 2014.

6. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения. М. : Юрлитинформ. 2015.
7. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М.: Юрлитинформ. 2017.
8. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
9. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
10. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // LexRussica. 2015. № 8. С. 14-25.

References

1. Rayanov F.M. Vvedeniye v pravovoye gosudarstvo (Introduction to the rule-of-law state). Ufa, 1994.
2. Rayanov F.M. Pravovoye gosudarstvo – sud'ba Rossii (The rule-of-law state is the fate of Russia). Ufa, 2007.
3. Rayanov F.M. Pravovoye gosudarstvo i sovremennyy mir (The rule-of-law state and the modern world). St. Petersburg, 2012.
4. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analizт (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law state and their analysis). Saarbryukken, 2012.
5. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva (Theory of the rule-of-law state). Moscow, Yurlitinform. 2014.
6. Rayanov F.M. Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya (Civil society and the rule-of-law state: problems of understanding and correlation). Moscow, Yurlitinform. 2015.
7. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyy analiz i novyye vyvody (Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions). Moscow, Yurlitinform. 2017.
8. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science). Moscow, Yurlitinform, 2018.
9. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
10. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *LexRussica*, 2015, No. 8, pp. 14-25.

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: РАСХОДЫ ИЛИ ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕКА?

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухаметовна
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Россия, г. Уфа.
E-mail: agm09@mail.ru

ПОПОВА Анна Владиславовна
доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский Государственный университет», г. Москва, Россия. E-mail: anna0710@yandex.ru

POSTINDUSTRIAL SOCIALITY: EXPENSES OR HUMAN INVESTMENT?

AZNAGULOVA Guzel Mukhametovna
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: agm09@mail.ru

POPOVA Anna Vladislavovna
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the FSEBI HE "Financial University under the Government of the Russian Federation", Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Moscow, Russia. E-mail: anna0710@yandex.ru

Сложная дуалистическая природа человека, генетически содержащая в себе наряду с рациональным составляющим элементы бессознательного, диалектически сопряжена с различными иерархическими ступенями социальной общности людей, где они ожидают иметь право на удовлетворенность своим трудом, найти защиту своих благих интересов и реализацию гражданской позиции и т.д., что может быть достигнуто в социальном государстве, характеризуемом, в частности, высоким уровнем благосостояния, правовой защищенности людей, их высокой социальностью, т.е. способностью к социальным действиям. Поскольку в социальности обширное место занимают приобретенные способности человека, необходимые для реализации его жизненных форм и успешного взаимодействия между членами общества, важное значение имеет деятельность властных структур по поддержке институтов гражданского общества, культурно-нравственному воспитанию, всестороннему физическому и духовному развитию человека с использованием экономических, политических, правовых и институциональных механизмов. Насущной сегодня становится проблема нового определения

The complex dualistic nature of man, which genetically contains elements of the unconscious along with the rational constituent, is dialectically associated with various hierarchical steps of the social community, where people expect to have the right to job satisfaction, to find a defense of their good interests and implementation of their civil position and etc., which can be achieved in a social state, characterized, in particular, by a high level of well-being, legal protection of people, their high sociality, i.e. ability to social actions. Since person's acquired abilities, which are necessary for the realization of his life forms and successful interaction between members of society, occupy an extensive place in sociality, it is essential to stress the importance of authorities' activities in support of civil society institutions, cultural and moral education, comprehensive physical and spiritual development of a person using economic, political, legal and institutional mechanisms. The problem of the new definition of "human sociality", the correlation of its essence with the level of financial and economic development of statehood at the present stage, the importance of education for develop-

«социальности человека», соотнесения его сущности с уровнем финансово-экономического развития государственности на современном этапе, значимости образования для развития истинной социальности. В силу данного обстоятельства должен решаться вопрос о необходимости изменения системы финансирования образования в России в соотнесении с существующими системами в этой сфере в странах Западной Европы и США.

ing true sociality, becomes urgent today. Due to this circumstance, the issue of the need to change the education finding system in Russia in relation to the existing systems in this area in the countries of Western Europe and the USA should be resolved.

Ключевые слова: юриспруденция, социальность, интересы в праве, социальное государство, информационное общество, финансово-экономическое развитие, финансирование образования, правовая политика

Key words: jurisprudence, sociality, interests in law, social state, information society, financial and economic development, education funding, legal policy.

Универсальный принцип перманентного развития в его преломлении к всемирному историческому прогрессу общества, рассматриваемого как высший уровень разумного союза индивидов, в индустриальную, а особенно, в постиндустриальную эпоху в силу достижения человечеством «громадной многообъемлющей значительной производительной силы» [9, с. 281], выдвигает на первый план человека, деятельного и конкретного, не только как носителя определенной суммы знаний в век техники и технологий, стремительно ускоряющегося гигантского потока информации, но и как источника моральных ценностей и субъекта императива нравственных действий. Как подчеркивает Г.В.Ф. Гегель, ничто не осуществляется без интереса действующих индивидов, и последняя цель всемирной истории как идеи свободы и необходимости «является содержанием потребностей и интереса» [7]. «Благоустроенное и само в себе сильное» государство Г.В.Ф. Гегеля и «единственно истинное» государство И.Г. Фихте полагают соединение частных интересов людей с общей целью. Сложная дуалистическая природа человека, генетически содержащая в себе наряду с рациональным составляющим элементы бессознательного, диалектически сопряжена с различными иерархическими ступенями социальной общности людей, где они ожидают иметь право на удовлетворенность своим трудом, найти защиту своих благих интересов и реализацию гражданской позиции и т.д., что может быть достигнуто в социальном государстве, характеризуемом, в частности, высоким уровнем благосостояния, правовой защищенности людей, их высокой социальностью, т.е. способностью к социальным действиям [4, с. 602].

«Социальность» является сложным понятием, отражающим специфику современного мира, а также национальные традиции и обычаи, содержащее также в себе наследуемое генетическое начало. Доктринальное толкование этого понятия является разноплановым, что в конечном счете находит отражение в спектре социальных функций государства. Поскольку в социальности обширное место занимают приобретенные способности человека, необходимые для реализации его жизненных форм и успешного взаимодействия между членами общества, важное значение имеет деятельность властных структур по поддержке институтов гражданского общества, культурно-нравственному воспитанию, всестороннему физическому и духовному развитию человека с использованием экономических, политических, правовых и институциональных механизмов.

Качественная характеристика уровня благосостояния человека может быть дана Индексом развития человеческого потенциала Организацией Объединенных Наций (HDI – Humen Development Index), включающим три вида показателей: продолжительность жизни, уро-

вень грамотности населения страны, уровень жизни – внутренний валовый продукт на душу населения по паритету покупательной способности, определяющих уровень экономики, здравоохранения и образования страны. Направленная на рост уровня благосостояния государства и ее граждан, экономика страны создает потенциал, который формирует единую систему жизнедеятельности государства. Получение образования – это одно из важнейших конституционных прав граждан Российской Федерации. Конституция России 1993 г. гарантирует гражданам нашей страны возможность получения образовательных услуг, предоставляемых государственными образовательными учреждениями как на платной, так и на бесплатной основе. Поскольку действенность той или иной политики может быть оценена только в соотнесении с целями, которые перед ней ставились, то финансирование такой важной сферы жизни общества, как образование, должно преследовать определенные сферы. К таким, по мнению Николаса Барра, следует отнести:

а) размер сектора образования, нуждающегося в финансировании, т.е. определенное количество ресурсов;

б) распределение этих ресурсов между преподавательской и исследовательской деятельностью, между преподаванием различных предметов, а также с качеством результатов и степенью их соответствия требованиям трех основных групп потребителей образовательных услуг – студентов, работодателей и государства;

в) осуществления справедливости как основополагающего принципа социального государства, под котором мы будем понимать распространение высшего образования в разных социально-экономических группах, которое достигается системой доступа к высшему образованию и его достаточным финансированием [10, p. 718].

Опыт стран Западной Европы в этом плане представляет определенный интерес. Так, финансовая политика Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии направлена на расширении сферы образования и на увеличение доступности образования среди всех групп населения. В то время, как в США, акцент делается на повышении качества образования и взаимозависимости уровня образования с экономическим ростом. Эти два подхода в финансировании сферы образования являются результатом реализации двух разных подходов к оценке образовательной среды и ее роли в развитие государственности, в целом. С одной стороны, субсидии из государственного бюджета, связанные с платой за обучение и/или затратами на проживание), представляют собой главную причину сокращения общественных расходов на высшее образование. Поэтому в Великобритании количество студентов в высших учебных заведениях четко определено на каждый учебный год Министерством финансов, поэтому не каждый выпускник колледжа автоматически попадает в университет, вследствие чего поступившим студентам гарантирован высокий уровень высшего образования, в силу жестокого отбора абитуриентов и, прежде всего, из других странах. В тех же странах, в которых пропагандируется доступ каждого к высшему образованию, когда выпускник колледжа или школы в той или иной форме автоматически становится студентом, качество образования может быть и не столь высоко. Это происходит из-за невозможности создать эффективные средства контроля за необходимым количеством финансирования на одного студента и в этом случае происходит неэффективное использование государственных средств, что, в свою очередь, приводит к невозможности поступления в вуз детей из малообеспеченных семей, т.к. внешних ограничений со стороны предложения просто нет.

На современном этапе развития системы образования во всех странах мира без исключения происходит борьба между противоположными тенденциями: достаточное финансирование со стороны государства, следствием чего может стать увеличение налогового бремени на население страны, а также снижение качества образования в силу его доступности, или финансирование небольшого числа университетов с жестким квотированием мест в высших учебных заведениях, за счет чего может произойти повышение качества высшего образова-

ния. Все это свидетельствует о необходимости скорейшего поиска конечных целей финансовой политики государства в области образования и стратегий, необходимых для их достижения. Итак, основным вопросом является следующий: должно ли государство участвовать в финансировании высшего образования, как в Великобритании, или нет, тогда это становится задачей частного сектора экономики, как в США. Казалось бы, ответ очевиден: безусловно государство, ведь образование – это сфера государственной политики, цель которой является воспитание будущего страны. Однако, в век рыночных отношений и главенствования идеологии либерализма и неолиберализма, основным вопросом становится мера и степень государственного участия, т.к. в противном случае, главный лозунг «государство – это ночной сторож» не может быть в должной степени осуществлен. Инвестирование государства в сферу образования становится в этом случае «заложником» такой ситуации. «Обоснованность инвестиций в высшее образование обусловливается предположением, что оно повышает производительный потенциал индивида» [2, с. 131; 10; 11]. Однако работодатель, принимая выпускника вуза, не может только по диплому университета точно знать, насколько он производителен, т.к. высшее образование не влияет на производительность труда. Поэтому, как полагают сторонники «фильтрационной» теории высшего образования, высшее образование не должно быть всеобщим. С другой стороны, большинство представителей работодателей охотнее примут на работу выпускника вуза, чем среднего специального заведения, кроме того, зачастую заработная плата индивида с высшим образование выше, что, безусловно, увеличивает сумму налоговых выплат в бюджет страны. Эти факты свидетельствуют о «выгодности» финансирования образовательной среды в силу того, что будущий результат наполняемости казны находится в прямой зависимости от субсидирования высшего образования сегодня – получается некий отсроченный в прибыли бизнес-проект.

Другой проблемой финансирования высшего образования можно считать претворение в жизнь принципа равенства, а именно, кто должен распределять получаемые университетом от государства финансовые средства – сам источник финансирования, т.е. государство в лице соответствующих государственных органов (как это традиционно делается в Великобритании), или руководство вуза, студенты или иные потребители образовательных услуг (как в США, где активно используется система ваучеров, а также особая система распределения в частных университетах). Особую важность здесь приобретает сфера финансирования – только образовательная деятельность (преподаватель – студент) или еще и дополнительно научно-исследовательская деятельность по заказу публичного и частного секторов экономики. В этом плане крайне интересен опыт Великобритании, когда в конце XX в. The University Grants Committee (UGC) как государственный орган, занимающийся распределением грантов между университетами, подвергся серьезной критике за неспособность достоверно обосновать степень финансирования различных вузов и создать прозрачную систему их мониторинга. Сегодня в России количество бюджетных мест распределяется Министерством образования и науки в зависимости от прогнозирования нуждаемости государства в тех или иных профессиях. Но зарубежный опыт свидетельствует о тщетности подобных действий, например, в конце 80-х гг. XX в. в Великобритании «самым большим спросом пользовались выпускники философских факультетов, так как одним из ведущих направлений в информационных технологиях была «нечеткая логика». Но государственный планирующий орган полагал необходимым закрыть большую часть философских факультетов в университетах Великобритании из-за их количества.

В России сегодня точно такая же ситуация складывается по отношению к гуманитарным специальностям, не имеющим с точки государственных органов прикладного значения, происходит неуклонное и планомерное сокращение бюджетных мест (а, следовательно, государственного финансирования) на юридические и экономические факультеты, полный запрет на получение заочного образования по направлению подготовки «Юриспруденция», за ис-

ключением второго и последующего образования, являющегося безусловно платным и т.д. На наш взгляд, в интересах государства создать сбалансированную систему финансирования, при которой будет происходить не учет, подчас, сиюминутных интересов рынка, а совместной с гражданским обществом долговременной образовательной политики с безусловным учетом развития рыночных отношений, но регулируемой государством. В этом случае применения системы выдачи государством кредитов на получение высшего образования представляется наиболее востребованным.

За рубежом существуют две основные модели кредитных отношений в сфере образования**.** В соответствие с первой – студент имеет право на кредит, который он обязан возвращать финансовому органу в течение определенного договором времени в виде фиксированных сумм. Вторая модель основана на форме «кредита с выплатами», когда индивид обязан платить проценты от будущего годового дохода, до полного возврата кредита. Безусловна, для банковской системы выгодна первая модель, т.к. большинство рисков несет будущий или настоящий студент, что делает его в глазах выходцев из социально-неблагополучных слоев общества не возможным для осуществления, вне зависимости от того, кто является кредитором – государство или частный сектор. В условиях, когда уровень заработной платы является низким, а также существует безработица, кредиты на образовательные цели становятся рискованными, так как их возврат никем не гарантируется.

В странах Западной Европы и США существует две основные модели финансирования высшего образования. Первая модель, получившая распространение в странах континентальной Европе и Великобритании (до 1990 г.), когда государство перечисляет вузам или самим студентам трансферты, финансируемых за счет налоговых поступлений резидентов и нерезидентов на территории государства, поэтому студенты платят не значительную по объему сумму либо не платят ничего.

Вторая модель, получившая распространение в частных вузах США, основана на самофинансирование студентов и других потребителей услуг высшего образования. Большая часть бюджета высших образовательных учреждений состоит из оплаты за обучение студентов, частного финансирования, а также получаемых исследовательских грантов и контрактов от коммерческой деятельности. Разновидность такой модели – система ваучеров (профинансированные за счет налоговых платежей), которую предоставляет государство студентам для оплаты обучения в институте по своему выбору. В этом случае происходит конвергенция принципов государственного и частного самофинансирования вуза. В некоторых штатах Америки ваучеры привязаны к конкретным учебным дисциплинам, которые государство считает необходимым поддержать.

Кроме финансирования образовательной деятельности вузов, особое внимание уделяется финансированию процесса обучения студентов. Трансферты на получение образования могут выплачиваться государством, семьей студента, работодателями, спонсорами или самими образовательными учреждениями. Наиболее распространены следующие виды трансфертов:

а) в виде стипендии, т.е. такой трансферт, который зависит от результатов учебы;

б) денежное пособие в определенных законом случаях;

в) трансферты в форме налоговых льгот (налоговые вычеты, учитывающие определенные виды расходов на образование);

г) натуральные трансферты в виде субсидий на жилье, питание, транспорт.

Помимо трансфертов студентам могут быть предоставлены ссуды от государства, которые представляют комбинацию кредита и неявной субсидии. Изначально ссуды в большинстве стран строятся по схеме ипотечных кредитов.

Третья модель финансирования образования существует в Швеции, когда высшие учебные заведения получают значительную долю финансирования за счет налоговых поступлений и лишь в небольшой степени финансируются за счет учащихся. В 1989 г. была проведена ре-

форма, в результате которой было увеличено финансирование за счет налоговых поступлений, отменены обязательные взносы родителей, снижена доля субсидий в виде процентных выплат и введена система кредитования с выплатами, зависящими от дохода [3, с. 101].

Каждая из приведенных моделей финансирования системы образования имеет как положительные, так и отрицательные черты. Так, приверженцы системы частного финансирования, определяя полученное образование как является инвестиционный капитал, который в дальнейшем будет приносить выгоду своему обладателю, полагают возможным и необходимым введение платного обучения, когда студент будет сам отвечать за достигнутый результат в образовательном процессе, кроме того, привлечение частного капитала потребителей образовательных услуг должно, в конечном счете, привести к усилению независимости учебного заведения.

Сторонники государственного (бюджетного) финансирования утверждают, что в сфере образовательных услуг рыночные отношения не всегда могут самостоятельно регулировать объем и качество образования, поэтому только финансовый контроль со стороны государства может привести к желаемому результату. Сегодня наибольшую популярность приобретает модель смешанного финансирования, но пока достичь оптимального соотношения государственного и частного капитала не представляется возможным, кроме того сложно оценить размер инвестиций в образовательную сферу и др. Совершенствование системы финансирования образования и ее реализация позволит снизить следующие риски: невозвратность платежей при обучении в кредит или в рассрочку; сокращение бюджетного финансирования; неэффективное использование средств на нужды образования; влияние кризисных явлений во внутренней и внешней среде сферы образования [1, с. 94].

Вопрос о модели финансирования высшего образования обсуждается в России не первый год. Для обеспечения преимущественно государственного финансирования необходим профицитный бюджет, но большие государственные расходы на развитие социальной сферы могут повлиять на финансовый и валютный рынки. Поэтому на наш взгляд, необходима диверсификация источников финансирования в сегодняшних условиях развития государства, с последующим постепенным увеличением доли государственного сектора экономики. Данный подход определен в качестве верного авторами данной статьи с учетом проводившейся в Великобритании реформы финансирования высшего образования в конце 80-х гг. XX в., когда была предпринята попытка сориентировать английскую систему образования на рыночные отношения в противовес национальным традициям, в результате чего финансирование университетов пошло по пути сокращения государственных трансфертов и увеличения доходов за счет взимания платы за обучение и, отдельно, за счет исследовательских грантов и выполнения хоздоговорных работ. Все это делалось в целях «увеличения эффективности высшего образования за счет усиления роли студентов и прочих агентов, действующих со стороны спроса, и за счет роста конкуренции среди институтов, как реакции со стороны предложения» [2, с. 133]. Таким образом, благая цель, направленная на повышение конкурентоспособности университетов и институтов и ориентацию на расширение рыночных отношений, но без увеличения государственных расходов и стимулирования расходов частного сектора (например, в виде льготного налогообложения), не только не была достигнута, но и привела к ухудшению качества образования и доступности высшему образования. Доказательством этого может служить Отчет Конфедерации Британской промышленности, в котором приведена информация, что 35% работодателей считают знания математических наук выпускников учебных заведений «неадекватными». Кроме того, 140 тыс. учителей общеобразовательных школ Англии не имеют университетского диплома в этой сфере научных знаний [6]. Как отмечает Д. Лодж, «теряя традиционную опору в виде государственного финансирования, система высшего образования сталкивается не только с финансовыми проблемами, но и с проблемой качества – как преподавателей, так и студентов, предъявляющих спрос на образование» [8,

с. 143]. Поэтому министр образования Соединенного королевства Майкл Гоув заявил о необходимости перенимания Опыта советского образования, в особенности в преподавании математики в государственных учебных заведениях. В 2014 г. были открыты подобные учебные заведения для 16-18 летних детей с целью углубленного изучения математики и подготовки абитуриентов для поступления в лучшие университеты, находящиеся полностью на государственном финансировании. Первая школа была создана на базе лондонского King's College. «Идея основана на сети школ, появившихся в эру гонки вооружений в 60-е гг. минувшего столетия для выявления и взращивания математической и научной элиты с целью стимулировать развитие СССР, – уточняют британские СМИ. – Как и в советских школах, ряд которых укрепляют свои позиции в современной России, некоторые предметы будут вести преподаватели вузов или студенты» [5].

На современном этапе в России финансирование образовательной деятельности системы высшего образования строится по примеру США, где наряду с многочисленными частными институтами, финансируемыми преимущественно за счет платы за обучение и других форм доходов, существует некоторое количество государственных колледжей и университетов, финансируемых частично с помощью государственных выплат, частично – за счет студентов. По нашему убеждению, это приводит к недофинансированию сферы образования, а, следовательно, к снижению материально-технического обеспечения учреждений, низкому уровню оплаты труда и уменьшению из-за этого числа квалифицированных преподавателей, и в конечном итоге – к снижению качества обучения, научно-техническому отставанию нашей страны, экономическим потерям, социальной напряженности в обществе. Реализация конституционных прав граждан на образование в Российской Федерации зависит от системы финансирования образовательных учебных учреждений, и, прежде всего, бюджетного финансирования. Основными задачами в области финансирования учреждений образования должно стать не только увеличение размеров бюджетных средств на финансирование образования, но и совершенствование самой структуры расходов, путем неуклонного увеличения доли расходов на среднее и высшее образование по опыту большинства зарубежных стран.

Библиографические ссылки

1. Аввакумова А.Д. Пути совершенствования системы финансирования образования // Фундаментальные исследования. 2015. № 6-1. С. 91-94.
2. Барр Николас. Высшее образование: способы и источники финансирования / пер. с англ. М. Семеновой // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 130-142.
3. Варламов Б.А., Аввакумова А. Д. Анализ подходов к финансированию системы образования за рубежом // Фундаментальные исследования. 2015. № 6. С. 92-102.
4. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
5. Вести [Электронный ресурс]. URL: http://www.ria-stk.ru/news/detail.php?ID=68864 29.11.2012 (дата обращения: 17.10.2018).
6. В Великобритании позаимствовали опыт советских педагогов для подготовки юных математиков [Электронный ресурс]. URL: http://mk-london.co.uk/news/u2841/2016/03/16/12318 (дата обращения 17.10.2018).
7. Гегель Ф.Г.В. Сочинения. Т. 8. Философия истории / пер. А.М. Водена, под ред. и с предисл. Ф.А. Горохова. М. : Гос. соц. эконом. изд., 1935.
8. Панов А.А., Юдкевич Д.М. Университеты: дилеммы эпохи перемен Комментарий к статье Н. Барра «Высшее образование: способы и источники финансирования» // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 143-145.
9. Фихте И. Г. Сочинения. СПб. : Наука, 2008.

10. Barr N. Alternative Funding Recources for Higher Education // The Economic Journal. 1993. Vol. 103. No. 418. P. 718–728.
11. Blaug, Mark (1976). The empirical status of human capital theory: a slightly jaundiced survey // Journal of Econoтic Literature. September. P. 827–56, reprinted in Blaug (1987. P. 100–28).
12. Blaug, Mark (1985). Where are we now in the economics of education? // Economics of Education Review. Vol. 4. P. 17–28, reprinted in Blaug (1987. P. 129–40).

References

1. Avvakumova A.D. Puti sovershenstvovaniya sistemy finansirovaniya obrazovaniya (Ways to improve the system of education funding), *Fundamental'nyye issledovaniya*, 2015, No. 6-1, pp. 91-94.
2. Barr Nikolas. Vyssheye obrazovaniye: sposoby i istochniki finansirovaniya / per. s angl. M. Semenovoy (Higher education: ways and sources of financing, translated from English by M. Semenova), *Voprosy obrazovaniya*, 2005, No. 2, pp. 130-142.
3. Varlamov B.A., Avvakumova A. D. Analiz podkhodov k finansirovaniyu sistemy obrazovaniya za rubezhom (Analysis of approaches to the financing of the education system abroad), *Fundamental'nyye issledovaniya*, 2015, No. 6, pp. 92-102.
4. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya (Selected Works). Moscow, Progress, 1990.
5. Vesti (News). URL: http://www.ria-stk.ru/news/detail.php?ID=68864 29.11.2012 (accessed date: 17.10.2018).
6. V Velikobritanii pozaimstvovali opyt sovetskikh pedagogov dlya podgotovki yunykh matematikov (In the UK, they borrowed the experience of Soviet teachers to train young mathematicians). URL: http://mk-london.co.uk/news/u2841/2016/03/16/12318 (accessed date: 17.10.2018).
7. Gegel' F.G.V. Sochineniya (Writings). T. 8. Filosofiya istorii, per. A.M. Vodena, pod red. i s predisl. F.A. Gorokhova. Moscow, Gos. sots. ekonom. izd., 1935.
8. Panov A.A., Yudkevich D.M. Universitety: dilemmy epokhi peremen. Kommentariy k stat'ye N. Barra «Vyssheye obrazovaniye: sposoby i istochniki finansirovaniya» (Universities: the dilemmas of the era of changes. Comment on the article by N. Barr "Higher education: ways and sources of financing"), *Voprosy obrazovaniya*, 2005, No. 2, pp. 143-145.
9. Fikhte I. G. Sochineniya (Works). St. Petersburg, Nauka, 2008.
10. Barr N. Alternative Funding Recources for Higher Education. *The Economic Journal*, 1993, Vol. 103, No. 418, pp. 718–728.
11. Blaug, Mark (1976). The empirical status of human capital theory: a slightly jaundiced survey. *Journal of Econotic Literature. September*, P. 827–56, reprinted in Blaug (1987, pp. 100–28).
12. Blaug, Mark (1985). Where are we now in the economics of education? *Economics of Education Review*. Vol. 4. P. 17–28, reprinted in Blaug (1987, pp. 129–40).

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

INSTITUTE OF LEGAL LIABILITY OF CIVIL SERVANTS: CONTEMPORARY ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

АРЗАМАСКИН Николай Николаевич
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск, Россия. E-mail: arznn61@mail.ru

ARZAMASKIN Nicolai Nikolaevich
Doctor of Law, Professor, *Head of the Department of Theory and History of State and Law of the FSBEI HE "Ulyanovsk State University", Ulyanovsk, Russia*. *E-mail: arznn61@mail.ru*

САНДАЛЬНИКОВА Елена Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и правового обеспечения внешнеэкономической деятельности ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» г. Ульяновск, Россия.
E-mail: arznn61@mail.ru

SANDALNIKOVA Elena Vladimirovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Customs and Legal Support of Foreign Economic Activity of the FSBEI HE "Ulyanovsk State University", Ulyanovsk, Russia. *E-mail: arznn61@mail.ru*

Актуализация проблем формирования и совершенствования института юридической ответственности государственных служащих в Российской Федерации обусловлена дальнейшим государственно-правовым развитием современного российского общества. Исследование и теоретико-правовой анализ этих проблем позволяет сформулировать вывод о том, что в современный период в Российской Федерации сложилась тенденция к расширению границ данного института за счет включения в него правовых норм о юридической ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения в качестве самостоятельного нормативного блока.

Actualization of the problems of formation and improvement of the institute of legal liability of civil servants in the Russian Federation is due to the further state law development of the modern Russian society. The study and theoretical law analysis of these problems allows us to formulate the conclusion that in the modern period in the Russian Federation there is a tendency to expand the boundaries of this institution by including legal norms on the legal responsibility of civil servants for corruption offenses as an independent regulatory unit.

Ключевые слова: юридическая ответственность, государственная служба, государственные служащие, система юридической ответственности, противодействие коррупции, коррупционные правонарушения.

Key words: legal liability, state service, civil servants, legal liability system, anti-corruption, corruption offenses.

В 2016 г. в законную силу вступил Федеральный закон [13], внесший серьезные изменения в Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [15]. Этими изменениями был пересмотрен государственный подход к определению системы видов государственной службы. Вместо правоохранительной службы

в систему государственной службы теперь включен такой вид государственной службы как государственная служба иных видов (п. 1 ст. 2 Федерального закона № 58-ФЗ). Соответственно и сейчас нормативно предусмотрено три государственной службы. Это государственная гражданская, военная служба и государственная служба иных видов. Все виды государственной службы федеральные, кроме государственной гражданской службы. Она может быть и региональной.

Корректировка системы видов государственной службы, очевидно, доказывает, что в настоящее время продолжается ее юридико-прикладное «оттачивание». При очевидных параллельных процессах увеличения численности государственных служащих (общая численность работников государственных органов в Российской Федерации составила в 2017 г. – 2 172 900 человек, в 2016 г. – 2 146 300 человек [16]) и снижения количества выявленных при прокурорском надзоре нарушений законодательства о противодействии коррупции (-24,6 % в 2017 г. по сравнению с 2016 г. [7]) заинтересованность российского государства и общества в совершенствовании механизма реализации юридической ответственности государственных служащих будет оставаться на высоком уровне. Судя по последним изменениям в нормативные правовые акты о государственной службе, иные нормативные правовые акты, регулирующие осуществление органами государственной власти возложенных на них полномочий и устанавливающие меры противодействия коррупции, предотвращения конфликтов интересов, высшее руководство страны вместе с уполномоченными органами государственной власти, а также с заинтересованными структурами (например, Общенародным фронтом [10]), нацелены на проведение большой работы по дальнейшей оптимизации законодательной базы института юридической ответственности государственных служащих.

Данные тенденции отмечают многие исследователи. Например, в диссертационном исследовании В.Б. Башурова «Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации» [2] (Омск, 2017 г.) отмечается, что новые изменения в правовом регулировании института государственной службы назрели и являются неизбежными. Требуются совершенствование управления кадровым составом государственной гражданской службы, улучшение качества его формирования, системы развития и повышения профессионализма, компетентности [2, с. 3]. В связи с этим В.Б. Башуров предлагает законодательно четче прописать посредством административных регламентов процедуры регулирования бесконфликтных отношений на государственной гражданской службе, детализировать квалификационные требования к специальности и направлению подготовки государственного гражданского служащего [2, с. 8-9]. Проф. Ф.М. Раянов пишет: «сегодня становится очевидным, что если кто – то хочет проигнорировать требования современной правовой организации общественной жизнедеятельности людей и их подменить какими – то неправовыми механизмами (например, чисто общественным самоуправлением), то представляется, что это бесперспективная затея. Юридизация общественной жизни, в соответствии с современными государственно-правовыми институтами – это объективная потребность любого современного общества» [11, с. 219].

Особое внимание ученых направлено на группу так называемых правоохранительных органов и, в частности, на совокупность правовых норм о прохождении федеральной государственной службы в них, которые, повторимся, в свете изменений 2016 г., в законодательстве о системе государственной службы претерпели свои изменения. Так, Р.В. Нагорных в проведенном им диссертационном исследовании на тему «Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере» [6, с. 10], (Москва, 2017 г.) верно отмечает, что государственная служба в правоохранительных органах сложное административно-правовое явление, требующее, с одной стороны, нормативно-правового обеспечения, а, с другой стороны, учета специфики отдельных органов власти, в которых она осуществляется.

С другой стороны, с теоретико-правовых позиций остаются нерешенными ряд проблем.

Во-первых, это проблемы формирования единой непротиворечивой позиции ученых-юристов об определении понятия юридической ответственности, сочетающего в себе ретроспективный, проспективный аспекты, и ее последовательного внедрения в действующее российское законодательство. Понятие юридической ответственности государственных служащих до сих пор не имеет легального определения. Под ней понимают и юридическую обязанность претерпеть неблагоприятные последствия от совершенного государственным служащим правонарушения, и долг, обязанность надлежащим образом соблюдать возложенные на государственного служащего должностные обязанности, и претерпевание самих этих неблагоприятных последствий в связи с совершением должностного правонарушения.

Во-вторых, это проблемы выработки четких критериев взаимосвязи в системе юридической ответственности государственных служащих не только так называемых традиционных видов ответственности – уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой, но и иных, в том числе новых, видов ответственности – антикоррупционной ответственности, морально-правовой ответственности государственных служащих.

Антикоррупционная ответственность и в институте государственной службы составляет большой пласт норм правовых норм о мерах юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Они обеспечивают служебную дисциплину, способствуют выполнению поставленных перед государственными служащими задач, позволяют повысить уровень законности и правопорядка в российском государстве [1]. В то же время немалую роль, учитывая необходимость правоприменительной деятельности высшей судебных инстанций страны в формировании правовой позиции относительно противодействия коррупции, играют разъяснения по вопросам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 14 июня 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление № 17 [8], разъясняющего спорные вопросы применения конфискации имущества в уголовном процессе.

В 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 24 [9] провел аналогию между преступлениями, предусмотренными ст. 290 и ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации [12] (далее – УК РФ), разделив их по субъекту и сфере проявления в государственном и частном секторах соответственно (п. 28, 31). В связи с этим в правовой литературе было высказано мнение, что формирование судебной практики по вопросам реализации ответственности за коррупционные преступления вынуждено в виду нечеткого разграничения законодательном механизма реализации передачи взятки и коммерческого подкупа [11, с. 126].

Конвенция ООН против коррупции 2003 г. [5] называет ответственность как общий принцип противодействия коррупции в органах государственной власти. В ст. 2–14 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. [4], которую Россия ратифицировала в 2006 г., называются ряд составов коррупционных преступлений. На национальном уровне определение понятия «коррупция» содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [14] (п. 1 ст. 1). Между тем оно небесспорно и критикуется среди ученых [3, с. 8]. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит такого состава преступления как коррупция, а само понятие «коррупция» фактически сводится к понятию «коррупционная преступность» так в нем перечисляются преимущественно составы коррупционных преступлений, что является не совсем обоснованным. Согласно ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» за совершение коррупционных правонарушений устанавливается не только уголовная ответственность, но и административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. В связи с этим актуальным является разграничение в этом законе понятий коррупционное преступление и коррупционный проступок (ст. 1) и расширение видов юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений путем дополнения нормы ч. 1 ст. 13 словами «иную ответственность».

Институт государственной службы по своей сущности есть административно-правовой институт, представляющий собой совокупность правовых материально-правовых и процессуально-правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения в сфере определения правовой основы, принципов, видов, особенностей осуществления профессиональной деятельности в органах государственной власти, специфике доступа к ней граждан Российской Федерации и обеспечивающих выполнение возложенных на государство его функций. В нем содержатся правовые нормы, регулирующие административные правоотношения в сфере государственного управления. В тоже время этот институт содержит и конституционные, уголовные, административные, трудовые и иные правовые нормы. А значит, проблема привлечения виновного государственного служащего к нескольким видам юридической ответственности за совершение одного правонарушения требует законодательной проработки.

В-третьих, можно выделить проблему выделения в отдельный комплексный межотраслевой подвид юридической ответственности – юридической ответственности высших должностных лиц государства, обеспеченный не только уже закрепленными инструментами ее реализации, но и иными, которые уже доказали свою эффективность в мировой практике государственного управления (в частности, пожизненный запрет занимать руководящие должности в органах публичной власти, коммерческих и некоммерческих организациях, прохождение курсов по повышению этико-правовых знаний).

В – четвертых, всесторонне осмысливая институт ответственности государственных служащих невозможно обойти и вопрос о влиянии на этот институт формирующегося в нашей стране гражданского общества и правового государства. Как отмечает проф. Ф.М. Раянов – «Гражданское общество и правовое государство – требование современного мира. Здесь можно на полном серьезе сказать: или мы вписываемся в требования современного мира, или окончательно развалимся, как государство. Правда, все это может произойти не так быстро, но то, что оно произойдет, вряд ли, можно сомневаться» [12, с. 15].

В заключение отметим, что для каждого вида государственной службы имеются законодательно закрепленные особенности механизма реализации механизма юридической ответственности государственных служащих. При решении проблем эффективности механизма реализации юридической ответственности государственной службы необходимо помнить и правотворцам, и правоприменителям, что назначение государственной службы состоит в гарантировании через кадровый состав функций государства обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности в государстве, и механизм юридической ответственности только один, не всегда плодотворный в отличие из поощрений, инструментов воплощения ее назначения в реальную действительность.

Библиографические ссылки

1. Агешкина Н.А., др. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2017 (дата обращения: 30.04.2018).
2. Башуров В.Б. Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
3. Долгова А.И. Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы : сборник научно-практической конференции / под ред. А.И. Долговой. М., 2015. С. 7-23.
4. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (закл. в г. Страсбурге 1999 г., для РФ вступ. в силу с 1 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2394.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (прин. в г. Нью-Йорке 2003 г., для РФ вступ. в силу с 8 июня 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26, ст. 2780.

6. Нагорных Р.В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017.
7. Основные результаты прокурорской деятельности за январь-декабрь 2017 г. // Официальный сайт Генпрокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/ (дата обращения: 05.11.2018).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/documents/own/26889 (дата обращения: 06.11.2018).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9; 2014. № 2.
10. Президент Владимир Путин поддержал деятельность ОНФ по борьбе с коррупцией на местах // Официальный сайт общероссийского канала «Первый канал» [Электронный ресурс]. URL:https://www.1tv.ru/news/2016-01-31/2370 (дата обращения: 05.11.2018).
11. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение: монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
12. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012, № 4 (30). С. 8-16.
13. Савенко И.А. Особенности уголовно-правовой ответственности за коррупционные преступления // Общество и право. 2014. № 4(50). С. 123-126.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. №41, ст. 6192.
15. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4388.
16. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228; Российская газета. 2018. 2 нояб.
17. Федеральный закон РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22, ст. 2063; 2016. № 22, ст. 3091.
18. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления // Официальный сайт ФСГС. Раздел «Государство, общественные организации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm (дата обращения: 06.11.2018).

References

1. Ageshkina N.A., dr. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ (postateynyy) (Commentary to the Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ (itemized). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'-tantPlyus», 2017 (accessed date: 30.04.2018).
2. Bashurov V.B. Administrativno-pravovoye regulirovaniye prokhozhdeniya gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii (Administrative and legal regulation of the state civil service of the Russian Federation), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2017.
3. Dolgova A.I. Reagirovaniye na korruptsiyu: praktika protivodeystviya v Rossii i napravleniya optimizatsii bor'by (Responsiveness to corruption: the practice of counteraction in Russia and the direction of optimization of the struggle), *Korruptsiya: sostoyaniye protivodeystviya i napravleniya optimizatsii bor'by*, sbornik nauchno-prakticheskoy konferentsii, pod red. A.I. Dolgovoy. Moscow, 2015, pp. 7-23.
4. Konventsiya ob ugolovnoy otvetstvennosti za korruptsiyu (zakl. v g. Strasburge 1999 g., dlya RF vstup. v silu s 1 fevralya 2007 g.) (The Criminal Law Convention on Corruption (adopted in Strasbourg in 1999, for the Russian Federation it entered into force on February 1, 2007), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2009, No. 20, st. 2394.
5. Konventsiya Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy protiv korruptsii (prin. v g. N'yu-Yorke

2003 g., dlya RF vstup. v silu s 8 iyunya 2006 g.) (United Nations Convention against Corruption (adopted in New York in 2003, for the Russian Federation it entered into force on June 8, 2006), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2006, No. 26, st. 2780.
6. Nagornykh R.V. Administrativno-pravovoye regulirovaniye gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii v pravookhranitel'noy sfere (Administrative law regulation of the civil service of the Russian Federation in the law enforcement sphere), avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Moscow, 2017.
7. Osnovnyye rezul'taty prokurorskoy deyatel'nosti za yanvar'-dekabr' 2017 g. (The main results of the prosecutor's activity in January-December 2017), *Ofitsial'nyy sayt Genprokuratury RF*. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/ (accessed date: 05.11.2018).
8. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyunya 2018 g. № 17 (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 of June 14, 2018), *Ofitsial'nyy sayt Verkhovnogo Suda RF*. URL: https://vsrf.ru/documents/own/26889 (accessed date: 06.11.2018).
9. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 iyulya 2013 g. № 24 (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2013, No. 9; 2014, No. 2.
10. Prezident Vladimir Putin podderzhal deyatel'nost' ONF po bor'be s korruptsiyey na mestakh (President Vladimir Putin supported the activities of the ONF in the fight against local corruption), *Ofitsial'nyy sayt obshcherossiyskogo kanala «Pervyy kanal»*. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-01-31/2370 (accessed date: 05.11.2018).
11. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2018.
12. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: the historical-civilizational approach), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, № 4 (30), pp. 8-16.
13. Savenko I.A. Osobennosti ugolovno-pravovoy otvetstvennosti za korruptsionnyye prestupleniya (Features of criminal liability for corruption crimes), *Obshchestvo i pravo*, 2014, No. 4 (50), pp. 123-126.
14. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v deystv. red.) (The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 1996, No. 25, st. 2954; 2018, No. 41, st. 6192.
15. Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 262-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti utochneniya vidov gosudarstvennoy sluzhby i priznanii utrativshey silu chasti 19 stat'i 323 Federal'nogo zakona «O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law of July 13, 2015 No. 262-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Clarification of the Types of Civil Service and Repeal Part 19 of Article 323 of the Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation"), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2015, No. 29 (ch. I), st. 4388.
16. Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii» (v deystv. red.) (Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (as amended), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2008, No. 52 (ch. 1), st. 6228; Rossiyskaya gazeta, 2018, 2 noyab.
17. Federal'nyy zakon RF ot 27 maya 2003 g. № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoy sluzh-by Rossiyskoy Federatsii» (v deystv. red.) (Federal Law of the Russian Federation of May 27, 2003 No. 58-FZ "On the System of State Service of the Russian Federation" (as amended), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2003, No. 22, st. 2063; 2016, No. 22, st. 3091.
18. Chislennost' rabotnikov gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya (The number of employees of state bodies and bodies of local self-government), *Ofitsial'nyy sayt FSGS. Razdel «Gosudarstvo, obshchestvennyye organizatsii»*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm (accessed date: 06.11.2018).

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

ВОРОБЬЕВ Николай Федорович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, истории права и международного право Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия. E-mail: nivo49@yandex.ru

Государственный контроль лишь в последние годы стал предметом пристального изучения со стороны отечественной науки и политической практики, хотя существует он в Российской Федерации и других странах уже давно, на протяжении нескольких столетий. Государственный контроль основан, прежде всего, на Конституции РФ, из содержания которой определяются его основные направления и принципы функционирования. Понятие «государственный контроль» объединяет в себе собственно государственный контроль и государственный надзор, с учетом таких признаков государственного контроля, как специфика содержания, масштабность, властность осуществления, системность, процессуальность, перманентность, возможность наступления негативных последствий для подконтрольных объектов, специфический круг решаемых задач.

Ключевые слова: государственный контроль, правовые признаки, правовая сущность, государственный надзор, конституционный контроль.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF STATE CONTROL

VOROBYOV Nikolai Fedorovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International law of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.. E-mail: nivo49@yandex.ru

Only in recent years, state control has been the subject of scrutiny on the part of national science and political practice, although it has existed in the Russian Federation and other countries for a long time, over several centuries. State control is based primarily on the Constitution of the Russian Federation, the content of which determines its main operational areas and principles. In this paper, the author examines the concept of state control, determines that the concept “state control” combines state control itself and state supervision, additionally he reviews such signs of state control as content specifics, scale, power of implementation, systematicity, procedurality, permanency, the possibility of negative consequences for controlled objects, a specific range of tasks.

Key words: state control, legal characteristics, legal nature, state supervision, constitutional control.

На данный момент вопросам осуществления государственного контроля, его правовой сущности, проблемам его реализации в определенной сфере деятельности уделяется значительное внимание как со стороны теоретиков права, так и со стороны правоприменителей. В научной литературе по административному, конституционному праву, теории государства и права вопросы государственного контроля освещаются по-разному. В одних случаях авторы рассматривают институт государственного контроля максимально широко, включая в него практически любую контрольную деятельность государственных органов [1, с. 399-400; 12, с. 146]. В других случаях государственный контроль освещается в достаточно узком плане, сводя его в основном к контролю органов исполнительной власти [19, с. 177-186; 13, с. 7-13].

Государственный контроль в первую очередь следует понимать в широком смысле слова, поскольку он присущ всем органам государственной власти, однако с оговоркой, что с

учетом принципа разделения властей, каждой ветви власти присущ контроль в определенной сфере правоотношений. Все же нельзя однозначно говорить о неправоте ученых, рассматривающих государственный контроль в узком смысле слова, ведь в каком-то роде контроль органов исполнительной власти является если не единственным, то самым распространенным видом государственного контроля. Трудности уяснения правовых границ государственного контроля связаны, прежде всего, с определением его понятия, которое в теоретическом плане довольно размыто. Перед тем, как определять правовую сущность государственного контроля, рассмотрим понятие «контроль». Толковый словарь С.И. Ожегова определяет контроль как проверку и постоянное наблюдение в целях проверки и надзора [21]. А.В. Петров, А.Е. Епифанов связывают контроль с административным влиянием, процессом сдерживания, ограничения или проверки чего-либо или кого-либо [18, с. 49]. В.В. Дьяконов определяет контроль как коррекцию поведения, сдерживание от правонарушений со стороны контролирующих субъектов [11, с. 51]. О.Е. Савенко рассматривает контроль как деятельность в виде выявления отклонений процесса управления от нормативных установок [20, с. 70]. Из данных определений можно заключить, что контроль – это всегда определенная деятельность контролирующих субъектов, направленная на недопущение со стороны подконтрольных объектов нарушений различных нормативных установок и предписаний, заключающаяся в виде проведения проверок, постоянного наблюдения и т.д.

При определении правовой сущности государственного контроля в теории возникают вопросы его соотношения с понятием «государственный надзор». В большинстве случаях авторы, изучающие данную проблематику, стараются разграничить указанные понятия. В.В. Алексеев, З.В. Вдовенко под государственным контролем понимают деятельность специально уполномоченных субъектов, их должностных лиц по наблюдению за подконтрольным объектом с целью выявления отклонения его функционирования от заданных параметров [3, с. 10]. Государственный надзор, по мнению указанных авторов, состоит в деятельности специально уполномоченных субъектов, их должностных лиц по наблюдению за не подконтрольными им объектами с целью выявления нарушений действующего законодательства [3, с. 10]. Отличия государственного контроля и надзора, представленные В.В. Алексеевым, З.В. Вдовенко, состоят в следующем:

- органы государственного контроля обладают более широкими полномочиями по сравнению с надзирающими органами, поскольку в отличие от контроля законности, являющегося основным направлением деятельности надзирающих органов, в число их полномочий входят как контроль законности, так и контроль эффективности деятельности;
- контроль осуществляется в отношении строго определенного круга объектов, а надзор – в отношении неопределенного круга юридических и физических лиц;
- отличия по перечню субъектов и методов осуществления контроля и надзора [3, с. 10].

Близка к позиции вышеупомянутых авторов позиция О.Ю. Бакаевой и И.В. Мильшиной, согласно которой под государственным контролем понимается способ обеспечения государственной дисциплины подконтрольными объектами с точки зрения законности и целесообразности, а под государственным надзором – способ обеспечения законности в различных сферах деятельности [5, с. 67]. В отличие от этих авторов, В.И. Лисеенко при исследовании развития государственного контроля и надзора в современной России в отличие от предыдущих авторов не выделяет различий между указанными понятиями, а использует термины «контрольно-надзорные органы», «система государственного контроля и надзора» [15, с. 45-46].

Д.А. Осипов и В.М. Большакова различают государственный контроль и надзор в зависимости от периодичности проведения контрольных (надзорных) мероприятий. По их мнению, контроль проводится периодически (разово в течение определенного периода времени), а надзор систематически (в основном – постоянно) [17, с. 138]. В остальном данные авторы не видят принципиальных отличий данных понятий. М.А. Лапина указывает, что государ-

ственный (административный) надзор является особой разновидностью государственного контроля, обладающей его некоторыми признаками: мониторингом и предупреждением совершения правонарушений [14, с. 153]. Подобного мнения также придерживается Д.Н. Бахрах, считающий надзор суженным контролем, в ходе которого проверяется только законность, а не целесообразность деятельности, как при контроле [7, с. 166]. С Д.Н. Бахрахом полностью соглашается В.В. Чуманова, также считающая, что надзор является составляющей контрольной деятельности государства [22, с. 190]. Отсюда возникает вопрос, если контроль включает в себя проверку законности и целесообразности деятельности подконтрольных объектов, а надзор только проверяет законность деятельности, то не является ли надзор разновидностью контроля? Думается, ответ на данный вопрос должен быть положительным. Государственный контроль в рамках данной статьи будет определяться как более широкое понятие к государственному надзору, являющегося частью государственного контроля. Рассматривать данные понятия как абсолютно разные категории недопустимо.

Также следует сказать, что современное законодательство не делает особой разницы между понятиями «контроль» и «надзор». Так, единственным законом, в котором есть определение указанных понятий, является Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Как в названии, так и в содержании данного нормативного акта (ст. 2), не делается различий между контролем и надзором. Согласно данному закону, под государственным контролем (надзором) применительно к индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам понимается деятельность уполномоченных государственных органов и их должностных лиц по выявлению и пресечению правонарушений со стороны подконтрольных лиц путем проведения проверок, наблюдения и иных профилактических мероприятий. Безусловно, Конституция РФ закладывает основы государственного контроля, однако не дает ему определения. В ней про контроль упоминается:

- в ст. 71 при описании полномочий РФ на принятие законодательства и контроль за его исполнением;
- в ч. 5 ст. 101 при описании полномочий Федерального Собрания РФ по созданию Счетной палаты для контроля за исполнением федерального бюджета.

Про надзор в Конституции РФ упоминается только в ст. 126 при описании полномочий Верховного Суда РФ на осуществление надзорного производства. Подробное рассмотрение признаков государственного контроля нашло свое место в теории государства и права, теории административного и конституционного права.

К признакам государственного контроля, во-первых, относится его содержание. М.Л. Баранов определяет содержание рассматриваемого феномена как процесс осуществления профессионального наблюдения за деятельностью подконтрольных лиц для того, чтобы она соответствовала предписаниям закона и обеспечивала осуществление интересов общества и государства [6, с. 67]. Схожего мнения придерживается В.П. Беляев, указывающий, что сущностью контроля является проверка деятельности какого-либо субъекта на соответствие определенным параметрам [8, с. 89]. Д.Б. Алексеев считает, что сущностью государственного контроля является социальная роль юридической деятельности, связанная с осуществлением государственной власти [4, с. 33]. Данная социальная роль, по мнению автора, реализуется посредством установления государственными органами соответствия законности деятельности подконтрольных объектов от имени государства [4, с. 34]. Таким образом, вышеуказанные определения содержания государственного контроля общие у ряда авторов.

Во-вторых, к признакам государственного контроля следует отнести масштабность его осуществления. Как верно подмечено Д.Б. Алексеевым, государственный контроль осуществляется во всех сферах деятельности государства и общества, однако в пределах, ограниченных правовым регулированием [4, с. 33-34]. Объектами государственного контроля, к примеру, является социальная политика, экономика, внешняя и внутренняя политика, пове-

дение частных лиц, действия организаций и учреждений и т.д. Что касается подконтрольных субъектов (объектов), то ими могут являться как отдельные физические лица или юридические лица, а также государственные и муниципальные органы власти. Однако ряд общественных отношений в демократическом государстве не должны быть объектом государственного контроля. Так, по общему правилу, недопустимо вмешательство государства в частную жизнь личности, в установление правового регулирования моральных ценностей. Однако, как показывает современное положение дел в России и в мире в целом, неприкосновенность частной жизни систематически нарушается путем осуществления контроля за поведением граждан в социальных сетях Интернет (примером чему служит массовое уголовное преследование пользователей за репосты и лайки); путем прослушки телефонных переговоров под видом борьбы с терроризмом и его проявлениями. Подобное направление государственного контроля (в форме надзора) фактически нарушает гарантированные Конституцией РФ права и свободы граждан.

В-третьих, к признакам государственного контроля необходимо отнести властность его осуществления [9, с. 166]. В этом плане следует согласиться с Е.А. Маштаковой, что государственный контроль является проявлением суверенной власти государства, поэтому он подкрепляется силами государственного принуждения [16, с. 17]. Властный характер предполагает определенный круг контролирующих субъектов. К конституционно закрепленным субъектам осуществления государственного контроля следует отнести Президента РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, суды и прокуратуру РФ. Также от лица государства осуществляют контроль органы исполнительной власти, подчиненные Правительству РФ и Президенту РФ (федеральные министерства, агентства, службы и их подразделения), органы, формируемые законодательной властью (Счетная палата РФ).

В-четвертых, признаком осуществляемого государственного контроля следует считать системность. В систему государственного контроля включаются: 1) субъекты контроля; 2) подконтрольные объекты; 3) сфера государственного контроля (экономика, политика и т.д.); 4) пределы контроля (временные и правовые); 5) права и обязанности сторон контроля [10, с. 126].

В-пятых, государственный контроль реализуется в определенной процедуре. Вмешательство государственных органов в деятельность подконтрольных объектов не должна быть хаотичной, она регулируется законодательством с целью обеспечения прав и свобод при осуществлении контрольной работы. Обычно процедура государственного контроля разбивается на следующие условные стадии:

- анализ выявленных проблем в деятельности подконтрольных объектов;
- разработка решений на основе выявленных проблем;
- организация по исполнению решений властных органов;
- контроль за устранением выявленных недостатков;
- подведение итогов государственного контроля [2, с. 6-7].

В-шестых, признаком государственного контроля является его перманентность, то есть постоянство осуществления, в противном случае поддержание законности и целесообразности деятельности подконтрольных объектов было бы попросту невозможным.

В-седьмых, государственный контроль может порождать определенные негативные последствия для подконтрольных объектов в случае нарушения ими норм законодательства. Зачастую это проявляется в применении к нарушителям норм юридической ответственности.

В-восьмых, государственный контроль имеет определенную направленность (задачи). К таким задачам следует отнести:

- обеспечение законности и правопорядка в обществе и государстве, в том числе защита прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение интересов юридических лиц;
- обеспечение безопасности по различным ее направлениям (информационной безопасности, безопасности окружающей среды и т.д.);

- выявление и пресечение правонарушений, в том числе привлечение виновных лиц к юридической ответственности;
- повышение эффективности государственного управления;
- поддержание стабильности государственного устройства.

Конечной целью осуществления государственного контроля всегда выступает достижение такого состояния подконтрольного объекта, при котором он пребывает в пределах установленных законом параметров.

На основании изучения признаков государственного контроля следует сделать следующие выводы:

1. Под государственным контролем понимается масштабно осуществляемая властная деятельность государственных органов, их должностных лиц, по проверке надлежащего состояния подконтрольных объектов, систематически реализуемая по определенной процедуре, направленная на обеспечение законности, правопорядка и безопасности в обществе и государстве, а также на поддержание стабильности государственного устройства и эффективности государственного управления.

2. Понятие «государственный контроль» объединяет в себе собственно государственный контроль и государственный надзор.

3. К неотъемлемым признакам государственного надзора относятся его специфическое содержание, масштабность, властность осуществления, системность, реализация по установленной законом процедуре, перманентность, возможность наступления негативных последствий для подконтрольных объектов, специфический круг решаемых задач.

Библиографические ссылки

1. Авакьян С.А. Конституционное право России : учебное пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017.
2. Агеев О.Г. Проблемы государственного контроля в России // Юридическая гносеология. 2016. № 3. С. 4-8.
3. Алексеев В.В., Вдовенко З.В. Государственный контроль и надзор в современной России // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 5. С. 10-12.
4. Алексеев Д.Б. Актуальные проблемы контрольной деятельности органов государственной власти в современной России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.
5. Бакаева О.Ю., Мильшина И.В. Соотношение понятий государственного контроля и надзора: правовые позиции // Юридическая мысль. 2012. № 5. С. 56-70.
6. Баранов М.Л. Содержание государственного контроля как вида социального управления // Юридический мир. 2012. № 10. С. 66-74.
7. Бахрах Д.Н. Административное право России. М. : Норма, 2001.
8. Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
9. Губин Н.П. Общий механизм государственного контроля (надзора): понятие, виды, нормативно-правовое регулирование // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 1. С. 164-170.
10. Давлетов С.Ф. Механизм государственного контроля и надзора: к вопросу о понятии и признаках // Вестник Академии права и управления. 2012. № 26. С. 125-129.
11. Дьяконов В.В. Контроль и надзор в системе функций государства (теоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.
12. Зарипова Р.Р. Понятие «государственный контроль» как правовая категория: некоторые аспекты понимания // Инновационная наука. 2017. № 1. С. 146-147.
13. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Чаплинский А.В. Государственный и муниципальный контроль (надзор) в отношении граждан: нормативное регулирование и реализация на практике / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин, А.В. Чаплинский. М. : Высшая школа экономики, 2015.

14. Лапина М.А. Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения // Вестник финансового университета. 2016. № 4. С. 152-157.
15. Лисеенко В.И. Институт государственного контроля и надзора в Российской Федерации: история попыток реформирования в 1990-2017 гг. // Вестник уральского финансово-юридического института. 2017. № 1. С. 43-53.
16. Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации : дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000.
17. Осипов Д.А., В.М. Большакова. О понятиях «государственный контроль», «государственный надзор» и «тотальный контроль над личностью» // Власть. 2015. № 5. С. 136-140.
18. Петров А.В., Епифанов А.Е. Юридическая природа государственного контроля и надзора // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 36-49.
19. Пикулькин А.В. Система государственного управления : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
20. Савенко О.Е. Контрольная функция государственных органов : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.
21. Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11790 (дата обращения: 12.10.2018).
22. Чуманова В.В. Государственный контроль и надзор: понятие и сущность // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2. С. 188-191.

References

1. Avakyan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii (Constitutional law of Russia), uchebnoe posobie, Moscow, Norma INFRA-M, 2017.
2. Ageev O.G. Problemy gosudarstvennogo kontrolya v Rossii (Problems of state control in Russia), *Yuridicheskaya gnoseologiya*, 2016, No. 3, pp. 4-8.
3. Alekseev V.V., Vdovenko Z.V. Gosudarstvennyj kontrol' i nadzor v sovremennoj Rossii (State control and supervision in modern Russia), *Uspekhi v himii i himicheskoj tekhnologii*, 2015, No. 5, pp. 10-12.
4. Alekseev D.B. Aktual'nye problemy kontrol'noj deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti v sovremennoj Rossii (Actual problems of the control activities of state authorities in modern Russia), dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk, Moscow, 2015.
5. Bakaeva O.Yu., Mil'shina I.V. Sootnoshenie ponyatij gosudarstvennogo kontrolya i nadzora: pravovye pozicii (The ratio of the concepts of state control and supervision: legal positions), *Yuridicheskaya mysl'*, 2012, No. 5, pp. 56-70.
6. Baranov M.L. Soderzhanie gosudarstvennogo kontrolya kak vida social'nogo upravleniya (The content of state control as a type of social management), *Yuridicheskij mir*, 2012, No. 10, pp. 66-74.
7. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii (Administrative Law of Russia), Moscow, Norma, 2001.
8. Belyaev V.P. Kontrol' i nadzor kak formy yuridicheskoj deyatel'nosti: voprosy teorii i praktiki (Control and supervision as a form of legal activity: questions of theory and practice), dissertaciya doktora yuridicheskih nauk, Saratov, 2006.
9. Gubin N.P. Obshchij mekhanizm gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): ponyatie, vidy, normativno-pravovoe regulirovanie (General mechanism of state control (supervision): concept, types, legal regulation), *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2016, No. 1, pp. 164-170.
10. Davletov S.F. Mekhanizm gosudarstvennogo kontrolya i nadzora: k voprosu o ponyatii i priznakah (The mechanism of state control and supervision: the question of the concept and features), *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2012, No. 26, pp. 125-129.
11. D'yakonov V.V. Kontrol' i nadzor v sisteme funkcij gosudarstva (teoreticheskij aspekt) (Control and supervision in the system of state functions (theoretical aspect), dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk, Moscow, 2006.
12. Zaripova R.R. Ponyatie «gosudarstvennyj kontrol'» kak pravovaya kategoriya: nekotorye aspekty ponimaniya (The concept of "state control" as a legal category: some aspects of understanding), *Innovacionnaya nauka*, 2017, No. 1, pp. 146-147.

13. Knutov A.V., Plaksin S.M., Chaplinskij A.V. Gosudarstvennyj i municipal'nyj kontrol' (nadzor) v otnoshenii grazhdan: normativnoe regulirovanie i realizaciya na praktike (State and municipal control (supervision) in relation to citizens: regulation and implementation in practice), A.V. Knutov, S.M. Plaksin, A.V. Chaplinskij, Moscow, Vysshaya shkola ehkonomiki, 2015.
14. Lapina M.A. Sushchnost' gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i genezis ego zakonodatel'nogo opredeleniya (The essence of state control (supervision) and the genesis of its legislative definition), *Vestnik finansovogo universiteta*, 2016, No. 4, pp. 152-157.
15. Liseenko V.I. Institut gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v Rossijskoj Federacii: istoriya popytok reformirovaniya v 1990-2017 gg (Institute of State Control and Supervision in the Russian Federation: the history of reform attempts in 1990-2017), *Vestnik ural'skogo finansovo-yuridicheskogo institute*, 2017, No. 1, pp. 43-53.
16. Mashtakova E.A. Teoretiko-pravovye voprosy gosudarstvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii (Theoretical and legal issues of state control in the Russian Federation), *dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk*, Rostov-na-Donu, 2000.
17. Osipov D.A., V.M. Bol'shakova. O ponyatiyah «gosudarstvennyj kontrol'», «gosudarstvennyj nadzor» i «total'nyj kontrol' nad lichnost'yu» (On the concepts "state control", "state supervision" and "total control over the individual"), *Vlast'*, 2015, No. 5, pp. 136-140.
18. Petrov A.V., Epifanov A.E. Yuridicheskaya priroda gosudarstvennogo kontrolya i nadzora (The legal nature of state control and supervision), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2013, No. 7, pp. 36-49.
19. Pikul'kin A.V. Sistema gosudarstvennogo upravleniya (Public administration system), uchebnik dlya vuzov, A.V. Pikul'kin, Moscow, YUNITI-DANA, 2015.
20. Savenko O.E. Kontrol'naya funkciya gosudarstvennyh organov (Control function of state bodies), dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk, Moscow, 2004.
21. Tolkovyj slovar' S.I. Ozhegova onlajn (Explanatory Dictionary by S.I. Ozhegov online), URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11790, (accessed date: 12.10.2018).
22. Chumanova V.V. Gosudarstvennyj kontrol' i nadzor: ponyatie i sushchnost' (State control and supervision: the concept and essence), *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki*, 2015, No. 2, pp. 188-191.

Дата поступления: 20.01.2018 *Received: 20.01.2018*

УДК 340.1+34(091)

ДЕМОКРАТИЯ, ПРАВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович
доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

DEMOCRACY, LAW AND LEGAL CULTURE

GALIEV Farit Khatipovich
Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

В соответствии с всеобщим мнением, демократия в современном мире считается одной из основных характеристик организации жизнедеятельности общества и государства. Сегодня о демократии невозможно вести речь вне ее связи с такими понятиями, как «власть», «право», «государство», «общество». При этом, совершенно бесспорно, что

In accordance with the general opinion, democracy in the modern world is considered one of the main characteristics of the organization of society and state activities. In modern conditions, it is impossible to refer to democracy out of its connection with such notions as “power”, “law”, “state” and “society”. At the same time, law is undoubtedly the most effective means of

самым действенным средством обеспечения демократии служит право. Оптимальность соотношения права и демократии отражается на правовой культуре общества. Правовая культура является основой, которая делает возможным осуществление демократии, и, одновременно, результатом процесса осуществления демократии, потому что демократия, в общем и целом, представляет собой осознанное самоограничение, основанное на требованиях не только норм права, но и морали, религии, этики, традиций и обычаев. Способность осознанного самоограничения присуща человеку как личности, правильно воспринимающей не только смысл и значение права в процессе осуществления собственных интересов, но и свою роль в жизни общества и государства.

Ключевые слова: демократия, право, правовая культура, общество, государство.

ensuring democracy. The optimal correlation of law and democracy is reflected in the legal culture of society. Legal culture is the foundation that makes democracy possible, and, at the same time, the result of the implementation of democracy, because democracy, by and large, is conscious self-restraint, based on the requirements of legal rules as well as the standards of morality, religion, ethics, including traditions and customs. It should be noted that the ability of conscious self-restraint is inherent in a person as a highly organized personality who correctly understands and perceives the meaning and value of law while exercising his own interests as well as his role in society and state activities.

Key words: democracy, law, legal culture, society, state.

Понятие «демократия» прошло большой и тернистый путь, появившись глубоко в недрах древнего общества, отличающегося тем, что в нем, как к совершенно естественному явлению, относились к существованию рабов, рабовладельцев и рабовладения. Многие наши современники, даже не задумываясь над этим, понятие «демократия» трактуют с точки зрения двух составляющих данного понятия: «демос» и «кратос», причем, с большим намеком на форму правления и сущность политического режима. Однако на самом деле с понятием «демократия» не все так просто и однозначно.

В этой связи, в первую очередь, мы бы отметили то, что современное содержание и смысл понятия «демократия» вряд ли может толковаться так же, как и в древние времена. Между тем, как считает руководитель Уфимской научной школы проблем правового государства профессор Ф.М. Раянов: «в отечественной юридической науке уже давно принят подход, в соответствии с которым государственно-правовые институты раскрывались и продолжают раскрываться сплошным, неразрывным потоком с древности и до наших дней. Возможно, такой методологический подход к раскрытию вопросов, связанных с развитием государственно-правовых институтов, был бы приемлемым, если бы специально обращалось при этом внимание на существенные различия между ценностями традиционного и современного общества. К тому же принятый подход к изложению вопросов, связанных с государственно-правовыми институтами, не позволяет не только вникнуть в естественно-правовую природу многих государственно-правовых институтов, но и раскрыть подлинную современную роль и значение этих институтов. Представляется, что именно по этой причине в нашей стране до сих пор многие современные государственно-правовые обществоведческие институты или понимаются неправильно, или им отводятся не подобающие место и роль в нашем обществе» [1, с. 86].

Действительно, в современном мире смысл и содержание понятия «демократия» не может трактоваться вне определяющей связи демократии с понятием государствообразующий народ как единственный источник государственной власти. Если мы подойдем к понятию «демократия» таким путем, то окажется, что о демократии просто невозможно вести речь вне ее связи с такими институтами, как «общество», «власть», «право» и «государство». Другими словами, в реальной жизни получается так, что о понятии «демократия» невозмож-

но говорить и рассуждать вне учета ее органической связи с природой и сущностью самого общества, его таких обществоведческих институтов, как государство и право.

Интересны в этом отношении мысли известного итальянского юриста и общественного деятеля Бруно Леони. Он пишет, что ««демократия» – термин, принадлежащий к политическому языку Греции времен Перикла. Мы не можем понять его значение, не обращаясь к таким терминам, как «полис», «демос», «экклезия», «изономия» и т.п., так же как мы не можем понять значение современного швейцарского «демократия», не обращаясь к таким терминам, как Landsgemeinde, референдум и т.д. Нужно заметить, что слова типа экклезия, полис, Landsgemeinde и референдум в других языках обычно цитируются, а не переводятся, потому что их нельзя перевести удовлетворительным образом» [2, с. 48].

Поэтому, как нам представляется, понятие «демократия» изначально не может относиться к разновидностям лишь формы правления, как нередко можно наблюдать в отечественной теоретической правовой науке. Ведь в реальной жизни мы видим функционирование не только демократических республик, но и не менее демократических конституционных монархий. Это происходит потому, что демократическая форма организации жизнедеятельности государства и общества, прежде всего, отражается в способах и методах принятия законов, специфике осуществления исполнительной власти, особенностях деятельности органов правосудия, а не только в способах формирования или организации высших органов государственной власти. Более того, мы, представители Уфимской научной школы проблем правового государства, считаем, что подлинно демократическим может быть только правовое государство. Именно это и имел в виду профессор Ф.М. Раянов, когда писал, что «почти во всех сегодняшних учебниках почему-то и для чего-то утверждается, что основоположниками идей правового государства являются Платон и Аристотель. Но ведь Платон и Аристотель жили в условиях рабовладельческого строя, во времена полного отсутствия правового равенства вообще, открытого ущемления прав женщин, то есть тогда, когда о конституционализме, о суверенитете народа, об ответственности государства перед обществом даже говорить не приходилось. Такое необоснованное (в этих учебниках отсутствует ответ на вопрос, как времена господства рабовладельческого права можно считать периодом зарождения идей правового государства) удаление в прошлое периода появления идей о правовом государстве мешает этим же авторам сосредоточиться на социально-экономических, политико-правовых предпосылках возникновения и реализации идей о правовом государстве» [3, с. 4]. «Демократия сегодня, – пишет Ф.М. Раянов, – это не столько власть народа, как это было в государствах-полисах, а сколько средство правового (справедливого) решения возникающих вызовов общественного развития, проблем и вопросов» [4, с. 122; 6, с. 4-8].

По нашему мнению, оптимальное соотношение понятий «демократия» и «государство» объективно может складываться только в государстве, доросшем до уровня правового государства. Это обусловливается еще и тем, что понятие «демократия» в современном мире все больше и больше начинает стыковаться и взаимодействовать и с понятием «право». Так происходит потому, что если государствообразующий народ является единственным источником власти, а форма государственно-правового режима демократическая, то средством осуществления этой власти, совершенно закономерно, может быть только право, источником которого является государствообразующий народ. «О народе же, как о единственном источнике права, отечественная юридическая наука пока еще вообще ничего даже не знает, – отмечает Ф.М. Раянов. – Да, я не оговорился: именно государствообразующего народа или гражданского общества, что, по нашему мнению, одно и то же, необходимо рассмотреть в качестве не только единственного источника власти, но и единственного источника права» [5, с. 5].

При этом нужно учесть и то обстоятельство, что в современном мире существенные изменения претерпевают и сами подходы к пониманию и определению самого понятия «право». Например, С.И. Захарцев и В.П. Сальников, предлагая компрехендный (от латынского Comprehendo – всеохватывающий), пишут, что «пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя

останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе…» [7, с. 14].

Основной причиной такого изменения подходов к раскрытию смысла и содержания понятия «право» является проникновение в сферу общественного сознания совершенно новых представлений о природе и сущности государства и права. Если в прошлом в истории человечества господствовало представление о божественном происхождении всего на свете, включая и само государство и его право, то на определенном этапе развития человеческой мысли выяснилась рукотворность природы государства. С этих пор люди начали обращать внимание на то, что государство появляется на свет значительно позже, чем естественные права и свободы человека. Все это позволило людям понять, что есть естественные права человека и есть позитивное право, т.е. право, как устанавливаемая государством система правил поведения. Такое различие естественного и позитивного права на практике породило и проблему необходимости выяснения сущности принципа верховенства права над государством. Поэтому, имея все это в виду, профессор Ф.М. Раянов еще в 2004 году писал, что «если тезис о верховенстве права над государством не всех устраивает из-за того, что многие считают право производным от государства, то здесь проблема упирается в то, что понимается под понятием «право». Если же под понятием «право» иметь в виду право вообще, то есть систему всех социальных норм, то верховенство такого права в обществе и над демократическим государством очевидно. Вот почему еще необходимо поднимать на уровень юридической науки проблему правовой системы общества, проблему понятия права как системы всех социальных регуляторов» [8, с. 17].

Таким образом, основным фактором в фундаментальном изменении восприятия понятия «право» является понятие «государствообразующий народ», который представляет собой не только единственный источник государственной власти, но и единственный источник права. Н.И. Матузов, рассматривая право в политическом измерении, отмечал, что «попытки утвердить демократию вне права, законности, нормативного порядка недопустимы и порочны в своей основе, ибо это означает рецидивы необольшевизма или даже большевизма» [9, с. 372].

В связи со сложностью и новизной проблемы воли народа в качестве единственного источника не только власти, но и права, здесь мы хотели бы еще раз сослаться на научные выводы профессора Ф.М. Раянова. Он пишет: «Наши исследования, связанные с проникновением в подлинную сущность правового государства, позволяют добраться до действительно главного в праве. Мы пришли к выводу, что разрешение проблем юриспруденции в целом, вопроса о сущности права как предмета работы юристов органически связано с состоянием взаимосвязанности общества (гражданского общества) и государственной власти. Другими словами, проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конституционализма и правового государства. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны» [10, с. 24].

То, что Конституция страны является основным источником права, вряд ли кто будет спорить. Однако проблема заключается в том, что саму конституцию в нашей отечественной теоретической науке многие ее представители считают не основным законом общества, а основным законом государства. Вот и профессор Ф.М. Раянов в своих научных трудах доказал, что Конституция является основным законом именно общества. Как раз конституция в современном мире рассматривается в качестве общественного договора, закрепляющего волю государственно организованного народа. Следовательно, развитие связи между единственным источником государственной власти и объективно возникающими естественными правами и свободами человека и гражданина выводят нас не только на параметры демократических процедур, но и на институт конституционализма в современном варианте его понимания.

Если же эту логическую линию развивать дальше, то условием, обусловливающим и объединяющим понятия «демократия» и «право», оказывается и соответствующая им правовая культура общества. Правовая культура является той основой, которая делает возможным

осуществление демократии, и одновременно результатом процесса осуществления демократии, потому что демократия, в общем и целом, представляет собой осознанное самоограничение, основанное на требованиях не только норм права, но и норм морали, религии, этики, включая традиции и обычаи. При этом необходимо отметить, что способность осознанного самоограничения присуща человеку как высокоорганизованной личности, правильно понимающей и воспринимающей не только смысл и значение права в жизни людей, но и свою роль в жизни общества и государства. Если правовую культуру мы понимаем как знание основных требований и принципов права и умение ими пользоваться при решении реальных жизненных вопросов, то эти знание и умение пользоваться правом уже сами по себе являются основанием для осознанного самоограничения. Рассматривая ценности современного общества «как духовных образований, предшествующих сущему и реальному» [11, с. 5] в государственно-правовом измерении, А.Н. Бабенко обращает внимание на то, что «каждый, признающий за собой право иметь и осуществлять собственные ценности, должен признать, что и каждый другой субъект имеет право на осуществление своих ценностей и потребностей, а также признать собственные обязанности не ущемлять эти права» [11, с. 89].

В своей книге «Понимание права. Подходы и проблемы» Г.В. Мальцев подчеркивал, что «невозможна демократия в обществе, где есть организованные группы людей, объединившиеся ради монополизации ресурсов. Демократию формирует не сам по себе плюралистический характер общественных отношений (плюрализм – есть естественное состояние любого общества), а начала терпимости, проникающие в плюралистическую структуру социального организма. Демократия обречена на нравственное перерождение и порчу, когда из нее изымают гражданскую отзывчивость и солидарность, признание самоценности не только своего, но и чужого интереса» [12, с. 333]. В то же время, «способность и умение людей соблюдать, исполнять и пользоваться нормами права, подчиняться требованиям действующего законодательства предполагает знание этих норм и их восприятие субъектами права и правоотношений, наличия у них представления о том, что такие нормы вообще существуют и функционируют, что за неподчинение закону можно претерпеть определенные лишения и неудобства» [13, с. 186].

Диего Валадес, директор Института юридических исследований Национального Автономного Университета г. Мехико, отмечает, что «только суверенному народу дано устанавливать закон и исполнять его. Недопустимо, чтобы кто-либо дублировал эту высшую функцию, ведь тогда он был бы сувереном. Этот аргумент, связанный с концепцией общественного договора, находит свое отражение в контроле, но многие следствия из него нам еще предстоит изучить. В течение XIX–XX вв. происходил ярко выраженный созидательный и аналитический процесс, который позволил разработать теорию демократии, теорию юстиции, теорию права и теорию государства. Однако требуется новое созидательное усилие, чтобы объяснить феномен власти во всех его проявлениях. Такое объяснение станет возможным, только когда будет создана общая теория государства, права и демократии» [14, с. 234]. Таким образом, совершенно бесспорно, право выступает одновременно и связующим звеном, и основой в соотношении государства и демократии. «Право в высших своих значениях, – писал С.С. Алексеев, – (таких, как право человека), призвано создавать основу для действия высших духовных сил – антиподов насилию на уровне духовной жизни общества и человека, веры, основополагающих моральных критериев поведения людей» [15, с. 196].

Все это позволяет говорить о том, что без соответствующей правовой культуры демократия, как такая форма организации жизнедеятельности государства и общества, при которой основным источником государственной власти и права является государство образующий народ, просто невозможна.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
2. Леони Бруно. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008.

3. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
4. Раянов Ф.М. Сущность правового государства. Основные концепции правового государства и их анализ. Саарбрюккен, 2012.
5. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 3-11.
6. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 4-8.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство. 2017. № 1 (47). С. 13-30.
8. Право и законность в демократическом обществе / Ф.М. Раянов, Р.Г. Минниахметов, Д.А. Пономарев ; под ред. Ф.М. Раянова. М., 2004.
9. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Сарат. гос. академии права, 2004.
10. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // Lex Russica. 2015. № 8. С. 14-25.
11. Бабенко А.Н. Ценности в государственно-правовом измерении: монография. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015.
12. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999.
13. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
14. Диего Валадес. Контроль над властью. М. : Идея-Пресс, 2006.
15. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. М. : «Статут», 2000.

References

1. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science). Moscow,Yurlitinform, 2018.
2. Leoni Bruno. Svoboda i zakon (Freedom and law), per. s angl. V. Koshkina ; pod red. A. Kurayeva. Moscow, IRISEN, 2008.
3. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
4. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva. Osnovnyye kontseptsii pravovogo gosudarstva i ikh analiz (The essence of the rule-of-law state. The main concepts of the rule-of-law state and their analysis). Saarbryukken, 2012.
5. Rayanov F.M. Ponimaniye grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v otechestvennoy yuridicheskoy nauke i sovremennyye potrebnosti v yego pereosmyslenii (Understanding of civil society and the rule-of-law state in national legal science and contemporary needs for its rethinking), *Pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu zhurnala «Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika» (g. Ufa 16-17 aprelya 2015 g.), otv. red. F.Kh. Galiyev. V 2-kh ch. CH. 1. Ufa, RITS BashGU, 2015, pp. 3-11.
6. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: historical-civilizational approach), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 4-8.

7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Razmyshlyayem o sushchnosti prava: komprekhendnyy pod-khod (We reflect on the essence of law: comprehensive approach), *Pravovoye gosudarstvo*, 2017, No. 1 (47), pp. 13-30.
8. Pravo i zakonnost' v demokraticheskom obshchestve (Law and legality in a democratic society). F.M. Rayanov, R.G. Minniakhmetov, D.A. Ponomarev, pod red. F. M. Rayanova. Moscow, 2004.
9. Matuzov N.I. Aktual'nyye problemy teorii prava (Actual problems of theory of law). Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004.
10. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking), *Lex Russica*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
11. Babenko A.N. Tsennosti v gosudarstvenno-pravovom izmerenii (Values in the state law dimension), monografiya. Chelyabinsk, Izdatel'skiy tsentr YUUrGU, 2015.
12. Mal'tsev G.V. Ponimaniye prava. Podkhody i problemy (Understanding the law. Approaches and problems). Moscow, Prometey, 1999.
13. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problemy (Legal culture: social and philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
14. Diyego Valades. Kontrol' nad vlast'yu (Control over power). Moscow, Ideya-Press, 2006.
15. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya. Nekotoryye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoy epokhi (Law on the threshold of the new millennium. Some trends in world legal development are the hope and drama of the modern era), S.S. Alekseyev. Moscow, «Statut», 2000.

Дата поступления: 22.10.2018 *Received: 22.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВО

RUSSIAN MENTALITY AND LAW

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович
доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich
Doctor of Law, Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

SALNIKOV Viktor Petrovich
Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal science: History and Modernity", St. Petersburg, Russia.
E-mail: Fonduniver@bk.ru

В последнее время менталитет и как явление, присущее современному обществу, и как научное понятие, отражающее специфику поведения людей при определенных обстоятельствах, привлекает к себе большой интерес. Данное понятие, как правило, в научных исследованиях сопровождается уточнением принадлежности менталитета к определенной нации, народу, этнической группе. Фактиче-

Recently, the mentality, both as a phenomenon inherent in modern society, and as a scientific concept reflecting the specifics of people's behavior under certain circumstances, has attracted a great interest of researchers. As a rule, in scientific researches, this concept is accompanied by clarification of the mentality belonging to a certain nation, people, ethnic group. In fact, the mentality is a multifaceted description

ски менталитет – это многофакторное описание конкретной нации (народа, народности) и особенностей поведения ее типичных представителей в той или иной ситуации. В менталитете основной интерес представляет отношение его носителей к праву, к правовым явлениям, наличие или отсутствие у них правового нигилизма, позитивного понимания и восприятия права. Все это имеет особое значение в обществе, основные векторы развития которого соответствует условиям правового государства.

Ключевые слова: Менталитет, право, закон, нигилизм, психология, нация, народ.

of a specific nation (people, nationality) and the characteristics of the behavior of its typical representatives in a particular situation. The main interest in the mentality is the attitude of its bearers to law, to legal phenomena, the presence or absence of legal nihilism, of positive understanding and perception of law. All this has a particular importance in society; the main vectors of society development correspond to the conditions of improving the rule-of-law state.

Keywords: mentality, law, act of legislation, nihilism, psychology, nation, people.

В последнее тридцатилетие в мировых гуманитарных науках стал проявляться интерес к менталитету наций и народов. Российскими учеными этот интерес был подхвачен. Появились статьи и книги о русском менталитете и его особенностях [5]. В целом научные публикации были достаточно содержательными и интересными. Однако смеем сказать, что таких публикаций было недостаточно. Русский менталитет настолько широк и парадоксален, что его уместно назвать неисчерпаемым. А значит, он перманентно требует новых исследований. Для наших философско-правовых работ исследование русского менталитета имеет важное значение [2; 4; 6; 8]. Поэтому мы тоже присоединились к числу его исследователей в контексте права.

Вначале определимся о том, что такое менталитет. Мы нашли примерно три десятка более-менее похожих дефиниций. Однако наиболее четким и понятным нам показалось широко известное понятие, содержащееся в Википедии: менталитет – это совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности. В ходе исследований мы будем базироваться на этом определении. Хотя менталитет можно представить и еще проще. Фактически менталитет – это многофакторное описание конкретной нации (народа, народности) и ее типичных представителей.

Одной из важнейших характеристик ментальности россиян является недостаточное уважение к праву, а если сравнивать с другими европейскими нациями и народностями, то можно сказать и еще точнее: просто – неуважение к праву и законам, правовой нигилизм [1; 3]. Одну из главных причин этого мы видим в истории русского народа. Возьмем, например, три последних столетия. Они характеризовались наличием крепостного права (фактически рабовладельческого строя). Вся полнота власти за судьбу человека лежала на владельце крепостных. Он мог миловать и казнить, в том числе назначать смертную казнь. При этом мог казнить «под настроение», т.е. ни за что. Психология раба, а также отношение к праву как выдумке, бесполезной и неприменяемой в реальной жизни, сидит во многих душах россиян до сих пор. Показательно, что женщина в крепостном праве даже не считалась человеком (душой), ее правовой статус вообще не был определен. Иначе говоря, с ней можно было делать вообще все что угодно. Отсюда характерное для россиян особое неуважение к правам женщин: родилась женщиной – сиди на кухне. Но ведь и владельцы крепостных (помещики, дворяне и т.д.) также были беззащитны от власти верховных самодержцев России. При таких обстоятельствах никакого уважения к праву по определению быть не могло.

Крепостное право формально было отменено в 1861 г., но фактически местами продержалось до первой революции в 1905 г. Мы собственно до сих пор в XXI веке можем наблюдать, что принятые в Москве законы не соблюдаются уже в соседних с ней областях.

А республики и народности на окраинах России вообще живут подчас по своим законам и правилам. В части указа об отмене в 1861 году крепостного права с уверенностью можем сказать, что он не соблюдался длительное время, а до некоторых поселений в течение нескольких лет даже не был доведен. Далее была эпоха революций: в 1905 г., в феврале 1917 г. и в октябре 1917 г. Очевидно, что во время революций, характеризующихся коренной ломкой существовавших устоев (в том числе законодательных), ни о каком праве речь в принципе идти не могла. Об этом довольно подробно говорили участники дискуссии, развернутой в 2017 г. на страницах федерального научно-практического журнала «Юридическая наука: история и современность», вызванной статьей-презентацией классика теории государства и права В.В. Лазарева «Право и революция» [7]. Затем была гражданская война, разруха и Великая Отечественная война. Думаем, что не требует доказательства факт того, что во время войн право в целом и права человека в частности находятся не в приоритете. Родившиеся в этот период и после войн русские люди о том, что такое право по определению до конца не знали и в него не особенно верили. У них просто не было опыта сильно полагаться на право и, например, решать спорные вопросы в суде. Советское общество, как и в царское время, было скорее законобоязненным, чем законопослушным. Оно понимало силу конкретного чиновника и государственного деятеля, который мог делать практически все что угодно. Надо также учитывать и то, что советская элита была из рабочих и крестьян, то есть из бывших крепостных. Увы, многие из таких людей впитали психологию раба, психологию нищенства. Для таких людей было характерно не спорить с начальником, уметь подчиняться, быть терпеливым. С них, как с элиты, брали пример и другие жители России. Возможно, здесь таится разгадка уникальной терпеливости российского народа ко всем трудностям и стойкое преодоление подобных трудностей.

Надо также учитывать, что люди с рабской психологией всегда привыкли слепо верить в своего правителя и никак иначе. Мол, мы люди не самостоятельные, всего не знаем, но есть кто-то, кто о нас позаботится, думает и пр. Вспомним, как народ искренне верил в идеальность государей. Но прошло не так много времени, и уже освобожденный от царизма русский народ также стал относиться к И.В. Сталину, который, как писалось на плакатах, постоянно думает о каждом жителе нашей страны, является лучшим другом всех специалистов и пр. Показательно, что за царей, равно как и за И.В. Сталина, наши соотечественники шли на смерть и героически погибали. У многих других народов мира (мусульман, католиков и др.) принято погибать за Бога, но не за конкретного человека. Многие террористы, например, по сей день взрывают себя и других людей за Аллаха, но не за правителя конкретной страны. В России принято воевать и погибать за правителя страны, подчас обожествляя его. При этом каждый век Россия не менее двух раз тяжело воюет. На войне люди стремятся к победе любой ценой, что естественно. У войны свои законы, которые близко не соотносятся с законами мирного времени и тем более с правовыми нормами.

События 1990-х годов еще более отдалили русских людей от права. Это время характеризовалось в России периодом накопления первых капиталов. Еще некогда народное добро переходило в частные руки, причем как законным, так и откровенно незаконным способом. Период накопления первого капитала в целом одинаково проходит во всех странах мира. Он сопровождается ростом преступности и ущемлением прав людей, а также локальными войнами (в России – с Чечней). Вот с такими результатами россияне пришли к настоящему времени. Любовь и уважение к праву и законам у россиян изначально не могло сформироваться. Более-менее спокойные периоды в России были только эпизодически. Постоянная зависимость россиян от всевластных помещиков, царей, чиновников и их решений сформировало у них удивительно теплое, не характерное для других наций, отношение к осужденным. Это выражают и народные пословицы, например: от тюрьмы, да от сумы не зарекайся. Такая пословица объясняет, что каждый человек (независимо от того виновен он или нет!), может в любой момент оказаться в тюрьме и в бедности. И эту мысль знает, наверное, каждый росси-

янин. В развитие этой мысли именно у русских и только у русских существуют другие характерные поговорки:

- Не всякий прут по закону гнут;
- Что мне законы, были б судьи знакомы;
- Не бойся закона, бойся судьи.

Более того, сейчас в относительно спокойное время считается нормальным и всем понятным, когда богатые люди и высокие государственные чиновники оказывают помощь тюрьмам и осужденным, но отнюдь не школам. И искренне (с юмором) объясняют свое поведение тем, что в школу они, наверное, уже не попадут. Равно как песни о тяжелой судьбе осужденных или о криминальной романтике знают все с детства. Кстати, исходя из сложившейся ментальности, еще в школе неправовое поведение школьников поощряется. Характерный и всем известный пример: в западноевропейских школах списывать, во-первых, считается очень неприличным, а во-вторых, списать и не дадут. В российских школах принято давать списывать, а не дающие списать являются изгоями в коллективе. То же сохраняется и в вузах. Более того, во многих военных и специальных высших учебных заведениях командиры курсов обращают внимание на необходимость взаимовыручки для успешной сдачи экзаменов. Таким образом, русский человек ничего не ждет от права и закона и в него не верит.

Исторический опыт объективно показывает, что россияне в основном помногу трудились, но не на себя и не для себя. А для кого трудились? В крепостное право – на своих собственников и людивладельцев. В советское время – на государство. Это сформировало в ментальности в целом непозитивное отношение россиян к труду. Любой труд – это тяжелая и эмоционально затратная деятельность. Уже давно доказано, что для хороших показателей в труде человеку нужен стимул. Таким стимулами являются повышение в зарплате, карьерное продвижение, достижение лучших результатов для всеобщего признания, конкуренция. В крепостном и советском строе конкуренции продукции не было. Была конкуренция и стремление к карьерному росту у отдельных профессий, например, у ученых-конструкторов. Такая категория специалистов, как правило, стремилась быть первыми, лучшими, наиболее авторитетными. Однако у большинства россиян качество работы (как в царское, так и в советское время) никак не влияло на оплату или другие привилегии. Этим объясняется сформированная откровенная неаккуратность, неинициативность, незаинтересованность и равнодушие к работе многих россиян. Наиболее понятный пример. До сих пор мы не можем построить нормального качественного автомобиля. Автомобили есть на чертежах, но как только заходит речь о сборке автомашины выясняется, что шурупы забиты молотком, а не закручены, масло течет, тормоза скрипят, двери не закрываются. Причем, даже сборка в России хороших иностранных автомобилей по лицензиям и под жестким контролем, не приносит должного качества. Россияне могут трудиться и показывать уникальные результаты, но в основном «из-под палки». Наверное, пройдет еще немало времени, когда отношение к своему труду изменится именно в головах.

Отношение к своему труду, в сочетании с тем, что трудишься «не на себя» неизбежно сформировало еще одну неприятную черту в ментальности россиян – вороватость. Увы, у значительной части русского народа этот грех присутствует. Вороватость наблюдалась как во время царизма (у барина украсть можно – он не обеднеет), так и в советское время (сколько у государства не воруй – своего не вернешь). Несомненно, вороватость активно присутствует и сейчас. Достаточно посмотреть, сколько занимающих высокие посты чиновников, дослужившихся до распределения денежных средств, совершают различные хищения. Причем совершают хищения уже, будучи обеспеченными людьми – не могут остановиться. Если в факте вороватости кто-то из читателей сомневается – достаточно просто ознакомиться с современными уголовными делами о хищениях. Вороватость, разумеется, относится не только к чиновникам, но и руководителям всевозможных коммерческих структур, активно грабящих собственника. Да и просто обычные рабочие и служащие при наличии возможности своро-

вать, как правило, ее не упускают. Вороватость тоже очень хорошо демонстрирует отсутствие у большинства россиян уважения к праву и закону.

Неуважение к правам других людей у россиян показывает также и пристрастие к крепким алкогольным напиткам. Чем его объяснить мы затрудняемся. Однако надо признать, что любовь к крепкому алкоголю объективно есть. Наш опыт общения и ознакомление с жителями различных наций показывает, что алкогольные напитки любят и активно употребляют, разумеется, не только россияне. В то же время надо признать факт того, что в среднем наши соотечественники в употреблении алкоголя, во-первых, не знают чувства меры, а во-вторых, могут выпить за раз значительно больше, чем представители любой другой национальности. Конечно, отчасти на это влияет неуважение россиян к праву и чужим правам. Частично влияет и то, что алкоголь является способом психологического расслабления, в том числе от угнетения, от неустроенности жизни и других проблем. Но ведь подобные проблемы и способы расслабления есть и во всех других нациях, однако именно в России алкоголь любят явно излишне.

В науке приведено много доказательств, что на менталитет оказывает влияние природа, в которой живет нация. У русских людей, здесь опять же имеются особенности. Отношение русских к природе воспитывается с детства так, что Россия самая богатая страна, имеющая неисчерпаемые ресурсы. Беречь их нет необходимости, поскольку они закончатся гораздо позже вашей жизни. Равно как не надо беречь природу, подтверждением чему является сложнейшая экологическая обстановка в некоторых городах. Об экологии и сохранении природы не думали ни при царизме, ни в советское время. Не ошибемся, если скажем, что в части отношения к своей природе и своим ресурсам мы являемся уникальной нацией. Казалось бы, хотя бы эти вопросы, затрагивающие всех без исключения, следует четко урегулировать правом. Однако опять все получается наоборот.

Вместе с тем, начиная с 1990-х годов, в России появилось огромное количество юридических вузов и факультетов. Юридические факультеты открыли многие технические вузы. Они представлены в физических, химических, политехнических, воздушных, водных и пр. университетах. Появились и частные юридические вузы. Откуда вдруг появилось столько желающих стать юристами? Мы провели редкое по масштабам и значению исследование: опросили 5 тысяч студентов и абитуриентов за несколько лет. Мы задали вопрос, а с какой целью вы поступаете именно в юридический вуз и хотите стать юристом? Результаты потрясли бы весь мир, но не удивили нас. 4197 человек (почти 84 %) ответили, что хотят стать юристами для того, чтобы научиться умно не соблюдать закон. Иными словами, чтобы нарушать закон, но не попадаться!!! Не свято соблюдать закон, не руководствоваться правом в жизни, не помогать людям правильно поступать, не защищать людей от преступности и произвола, а умело уклоняться от требований закона! Где еще в мире, такие результаты могут быть получены! Вот что значит ментальность. При этом, как наверное все понимают, молодые люди пошли в юридические институты осознанно, как правило, благодаря воспитанию родителей. Значит у родителей примерно такие же взгляды на поведение! Родители спокойно смотрят на то, чтобы их дети стали «умными правонарушителями», т.е. умели нарушить и при этом не попасться.

Ситуацию, правда, испортил другой возникший вопрос, откуда вдруг появилось столько преподавателей? Следует признать, что в большинстве упомянутых вузов (у которых вдруг открылись непрофильные юридические факультеты) весьма слабые преподаватели. Поэтому желание получить навыки по уклонению от требований закона вступило в противоречие с низким качеством самого юридического образования.

Подобные юридические факультеты и вузы стали выпускать не юристов с большой буквы, а обычных юридических ремесленников. Эти ремесленники обучены читать закон и в несложных случаях могут верно его применить. Но они совершено не понимают ни сущности правовых явлений, ни предназначения права. И порой не могут защитить даже самих себя.

Не верите столь резким оценкам? Посмотрите сами: поговорка «казнить нельзя помиловать» актуальна до сих пор! Но ведь на дворе, извините, XXI век. Право существует столе-

тия, а жизнь людей и их права до сих пор зависят от правильности постановки запятой! А российская юридическая наука и практика так и не выработали так называемую «защиту от неумейки», которая бы гарантировала правильность постановки этого знака препинания. Вместо того чтобы понимать право, дух закона юридическая практика превратилась в филологическую науку о правильном прочтении той или иной нормы.

В сумме: в России правовая деятельность – не удел наиболее подготовленной и чистой прослойки населения. Право – это удел ремесленников. Которые, при этом опираются на ментальность россиян, связанную с недоверием и неуважением к праву.

Однако будем надеяться, что когда-нибудь талантливый, неисчерпаемый и любимый русский человек свое отношение к праву изменит.

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
2. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11-29.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40.
6. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов и др. ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
7. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 48-60.
8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

References

1. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problemy (Legal culture: social and philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
2. Zakhartsev S.I. Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), monografiya, pod red. V.P. Sal'nikova. Moscow, Norma, 2014.
3. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Pravosoznaniye yurista i pravovoy nigilizm: sovremennyye problemy professional'noy deformatsii (Legal awareness of a lawyer and legal nihilism: modern problems of professional deformation), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2013, No. 11, pp. 11-29.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (Philosophy. Philosophy of law. Legal science), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2015.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto otlichayet cheloveka russkoy kul'tury ot lyubogo drugogo: filosofsko-pravovoy vzglyad (What distinguishes a person of Russian culture from any other: philosophical and legal view), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 1, pp. 23-40.
6. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of post-classical legal philosophy). R.F. Ismagilov i dr., pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
7. Lazarev V.V. Pravo i revolyutsiya (Law and revolution), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 48-60.

8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 15.10.2018 *Received: 15.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

SYSTEM APPROACH IN MODERN LEGAL STUDIES

ЗЫРЯНОВ Алексей Викторович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Юридического института Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: lotos495@mail.ru

ZYRIANOV Aleksey Viktorovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law of the Law Institute of the South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: lotos495@mail.ru

Необходимость методологического анализа системного подхода, его возможностей и эффективности в юридических исследованиях продиктована потребностями сегодняшней науки. Представляется актуальным вопрос относительно разработки категории права в соответствии с системологической позицией, в рамках которой идея права (его природа) соотносится с такими системными свойствами, как организационная целостность, целеполагаемость, структурность, функциональность, многофакторность, коэволюционность, связь со средой и т.д. Система права представляет собой единый набор нормативно-правовых образований разного уровня, взаимосвязанных и взаимодействующих в масштабах права в целом. В связи с этим возникает надобность анализа связи системы права и системы законодательства с механизмом правового регулирования посредством идеи метасистемного взаимовлияния системы государственной организации (с соответствующим аппаратом управления) и общества в целом, как соответствующей среды со свойственными принципами ее существования. Этим обусловливается вопрос об условиях коэволюционного развития элементного состава общества, государства и права с присущими характеристиками многоуровневости и многофакторности.

This paper is devoted to the methodological analysis of the system approach, its capabilities and efficiency criteria in modern legal researches. It is an urgent issue regarding the development of the category of law in accordance with a systemological position, within which the idea of law (its nature) is appropriately correlated with such systemic properties as organizational integrity, goal-setting, structural properties, functionality, multifactor, co-evolutionary, relationship with environment, self-organization etc. It is stated that the system of law is a single set of legal entities of different levels, properly connected and interacting with each other on the scale of law as a whole. In this regard, it is necessary to analyze the connection of the system of law, the system of legislation with the mechanism of legal regulation through the idea of metasystem interaction of the system of state organization (with the relevant apparatus of management) and society as a whole, as an appropriate environment with the inherent principles of its existence. Due to this, the question is raised about the system conditions of co-evolutionary development of the elemental composition of society, state and law with the inherent of multilevel and multifactorial characteristics .

Ключевые слова: система, метод, право, структура, регулирование, государство.

Key words: system, method, law, structure, regulation, state.

Несмотря на признание научным сообществом толкования права как системного явления, мало внимания уделяется познанию истинных (в данном случае, системных) принципов его формирования и развития, которое является основой для привлечения в качестве методологической основы, такую специальную теорию, как теория систем, способную объективизировать и актуализировать исследования в этой области знаний. В связи с этим, исходя из, в частности, анализа философской и теоретической литературы, представляется важным разработать относительно категории права, соответствующую системологическую позицию, в рамках которой идея права (его природа) должна быть надлежащим образом соотнесена со следующими собственно системными свойствами.

Так, право представляет собой сложное, полиструктурное системное образование, обладающее всеми основными свойствами, присущими системам вообще. Одной из важнейших особенностей правовой системы является организация, которая зависит от различных факторов, в частности, от состояния отношений внутри системы. Система права представляет собой самотождественный структурный набор нормативно-правовых образований разного уровня, надлежащим образом связанных и взаимодействующих между собой в масштабах права в целом. Высокий уровень специализации компонентов, целесообразность и стабильность связей обеспечивают системное качество саморегуляции, самонастройки. Компоненты правовой системы как объекты исследования характеризуются как высокоорганизованные подсистемы с присущими показателями частичной саморегуляции, «самоуправлением». Право представляет собой открытую нелинейную систему, в которой постоянно появляются ввод и вывод необходимой информации, регулирующей энергию, правовые методы и средства упорядочения и защиты общественных отношений, что приводит к множеству потенциальных, альтернативных путей развития права. Право – сложное организационное явление. Состав системы права формируется набором основных элементов его содержания (нормативных и правовых предписаний, институтов и отраслей права) и форм (нормативных актов, договоров и т. д.). Здесь, как и в любой системе, прослеживается зависимость каждого элемента (его части, свойств и т.д.) от места, роли и функции этого элемента в системе в целом. Все отмеченные элементы контента и формы взаимодействуют друг с другом (структурированы), образуют единую целостность – право. Право, как и любая другая система, не может функционировать в идеальном состоянии. Это объективно связано как с внутренними, так и с внешними факторами. На практике право содержит множество внутренних противоречий (несоответствий) – это пробелы и коллизии. Право восприимчиво к нарушениям, поэтому есть факторы, сохраняющие функциональность системы. В правовой системе одним из них является механизм преодоления конфликтно-правовых состояний, направленный на разрешение таких противоречий. Этот механизм как фактор сохранения системы присущ только высокоорганизованной системе с элементами частичной саморегуляции. Это важный компонент правовой системы, ее качественная особенность. Право является функциональной подсистемой социальной системы высшего порядка, возникновение, развитие, существование и функционирование системы права тесно связаны с системой государственной организации общества с экономическими, религиозными и другими подсистемами.

Критерием формирования и развития права является объективно законотворческая и интерпретационная, правосистематизирующая и правоприменительная правовая практика, которая накапливает существующий опыт и является оценочной категорией эффективности закона в целом. Интенсивность развития и изменений в социальных отношениях влияет на следующее свойство права – его динамизм. Это, фактически имманентное качество правовой действительности наиболее ярко проявляется в период социальных, экономических и поли-

тических преобразований. Именно тогда нормативные акты, не отвечающие системному целеполаганию, отменяются и быстро меняются, новые активно развиваются и применяются.

Право – это функциональная система, которая предполагает не только комплексный анализ основных областей регулирования в различных сферах общественной жизни, но также изучение собственных функций отраслей, институтов и нормативных правовых положений. Снисходя по функциональной лестнице элементов системы более высокого порядка, проводится анализ иных элементов и, соответственно, формируется целостное знание о правовой материи. Несмотря на относительную согласованность содержания и формы, право в целом имеет объективно-субъективное качество. Нормативные и правовые предписания и правила, в рамках которых оно находит свое фиксированное выражение, являются объективными, поскольку они фактически диктуются спецификой общественных отношений. Но поскольку нормы, институты и отрасли права, а также правовые источники, которые их выражают, являются результатом сознательно волевой деятельности законодателя, система права в этом отношении субъективна. Оно отражает общие и индивидуальные, научные и повседневные, юридические и моральные, профессиональные и другие формы сознания [2, с. 341].

Система права характеризуется не только единством, но и дифференциацией. Каждый компонент системы права (отрасли, институты, нормативные акты и т.д.) можно рассматривать как независимую систему (подсистему), которая имеет определенную целостность, единство, расчленение, структуру и т.д. Таким образом, право проявляет себя в виде системы систем. Однако это не означает, что свойство права сводится к простой сумме свойств его составляющих элементов. Организация права как системного образования обусловлена наличием системообразующих факторов, а также неразрывной связью с экономикой, моралью, государственно-политическими и другими социальными явлениями. Благодаря системным действиям достигается основной результат правового регулирования – регулирование не только отдельных ситуаций, но и целой совокупности общественных отношений. Это демонстрирует синергетический эффект права и правового регулирования, когда в результате скоординированного действия элементов системы возникает новое качество, которое недостижимо на уровне его отдельных элементов. Именно системное действие права обеспечивает основные параметры его социальной ценности – демократии, справедливости, человечности и т.д. [1, с. 117]. Существенной особенностью права является накопление, хранение и передача с его помощью (посредством принципов, норм, правил и т.д.) соответствующей информации. В этом отношении правовая система выступает в качестве особого разнообразия социально-правовой памяти.

Характеризуя правовую систему с точки зрения организации, следует отметить, что именно это свойство учитывается, когда речь идет о правовой системе, как высоко или плохо организованной, например, путем сравнения развитых правовых систем настоящего с примерами юридических систем прошлого. Слабо выраженное объективное и функциональное «разделение труда» между нормами права, неопределенность связей между ними является причиной плохого равновесия и согласованности правовой системы. Система правовых норм, действующих в государстве, положения конституции должны быть достаточно гибким инструментом регулирующего влияния, способным руководить процессами в обществе с наименьшими затратами, правоохранительными действиями разных уровней, направлениями и формами реализации. В правовой теории и практике развития современного общества факт темпорального противоречия правовых норм (имеющих в значительной степени статичный характер) и все более динамичных, все более многообразных и кризисных практик общественной жизни будет приобретать все большее значение в ближайшем будущем. При таком подходе законодательство является не столько формой системы права, сколько описанием ее формы с помощью нормативных правовых положений. В представленных выше представлениях правовая система является правовой моделью совокупности социальных отношений, а

законодательство является описанием этой модели. Отсюда проистекает различие между системой законодательства и системой права.

Поскольку каждый человек индивидуален, а разные правовые системы развиваются по-разному, возникает проблема совместного развития, проблема коэволюции теорий и практики правового регулирования. В то же время деструктивно навязывать субъективное видение верховенства права и путей его ассимиляции для носителей других мировоззрений и цивилизационных ценностей. В соответствии с общими законами самоорганизации сложных правовых систем деструктивно стороннее навязывание вектора и принципов развития, соотносящихся главным образом с «генетическим кодом» правовых ценностей. Скорее, в рамках теоретического познания необходимо понимать, как стимулировать собственные тенденции, как выводить систему по приоритетным направлениям прогрессивного развития. Отношения между компонентами гармонизированной системы механизма правового регулирования принципиально важны. Изменение одного из них обязательно требует изменения других, а часто и всей системы в целом. Существование такого тесного взаимодействия, органичной связи компонентов, связано с тем, что во множестве процессов, во взаимодействии с окружающей средой, вся система институтов государственной власти действует как нечто единое. Естественно, жизнеспособность компонентов всей системы намного выше, чем жизнеспособность ее компонентов по отдельности.

Совокупная система механизма правового регулирования активно влияет на его компоненты (правовые нормы, правоотношения, правовую культуру и т.д.), преобразует их в соответствии со своими задачами. В результате этого действия исходные компоненты претерпевают значительные изменения: они теряют некоторые свойства, присущие им перед входом в систему, и приобретают новые свойства; количественные и качественные преобразования также претерпевают те свойства, которые у них сохраняются. Например, нормы права, которые составляют основу законодательства, по своему составу при определенных условиях представляют собой нечто иное, чем в абстрактной форме. При условии соблюдения законных прав граждан может быть сформировано гражданское общество. Каждая конкретная правовая система имеет свою специфическую структуру, организацию и с усложнением системы, степень ее дифференциации возрастает, структура становится более сложной. Производная от качества деталей, структуры, организация правового регулирования в то же время активно влияет на части, играет огромную роль в отношении всей системы. Это структура, которая объединяет, соединяет части (уровни), иногда с разными и противоречивыми тенденциями, дает им определенную общность, целостность, вызывает появление новых системных качеств.

Процессы и явления, внешние по отношению к этому интегральному механизму правового регулирования, с которым механизм, так или иначе, взаимодействует, меняя их и изменяя в одно и то же время, составляют его среду. Объекты, системные или несистемные, образующие среду, в которой функционирует механизм правового регулирования, имеют разные значения для его функционирования. Некоторые из них не играют существенной роли, другие оказывают на него значительное влияние, а без третьих он просто не может существовать. Возникает статусное качество состояния некоторых условий окружающей среды, без которых этот механизм не может функционировать. Таким образом, необходимым условием существования субъектов механизма правового регулирования является, во-первых, существование объекта регулирования (соответствующих правовых отношений) и, во-вторых, наличие правовой основы, которая устанавливает параметры полномочий управления во времени и пространстве. В связи с тем, что внешняя среда (общество, мировое сообщество) имеет большое значение для функционирования и развития механизма правового регулирования, в теории и на практике необходимо учитывать зависимость свойств механизм как от внутренних факторов – составу и структуре, так и от процессов, происходящим в окружающих условиях.

Таким образом, существенными характеристиками механизма правового регулирования являются его системные качества, состав, т.е. набор конкретных частей, динамическая структура и характер взаимодействия с внешними условиями. В данном виде может быть представлена общая концепция правового регулирования, как на каждом уровне, так и на всей системе правовых отношений в целом. Нецелесообразно говорить об определенном числе уровней правового регулирования, поскольку сегодня правовое регулирование общественных отношений может включать в себя одно число классификаций общественных отношений, а завтра другое. Регулирование не ограничивается конкретным (исключительным) числом правовых отношений, поскольку развитие правовых отношений будет происходить в соответствии с развитием общества и государства. Скорее, нам нужно поговорить о качественном состоянии механизма правового регулирования, ориентированного на самоорганизующиеся принципы самих правовых отношений.

Более широкие правоотношения по социальной значимости, имеют более структурированный и сложный механизм, используемый для регулирования таких правовых отношений, поскольку он призван обеспечить целостность, структурное, функциональное и эволюционное единство большего числа социальных компонентов. В такой сложной структуре возможно любое проявление дефективности или конфликта правовых норм, что неизбежно приводит к колебаниям и, как следствие, к эволюции механизма или его частей. Общество представлено сложным комплексом общественных отношений, каждый из которых имеет свои особенности, условия функционирования и развития, особые внутренние задачи, уникальные способы и средства решения этих проблем. Эти социальные отношения имеют свой масштаб, определенный набор «исходных данных» – регуляторные механизмы, предусмотренные соответствующими сегментами законодательства, и «выходов» – результаты функционирования. Так, говоря о процессе достижения обществом (социальной общностью) такой качественной характеристики, как государственнообразная организация, самостоятельная единополитическая организованность, можно усмотреть следующие тенденцию.

Следуя за этапом идейно-волевого воздействия членов общества (элементов) друг на друга, наступает момент, когда количество людей и практика их взаимодействия достигает такого предела, что люди начинают чувствовать себя более комфортно в силу взаимодополнения, а значит и более устойчиво. В этот момент происходит объединение в единую систему (универсальную организацию политической власти), имеющую свою организационную форму, специфика, которой соотносится с предъявляемыми к ней функциональными требованиями аттрактором целеполагания.

Момент скачка – это момент большего упорядочивания взаимоотношений между людьми. Скачок – это результат перехода энергии (информации) на более качественный уровень, связанный с властной иерархизацией отношений, возникновением информационно-управляющей системы, где сущность власти (анализу чего будет посвящен отдельный параграф настоящего исследования) проявляется в возможности (допустимости) вменения волевых установлений направленных на поддержание устойчивости системной формы.

При этом субстрат общества (приобретая самотождественность) не прекращает собственные тенденции самоорганизационного развития, проявляющие себя в новых аттрактивных направленностях связанных с возникающими потребностями. Здесь, общество приобретает качество микроуровневой среды относительно собственной системной формы властно-иерархических связей, функциональность которой в целом и элементного состава, а также отдельных субъектов замещающих (временно) диспозицию конкретного элемента в частности, воспринимается в качестве внешнего условия (благоприятного или неблагоприятного) существования. Неблагоприятность, в свою очередь, соотносится с дискомфортностью, порождая неустойчивость, выступающую причиной генезиса нового компонентного состава, структуры или общей системной формы властной иерархии, государственно-властных отношений.

Государство, в данном методологическом контексте, представляется универсальной самоорганизационной политической системой, продуктом социальной эволюции, возникшим (продуцируемым) в качестве института, который способен обеспечить самосохранение определенному контингенту людей – носителям воли аттрактивного целеполагания, и развивающийся в виде умозрительно-организационной формы системной устойчивости, периодически претерпевающей адаптивно-ситуационные преобразования.

Власть, в связи с этим, понимается в качестве системного феномена, рассматривается как свойство социальной системы, как волепродуцирование деятельностного порядка, она воплощается в структуризации отношений между людьми, координации и направлению их действий в единое русло результирующего, целеполагающего волевого вектора (аттрактора), который, формируя систему ценностей, определяет порядок иерархического соотношения элементов в зависимости от их функционального предназначения, а само функциональное значение определяется в зависимости от занимаемого в данной системе места. Власть, таким образом, оказывается связанной с внутренней самоорганизацией системы. Результатом обмена деятельностью, информацией, энергией становится дифференцированная и иерархическим образом организованная структура государственно-общественных связей, а также производимый порядок отношений через который, каким бы ни был его специфический облик (демократия, монархия, олигархия, тирания и т.д.), человеческое общество конституируется как ассоциация объединяющихся индивидов.

Допустимо предположить такое качество связи государства с правом, при котором право представляется естественным продуктом, функцией (нелинейной функцией) системы государственной организации общества, проявляющей себя через механизм правового регулирования, что, в свою очередь, можно математически выразить следующей формулой: $y = f(x)$ (y – государственное регулирование; f – право; x – общественные отношения), где под f мы понимаем правило, по которому заданному значению x приводится в соответствие определенное значение y; f есть символ некоторого преобразования, которому нужно подвергнуть величину x, чтобы получить y.

При умозрительном погружении на соответствующий уровень, собственно существования права, системный подход позволяет переосмыслить природу его возникновения и развития, где право, как условие общественных отношений, конструируемое посредством рефлексии сознания, объективно (совместно с человеческим обществом и государством) возникает и развивается в качестве самоорганизационного системного явления.

Развитие государственного управления функционально связано с правовой базой, которая при характеристике и консолидации управления в целом делится на уровни, соответствующие уровням управления. Система законодательства, как и система управления, имеет свою координацию, подчинение – иерархию законодательства.

Можно сказать, системный характер является одним из важнейших качеств права, и он присущ ему объективно. Объективность этого свойства означает, что система права не может быть построена произвольно, она обусловлена законами социальной жизни, регулируемыми социальной сферой. Системность права предполагает следующие характеристики:

1) единство, целостность;

2) внутренняя дифференциация, т. е. наличие элементов;

3) наличие структуры – целесообразный способ связи элементов;

4) наличие цели (как системообразующего фактора).

Таким образом, системологизация правовой действительности предполагает принципиальную методологическую установку согласно которой, каждый нормативный правовой акт выступает предопределенным элементом системы горизонтально и вертикально-однороднопредметных норм регулирования, и одновременно элементом способным предопределить перспективу качественного наполнения разноуровневых правовых образований, что, в свою очередь, является показателем рефлексивно-адаптивного развития, ответом си-

стемы права («выходным процессом») на внешнее (средовое) воздействие мегасистемы общественного волепродуцирования (фундаментальной основы правообразования и правотворчества), которая складывается из индивидуальных материальных и духовных потребностей людей, формирующихся, и здесь мы замыкаем круг диалектического рассуждения, в значительной степени, посредством информации содержащейся в отдельном нормативном правовом акте или их совокупности.

В заключение, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что настоящая статья посвящена методологическому анализу системного подхода, его возможностям и критериям эффективности в современных юридических исследованиях. В качестве актуального научного вопроса была выбрана разработка относительно категории права, соответствующей системологической позиции, в рамках которой идея права (его природа) надлежащим образом соотносится с такими собственно системными свойствами, как организационная целостность, целеполагаемость, структурность, функциональность, многофакторность, коэволюционность, связь со средой, самоорганизационность и т.д. В статье акцентируется внимание на том, что система права представляет собой единый набор нормативно-правовых образований разного уровня, специальным (функциональным) образом связанных и взаимодействующих между собой в масштабах права в целом. Следуя заявленной логике, анализируется вопрос связи системы права, системы законодательства с механизмом правового регулирования посредством идеи метасистемного взаимовлияния системы государственной организации (с соответствующим аппаратом управления) и общества в целом, как соответствующей среды со свойственными принципами ее существования. В данной связи ставится вопрос о системных условиях коэволюционном развития элементного состава общества, государства и права с присущими характеристиками многоуровневости и многофакторности.

Библиографические ссылки

1. Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов : Полиграфист, 1994.
2. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

References

1. Sinyukov V.N. Rossiyskaya pravovaya sistema (Russian legal system). Saratov, Poligrafist, 1994.
2. Shishkin V.V. Sinergeticheskiy podkhod v teorii prava (Synergetic approach in the theory of law), dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhniy Novgorod, 2007.

Дата поступления: 20.09.2018 *Received: 20.09.2018*

УДК 340.1+34(091)

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

ИРОШНИКОВ Денис Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Теории права, истории права и международного права Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

На сегодняшний день в теоретико-правовой науке принципиально не решен вопрос об объектах прав и правоотношений. В том числе, необходимо провести разграничение объектов права в объективном смысле от объектов субъективных прав, а также анализ особенностей объектов правоотношений применительно к частному и публичному праву, а также по отраслям права. Особенность методологии состоит в том, что безопасность рассматривается в единстве и целостности с правом, как его элемент, как правовая категория, изучаемая сквозь призму права. На основе теоретико-методологической базы, предпринимается попытка всестороннего изучения безопасности как объекта правоотношений. Как объект правоотношений безопасность рассматривается применительно к следующим случаям: как объект публично-правовых охранительных отношений; как объект гражданско-правовых отношений; как нематериальное благо (объект частноправовых охранительных отношений), а также как объект трудовых правоотношений. Исследование существенно расширяет представления о месте и роли категории «безопасность» в правовой материи.

Ключевые слова: объект права; правоотношение; объект правоотношения; безопасность; правонарушение; субъективное право; нематериальное благо.

SECURITY AS AN OBJECT OF LEGAL RELATIONS

IROSHNIKOV Denis Vladimirovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International Law of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.
E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

Today, the theoretical and legal science has not fundamentally resolved the issue of objects of law and legal relations. In particular, it is necessary to distinguish the objects of law in the objective sense from the objects of subjective rights, as well as the analysis of the peculiarities of the objects of legal relations concerning private and public law, as well as the branches of law. The peculiarity of the methodology is that the author considers security in unity and integrity with law as its element. Security is considered exclusively as a legal category, studied through the prism of law. Based on the theoretical and methodological grounds, defined by the author in the first part of the article, an attempt is made to comprehensive study of security as an object of legal relations. Security is considered as an object of legal relations in the following cases: as an object of public and legal protective relations; as an object of civil and legal relations; as a non-physical benefit (the object of private and legal protective relations), as well as the object of labor relations. The study significantly expands the understanding of the place and role of the category “security” in the legal matter.

Key words: object of law; legal relations; object of legal relations; security; offence; subjective right; non-physical benefit.

Вопрос об объектах права и правоотношений до сих порт остается открытым в теоретико-правовой науке. Ученые сходятся во мнении, что это один из сложнейших вопросов для правоведов, несмотря на кажущуюся его простоту. В первую очередь встает вопрос об объектах права, который, в свою очередь, распадается на два вопроса – об объектах права в объек-

тивном смысле и об объектах субъективных прав. И, наконец, вопрос о соотношении объектов права и объектов правоотношений. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова трактует понятие «объект» следующим образом: явление, предмет на который направлена какая-либо деятельность [12, с. 663].

Необходимо согласиться с Л.С. Мамутом, который пишет, что «всякое право имеет объект. Безобъектного права не существует» [9, с. 59]. Еще Н.М. Коркунов писал, что «каждое право необходимо должно иметь свой объект, пользование которым и ведет к осуществлению интереса, составляющего содержание права» [8, с. 206]. В этой связи объект права можно в самом широком смысле представить как некий интерес, на который направлено право. А. Рождественский относил к объектам права вещи и действия людей [14, с. 112]. Д.Д. Гримм к объектам права также относил вещи (телесные и бестелесные) и чужие действия. При этом исследователь пришел к выводу, что термин «вещи» более удобно заменить более широким термином «блага», так как данный термин включает в свой смысл всякие, как материальные, так и не материальные объекты пользования, тогда как разделение вещей на нематериальные объекты всегда остается искусственным и может привести к смешению понятий [5, с. 177-180]. Такое понимание объекта прав до сих пор актуально для юридической науки, и оно же отражается в действующем российском законодательстве. Речь идет о ст. 128 ГК РФ, закрепляющей объекты гражданских прав. Законодатель максимально конкретно зафиксировал возможные объекты гражданских прав исходя из множества различных правоотношений, однако в целом они сводятся к трем категориям: вещи, нематериальные блага и действия третьих лиц. Необходимо иметь в виду, что речь в приведенных исследованиях, а также в упомянутой статье кодекса идет об объектах субъективных прав. Это видно как по названию статьи – объекты «гражданских прав» (во множественном числе), так и по ее правовому смыслу. По сути, это такие объекты, на которые можно распространить право того или иного субъекта.

Говоря о взаимосвязи категорий «объект права» и «объект правоотношения» следует отметить, что понятия «объект субъективного права» и «объект правоотношений» можно считать тождественными. Поскольку субъективное право, по сути, возникает и оформляется в рамках того или иного правоотношения и не может существовать вне его. Такой подход находит отражение в современных исследованиях [4, с. 70]. Весьма интересную позицию по поводу объекта правоотношений занимал С.А. Муромцев, который отмечал, что субъектом отношений является человек, а объектом – другой человек или предмет, которые играют пассивную роль в действиях субъекта [11, с. 60]. Однако такая трактовка не нашла поддержки как у дореволюционных и советских, так и у современных теоретиков права. Напротив, отечественная теоретико-правовая наука исходит из того, что человек не может быть объектом правоотношений (исключения составляют лишь рабовладельческие общества, а также отношения, лежащие вне права, например, такое преступление, как торговля людьми).

Не следует забывать, соглашаясь с А.П. Дудиным, что теория объекта правоотношения долгое время разрабатывалась, главным образом, представителями науки гражданского права. Это наложило отпечаток и на общую теорию объекта правоотношения, которая возникла на базе теории объекта гражданского правоотношения [6, с. 78]. В этой связи справедливое замечание делает М.Н. Марченко о том, что об объекте правоотношений предпочтительно говорить применительно к той или иной отрасли права и что у каждой отрасли права имеются особые объекты правоотношений [10, с. 617] Относительно особенностей объекта правоотношений в публичном и частном праве Д.Н. Царев отмечает, что в частноправовые отношения частные лица вступают именно по поводу чего-то, какого-то объекта, а в публичное субъект, как правило, вступает помимо своей воли, без помощи какого-либо объекта [19, с. 77]. В этой связи возникает вопрос: возможно ли путем приемов абстрагирования и обобщения выделить общетеоретические объекты правоотношений, которые возможно распространить на все отрасли права? Учитывая потребность теоретико-правовой науки к обобще-

нию и выведению общих закономерностей, думается, что мыслительный процесс по определению общего объекта, характерного для самых различных правоотношений в рамках любых отраслей права будет так и или иначе направлен к категориям «благо» и «интерес». Особой спецификой в данном случае обладает «охранительное» уголовное право, которое содержит помимо понятия «объект правоотношения» отличное от него понятие «объект преступления». Очевидно, что преступление нельзя считать правоотношением, поскольку, по замечанию М.И. Байтина «главное, что характеризует правоотношение в отличие от других волевых отношений, состоит в том, что прежде чем ему сложиться, оно проходит не просто через сознание и волеизъявление отдельных лиц, но и непременно через возведенную в закон, то есть государственную волю общества, получающую выражение в норме права» [3, с. 211]. В этой связи мы не можем считать правонарушение правоотношением, так как само правонарушение находится вне права, вне закона, оно запрещено законом под угрозой наказания.

Интересно заметить, что сегодня уголовно-правовая наука отходит от понимания объекта преступления как общественного отношения (господствовавшего в течение долгих лет), рассматривая в качестве объекта преступного посягательства такие категории, как «правовое благо», «правовая ценность» [13, с. 64-67]. Таким образом, можно заметить, что объекты правоотношений, а также объекты преступных посягательств в целом схожи. Последние вполне можно рассматривать объектом охранительных правоотношений, субъектами которых являются правоохранительные органы. Разрабатывая теорию охранительных правоотношений, С.Г. Хасанова приводит пример, что в рамках таких отношений, возникающих у гражданина с государством, субъекты вправе требовать друг от друга соблюдение законодательно закрепленных правил поведения, обеспеченных юридическими гарантиями и санкциями [18, с. 101]. На этот счет еще А. Рождественский отмечал, что действия людей как объект права могут носить публичный характер. Таковы все действия органов власти, государственной или общественной [14, с. 117].

Возникает вопрос, что же относится к объекту права, понимаемого в объективном смысле? Если мы изменим постановку вопроса с «объектов гражданских прав», на «объект гражданского права», равно как и уголовного, конституционного, административного и иных отраслей, да и права в целом, то к каким объектам приведет нас умозаключение? Из теории права известно, что право, понимаемое в объективном смысле, направлено, прежде всего, на регулирование общественных отношений, а также на их защиту (в том числе защиту прав и свобод человека). В рамках этих направлений право осуществляет регулятивную и охранительную функции. Этот тезис сегодня не вызывает споров со стороны теоретиков права.

Поскольку объект с точки зрения логики – это то, на что направлена та или иная деятельность, нам представляется, что эти самые общественные отношения, которые в процессе их урегулирования (или защиты) становятся правоотношениями и есть объект права. Такой подход, в частности, подтверждает анализ ст. 2 ГК РФ, которая закрепляет, что гражданское законодательство «*регулирует* отношения» и что «неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством». Базируясь на приведенных выше теоретико-методологических позициях, перейдем к вопросам безопасности как объекта правоотношения.

На сегодняшний день вопросы безопасности играют огромную роль как для отдельной личности, общества или государства, так и для мирового сообщества в целом. Важность и значимость вопросов безопасности для человека и общества подчеркивается многогранным характером национальной безопасности, включающим не только аспекты физической защищенности, а также экономические, экологические, информационные, продовольственные и иные факторы. Кроме того, постоянно происходит рост количества различных угроз национальной безопасности, их трансформация в новые виды, требующие, прежде всего, научного осмысления в целях их последующей нейтрализации или минимизации.

Безопасность является комплексным научным институтом, различные аспекты ее исследования проводятся в рамках философии, социологии, политологии, экономики и иных общественных наук. При этом на наш взгляд, необходимо в обязательном порядке рассматривать безопасность в рамках права, в правовой материи, в качестве одной из обязательных составляющих права. В этой связи в данной статье и поставлена цель рассмотрения безопасности в качестве объекта правоотношения. Актуальность данного исследования подтверждается словами Е.Н. Тюриной о том, что «проблемы безопасности как объекта правоотношений имеют в научных исследованиях первостепенное значение, поскольку субъекты правоотношений подвергаются различным угрозам» [17, с. 57].

В контексте определения объектов правоотношений нередко звучат категории «благо» и «ценность». При этом безопасность для человека и общества является одной из ключевых ценностей и тем благом, которое гарантирует не только существование, но и устойчивое развитие. Необходимо вспомнить, что согласно пирамиде потребностей по А. Маслоу безопасность занимает второе место. Как справедливо указывает Е.В. Шкурная, человек, его жизнь, здоровье, честь, достоинство и безопасность – это базовые, основополагающие ценности, с которыми должны соотноситься все правовые системы [20, с. 109]. Нам представляется, то безопасность, безусловно, является одним из объектов правоотношений. При этом, учитывая многогранность различных отношений в сфере обеспечения безопасности, можно выделить следующие аспекты ее проявления в качестве того или иного объекта правоотношений.

1. Безопасность как объект публично-правовых охранительных отношений.

Регулятивная и охранительная функции права позволяют говорить о соответствующих типах правоотношений: регулятивном и охранительном. Одним из объектом последних является безопасность. Такой подход подтверждается, в частности, в научных исследованиях. В частности, С.Г. Хасанова выделяет безопасность в системе социальных ценностей как объектов охранительного правоотношения [18, с. 112]. Е.Н. Тюрина относит безопасность к общим объектам правоотношений, в которых выступают органы внутренних дел [17, с. 57]. Таким образом, безопасность является объектом публично-правовых охранительных правоотношений. Субъектами таких правоотношений с одной стороны выступают органы государственной власти и органы местного самоуправления, наделённые соответствующими полномочиями и функциями по обеспечению национальной безопасности. Круг таких органов и организаций, имеющих обязанность обеспечить безопасность, можно выявить путем анализа действующего законодательства в сфере национальной безопасности. Нам представляется, что нельзя ограничивать данный перечень лишь специальными органами обеспечения безопасности, а также органами внутренних дел и другими органами правоохранительной системы. Многогранность понимания национальной безопасности, включенность в нее целого ряда различных факторов, в том числе критериев устойчивого социально-экономического развития, обеспечения продовольственной независимости, повышения уровня жизни населения существенно расширяет перечень таких органов и организаций, включая в него не только силовые структуры, но и организации здравоохранения, социальной защиты и т.п.

Круг других субъектов таких правоотношений – «получателей» безопасности очень широк. Это и физические и юридические лица (в узком смысле), общество и государство в целом и его институты – в широком смысле.

2. Безопасность как объект гражданско-правовых отношений.

Физические и юридические лица, нуждающиеся в дополнительных мерах по обеспечению безопасности, могут на законных основаниях по договору получить соответствующие услуги по обеспечению безопасности, направленные как на защиту жизни и здоровья, так и на защиту имущества и иных благ. В соответствии со ст. 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», такая деятельность определяется как оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам [1], что предопределяет гражданско-правовую природу такой сделки. В этой связи объектом право-

отношения в широком смысле будут действия третьих лиц, а в узком смысле – безопасность, то есть состояние защищенности оговоренных в договоре конкретных объектов.

Субъекты таких правоотношений здесь будут четко определены – с одной стороны это специализированная организация, а с другой – получатель услуги.

3. Безопасность как нематериальное благо (объект частноправовых охранительных отношений).

Полагаем, что безопасность личности, как разновидность личных неимущественных благ, наряду с жизнью и здоровьем, достоинством личности, личной неприкосновенностью, честью и добрым именем, деловой репутацией, неприкосновенностью частной жизни и другими (ст. 150 ГК РФ) является объектом частноправовых охранительных правоотношений [15, с. 4-9]. В данном случае следует согласиться с Е.С. Калиной, которая отмечает: «Из общего определения безопасности как состояния защищенности человека, государства, жизненно важных объектов естественно вытекает положение о том, что такое состояние является благом и представляет собой ценность для человека. Это дает основание рассматривать безопасность как одно из нематериальных благ, являющихся объектами гражданских прав» [7, с. 38-39]. В данном случае речь идет о безопасности как объекте частноправовых охранительных отношений, направленных на возмещение вреда, наступившего в случае угрозы безопасности. При этом гражданско-правовой механизм обеспечения безопасности личности сегодня еще только предстоит сформировать. В частности, перечень личных неимущественных благ, содержащихся в ст. 150 ГК РФ необходимо дополнить «безопасностью личности», а также внести соответствующие изменения в законодательство о безопасности (вопросы компенсации морального вреда). Л.С. Мамут пишет о том, что в список нематериальных благ должна быть включена не только безопасность человека, но и внутренняя и внешняя безопасность публично-властным образом организованной человеческой организации (государства) [9, с. 60], что дает основание для дальнейших научных исследований в данной сфере.

4. Безопасность как объект трудовых правоотношений.

Учитывая особенность трудовых правоотношений, сочетающих частноправовые и публично-правовые начала [16, с. 109-114], представляется целесообразным рассмотреть безопасность как объект таких отношений. В частности, в рамках конституционного права на труд в условиях безопасности и гигиены (ст. 37 Конституции РФ), работодатель обязан гарантировать такое право. В частности, в рамках отношений, возникающих в связи с проведением специальной оценки условий труда, а также с реализацией обязанности работодателя по обеспечению безопасности работников в процессе их трудовой деятельности [2] объектом таких отношений является безопасность работника.

Подводя итог, можно заключить, что безопасность на сегодняшний день можно с полной уверенностью рассматривать в качестве объекта самых различных правоотношений, в том числе публично-правовых охранительных отношений, гражданско-правовых отношений, отношений по защите нематериальных благ, а также трудовых отношений. Данный вывод может послужить основой для дальнейших научных исследований.

Примечание

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00767 «Безопасность как правовая категория».

Библиографические ссылки

1. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 05.12.2017) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О специальной оценке условий труда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М. : ИД «Право и государство», 2005.
4. Гончарова А.В. Сравнительный анализ объектов гражданских прав и объектов гражданских правоотношений // Вестник ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4.
5. Гримм Д.Д. Энциклопедия права. С приложением краткого очерка истории философии права. СПб., 1895.
6. Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1980.
7. Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
9. Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
10. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учеб. : в 2 т. Т.2. Право. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Проспект, 2007.
11. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26 изд., испр. и доп. М., 2010.
13. Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права : дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
14. Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912.
15. Рыбаков В.А., Ирошников Д.В. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. 2017. № 2.
16. Сагандыков М.С. Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в процессе реализации конституционных принципов в сфере труда // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т. 16. № 2.
17. Тюрина Е.Н. Объекты правоотношений, возникающих в системе органов внутренних дел: вопросы теории : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.
18. Хасанова С.Г. Система социальных ценностей как объект охранительных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
19. Царев Д.Н. Эволюция категории «объект правоотношения» в отечественной юриспруденции : дис. … канд. юрид. наук. Коломна, 2004.
20. Шкурная Е.В. Жизнь как объект права : дис. … канд. юрид. наук. М, 2009.

References

1. Zakon RF ot 11.03.1992 № 2487-1 (red. ot 05.12.2017) «O chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii» (RF Law of 11.03.1992 No. 2487-1 (as amended on 05.12.2017) “On private detective and security activities in the Russian Federation”). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 № 426-FZ (red. ot 19.07.2018) «O spetsial'noy otsenke usloviy truda» (Federal Law of December 28, 2013 No. 426-FZ (as amended on 07/19/2018) “On special assessment of working conditions”). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Baytin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoye normativnoye pravoponimaniye na grani dvukh vekov) (The essence of law (modern regulatory legal thinking on the verge of two centuries). Izd. 2-ye, dop. Moscow, ID «Pravo i gosudarstvo», 2005.

4. Goncharova A.V. Sravnitel'nyy analiz ob"yektov grazhdanskikh prav i ob"yektov grazhdan-skikh pravootnosheniy (Comparative analysis of objects of civil rights and objects of civil legal relations), *Vestnik VolGU*, Seriya 5, Yurisprudentsiya, 2016, T. 15, No. 4.
5. Grimm D.D. Entsiklopediya prava. S prilozheniyem kratkogo ocherka istorii filosofii prava (Encyclopedia of law. With the appendix of a brief essay on the history of philosophy of law). St. Petersburg, 1895.
6. Dudin A.P. Ob"yekt pravootnosheniya (voprosy teorii) (The object of legal relationship (theory). Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1980.
7. Kalina Ye.S. Gosudarstvenno-pravovoy mekhanizm obespecheniya prava na bezopasnost' lichnosti v Rossiyskoy Federatsii (State Law Mechanism for Ensuring the Right to Personal Security in the Russian Federation), dis. … kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2004.
8. Korkunov N.M. Lektsii po obshchey teorii prava (Lectures on the general theory of law). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010.
9. Mamut L.S. Pravovoye obshcheniye: ocherk teorii (Legal communication: essay on theory). Moscow, Norma : INFRA-M, 2011.
10. Marchenko M.N. Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava (Problems of the general theory of state and law), ucheb. : v 2 t. T.2. Pravo. 2 izd., pererab. i dop. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2007.
11. Muromtsev S.A. Opredeleniye i osnovnoye razdeleniye prava (Definition and main division of law). Moscow, 1879.
12. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeo-logicheskikh vyrazheniy (Explanatory dictionary of the Russian language: approximately 100 000 words, terms and phraseological expressions), pod red. L.I. Skvortsova. 26 izd., ispr. i dop. Moscow, 2010.
13. Pavlov S.N. Ob"yekt i posledstviya prestupleniya v teorii ugolovnogo prava (The object and consequences of crime in the theory of criminal law), dis. … kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2011.
14. Rozhdestvenskiy A. Osnovy obshchey teorii prava (Fundamentals of the general theory of law). Moscow, 1912.
15. Rybakov V.A., Iroshnikov D.V. O grazhdansko-pravovom mekhanizme obespecheniya bezopasnosti lichnosti (On the civil law mechanism for ensuring the security of the person), *Yurist*, 2017, No. 2.
16. Sagandykov M.S. Sochetaniye chastnopravovykh i publichno-pravovykh nachal v protsesse realizatsii konstitutsionnykh printsipov v sfere truda (The combination of private law and public law sources in the process of implementing the constitutional principles in the field of labor), *Vestnik YUUrGU*, Seriya «Pravo», 2016, T. 16, No. 2.
17. Tyurina Ye.N. Ob"yekty pravootnosheniy, voznikayushchikh v sisteme organov vnutrennikh del: voprosy teorii (Objects of legal relations arising in the system of internal affairs bodies: theory questions), dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2013.
18. Khasanova S.G. Sistema sotsial'nykh tsennostey kak ob"yekt okhranitel'nykh pravootno-sheniy (The system of social values as an object of protective legal relations), dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011.
19. Tsarev D.N. Evolyutsiya kategorii «ob"yekt pravootnosheniya» v otechestvennoy yurisprudentsii (Evolution of the category “object of legal relations” in national jurisprudence), dis. … kand. yurid. nauk. Kolomna, 2004.
20. Shkurnaya Ye.V. Zhizn' kak ob"yekt prava (Life as an object of law), dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2009.

Дата поступления: 11.10.2018 *Received: 11.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕДУКЦИИ ПРАВА В УЧЕНИИ И.Г. ФИХТЕ И ЕГО ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург).
E-mail: ismagilovir@gmail.com

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна
Судья Московского городского арбитражного суда, г. Москва, Россия.
E-mail: Urbova@inbox.ru

И.Г. Фихте развивает метод трансцендентального истолкования понятия свободы, делая его исходным пунктом своей теории права. Расхождение между Фихте и Кантом в исходном методологическом принципе дедукции права определяет различия в трактовке понятия судебной власти. Фихтевское понятие права, основанное на идее «свободы как целостный сферы», составляет переходную ступень к понятию права, развитому Г.В.Ф. Гегелем. В отличие от Фихте, для абсолютного идеалиста Гегеля периода «Науки логики» исходным является всеобщее, понятое одновременно и как субстанция, и как субъект действия. Всеобщую субстанцию-субъект Гегель обозначает понятием «духа», наполняя его новым по отношению ко всей предшествующей философии категориальным содержанием. В связи с тем, что в этом всеобщем множественность индивидов уже задана, исходным пунктом является, в отличие от Фихте, не индивид, а уже само право и естественное состояние человека Гегель, в отличие и от Гоббса, и от Руссо, определяет как правовое состояние. Кант и Фихте обосновывали принцип активности субъекта сфере познания и в социально-политических отношениях, указывая на идею свободы, абсолютной автономии человеческой личности.

Ключевые слова: Кант, Фихте, Гегель, право, свобода, личность, суд.

METHODOLOGICAL GROUNDS FOR THE DEDUCTION OF LAW IN THE TEACHING OF J.G. FICHTE AND HIS INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF JUDICIAL POWER

ISMAGILOV Igor Rashidovich
Corporate lawyer of Eurasian Resources Group (Luxembourg).
E-mail: ismagilovir@gmail.com

LEZHNEVA Olga Yuryevna
Judge of the Moscow City Arbitration Court, Moscow, Russia.
E-mail: Urbova@inbox.ru

J.G. Fichte develops a method of transcendental interpretation of the concept of freedom and makes it the starting point of his theory of law. The divergence between Fichte and Kant in the original methodological principle of the deduction of law determines differences in the interpretation of the concept of judicial power. Fichte's concept of law, based on the idea of "freedom as an integral sphere", constitutes a transitional stage to the concept of law developed by G.W.F. Hegel. Unlike Fichte, for the absolute idealist Hegel of the "Science of Logic" period, the initial is the universal, understood simultaneously both as a substance and as a subject of action. Hegel denotes the universal substance-subject by the concept "spirit", giving it a categorical content, which is new in relation to the entire preceding philosophy. In connection with the fact that in this universal, the plurality of individuals is already set, the starting point is, unlike Fichte, not an individual, but the very law and Hegel defines man's natural state as a legal state, unlike Hobbes and Rousseau. Kant and Fichte substantiate the principle of the individual's activity both in the sphere of cognition and in socio-political relations, pointing to the idea of freedom, absolute autonomy of the human person.

Key words: Kant, Fichte, Hegel, law, freedom, personality, court.

Исходным положением для дедукции понятия права в учении И.Г. Фихте является идея свободы, основы трансцендентального толкования которой были заложены И. Кантом. Кант и Фихте тем самым формируют новую парадигму права, являющуюся наиболее перспективной до настоящего времени: «классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [4, с. 171].

И.Г. Фихте, развивая теоретико-методологические основания права, заложенные в трансцендентальной философии И. Канта, прежде всего, стремился преодолеть кантовский агностицизм в отношении субъекта познания. «Фихте верил, что его мышление о природе права, как и относительно любого другого предмета, должно развиваться на основе трансцендентальной дедукции. В основе этого убеждения лежала его точка зрения, согласно которой понятие права не может быть выведено ни чисто эмпирически, ни в результате исторического наблюдения, но должно трансцендентально дедуцироваться как «форма чистого разума»» [12, с. 165-166]. Не принимая кантовскую позицию относительно опыта как единственной формы познания, Фихте указывает на рефлексию: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [9, с. 484].

В рефлексии деятельность субъекта свободы обнаруживает себя в качестве объекта познания, не нуждаясь для этого в формах чувственного созерцания. В итоге для Фихте исходный пункт активности субъекта – это не абстрактная «вещь-в-себе», а деятельность абсолютного самосознания, процесс осуществления его свободы. Именно из этой деятельности Фихте стремится дедуцировать главные основоположения науки, которые могут быть развиты до конкретных определений естественного права. Эти определения получаются, таким образом, путем рефлексией над свободной деятельностью абсолютного Я и трансформацией результатов этой рефлексии в форму логических суждений. То есть мы «продвигаемся в нашей рефлексии до построения естественного права» [10, с. 21].

В свою очередь, определения естественного права, полученные искусственным путем в результате такого рода «управляемого синтеза» познания, могут служить путеводной нитью в процессе оценки норм позитивного права, теории права и государства. Так, сам Фихте, опираясь на результаты своего анализа, обоснованно говорит о нецелесообразности и неразумности разделения законодательной и исполнительной власти [10, с. 19]. Фихте разделяет точку зрения Канта, представленную в его трактате «К вечному миру» о том, что дедукция права имеет своим первым результатом дедукцию «закона дозволения». Поскольку применение права всегда произвольно, то следует предположить в качестве некоторого первичного закона закон, «дозволяющий» следовать праву, т.е. «такой закон, что закон ограничивается только известной сферой, из чего способность суждения заключает, что, находясь вне сферы закона, мы свободны от закона и, если об этом предмете нет никакого иного закона, вообще подлежим только и исключительно власти нашего произвола» [10, с. 16].

Фихте следует традиции противопоставлять позитивному праву естественное право и само его главное правовое произведение называется «Основа естественного права согласно принципам наукоучения». Но все же его сверхпозитивное право, дедуцированное из трансцендентальной свободы абсолютного Я, уже не имеет ничего общего с естественным правом как субстанцией в духе Фомы Аквинского или же с естественным правом как врожденной идеей в духе Христиана Вольфа [8, с. -182]. Ведь теперь его источником является свобода как сверхчувственная предпосылка деятельности субъекта и не имеет ничего общего ни с природой, ни с фактическим содержанием разума: «Дедуцированное отношение между разумными существами, отличающимися тем, что каждое ограничивает свою свободу понятием о возможности свободы другого, при условии, что первое, так же точно ограничивает свою свободу свободой другого, называется правоотношением, а только что установленная формула есть

положение права» [10, с. 51]. Исходным началом дедукции понятия права в системе Фихте является деятельность абсолютного Я, которая становится объектом созерцания самой себя и тем самым утверждает себя. Для Фихте содержание деятельности Я и его полагание абсолютно тождественны, поскольку не имеют другого содержания, кроме названного здесь. Самосознание, положившее себя самого в качестве объекта для себя же, является, по Фихте, самосознанием единичного разумного существа. Для него важно, что ни абсолютное Я, ни самосознание разумного существа не содержать в себе никакого субстрата, носителя деятельности, а являются только этой самой чистой деятельностью. В этом отношении они оказываются тождественными друг другу.

Это, конечно же, более сложное и более развитое определение права на основе понятия свободы, по сравнению с тем, которое мы находим у Канта («… совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы» [2, с. 285]). Фихтевское понятие права на основе идеи свободы как сферы составляет переходную ступень к гегелевскому понятию права. Однако, как справедливо заметил В.С. Нерсесянц, «хотя система Фихте страдает формализмом в меньшей степени, чем кантовская, однако и в ней единство не внутренне присуще всеобщей воле, а достигается внешним и насильственным образом, поскольку отдельная субъективная воля противопоставлена всеобщей воле, а свобода индивида – всеобщей свободе» [5, с. 27]. Фихте правильно указывает на то, что самосознание единичного разумного существа должно иметь всеобщее, сверхчувственное начало и что этим началом, полностью тождественным с ним может быть только абсолютное Я. Но вместе с тем, Фихте всего лишь утверждает то, что должен иметь место такой переход от всеобщего к единичному, но ни в «Основах общего наукоучения», ни в «Основе естественного права согласно принципам наукоучения» он, в действительности, не раскрывает все звенья этого перехода. В итоге и самый главный момент в первоначальной дедукции права – полагание многих свободных существ наряду с тем, которое полагается ограничивающей деятельностью Я, выглядит не более чем произвольным утверждением. Не найдя в указанных текстах его подлинного доказательства, нам не остается ни чего другого, кроме как принять факт такой дедукции в качестве рабочей гипотезы.

Если принять тезис Фихте о множественности разумных существ («Я полагаю себя разумным, т.е. свободным. При этом во мне есть представление свободы. Одновременно в том же неделимом действии я полагаю другие свободные существа» [10, с. 12]), то мы сразу же получим очень интересный для теории права и верный в своей основе вывод. Речь идет о понятии свободы, которое описывает не индивидуальное качество отдельной личности, а «некую сферу свободы, которую делят между собою несколько существ» [10, с. 12].

Расхождения между Фихте и Кантом в исходном методологическом принципе дедукции права определяет и различия в трактовке отдельных правовых явлений и институтов. Так, в отличие от Канта Фихте не поддерживает локковскую идею о самостоятельном характере судебной власти. Если Дж. Локк следовал традициям англо-саксонского права, связывавшим судебную деятельность с правотворчеством, т.е. с законодательной властью, то Фихте говорил о нераздельности судебной и исполнительной властей. Разделение судебной и исполнительной властей Фихте считал невозможным ни теоретически, ни практически. Если исполнительная власть, утверждал Фихте, должна осуществлять приговор судебной власти, то тогда неограниченная власть принадлежит судье, исполнительное действие не является властным, а разделение властей оказывается видимостью. Если же, развивает свою логику Фихте, исполнительная власть может оспорить решение судебной власти, то тогда она сама является высшей инстанцией судебной власти. Согласно Фихте, разделить следует исполнительную власть, в широком смысле этого слова, и власть эфората, неразрывно сочетающего в себе начала исполнительной и судебной власти [10, с. 142]. Поскольку право по понятию своему является чем-то совершенно формальным, то и при вынесении приговоров суд должен руководствоваться исключительно интересом права, исключая какой-либо материальный интерес

в пользу судебных приговоров: «Должно быть так, чтобы им могло быть важно лишь то, соответствуют ли эти приговоры праву, а отнюдь не то, каково их содержание» [10, с. 147]. Для решения этой задачи важно избавить судей от какой-либо зависимости от частных лиц: «Чтобы нельзя было склонить их к пристрастию, распорядители публичной власти должны иметь сколь возможно меньше друзей, связей, привязанностей среди частных лиц» [10, с. 147]. Такие судьи, реально поставленные над обществом, должны быть официально признанными безошибочными в вопросах права и их суд должен быть судом последней инстанции: «Никто не вправе, и ибо эта недоступность для обжалования составляет условие всякого правового отношения, – и никто не может, – поскольку в руках власти имеется превосходство силы, против которого бесконечно мала всякая частная сила, – лишить законной силы ее приговоры или остановить их исполнение» [10, с. 148-149]. Свобода судей в вынесении решений является результатом изначальной свободы как субстанции права, а окончательность их решения имеет источником абсолютный характер этой свободы.

В целом трактовка свободы как целостной сферы, положенной в результате чистой деятельности самосознания, и являющейся основанием права, составляет непреходящую заслугу Фихте и важнейшую теоретическую предпосылку философии права Гегеля, которую он дополняет принципом интерсубъективных оснований правового обеспечения свободы [13, с. 128] и принципом историзма. «Хотя всемирная история является у Гегеля не историей права, а историей государства, гегелевский механизм прогресса в сознании свободы значим также для реконструкции правовой истории как истории свободы» [11, с. 245].

Для субъективного идеалиста Фихте исходным методологическим принципом дедукции права является Я субъекта, которое он и трактует как абсолютно свободную деятельность. Поэтому для него, практически, сразу же встает проблема обоснования других Я. И как только эта проблема теоретически решена, Фихте может автоматически вводить в свою теорию понятие права. Различие в дедукции субъекта права влечет за собой и различие в содержательной трактовке отношения «признания» одного субъекта права другим.

В отличие от Фихте для абсолютного идеалиста Гегеля периода «Науки логики» исходным является всеобщее, понятое одновременно и как субстанция, и как субъект действия. Эту всеобщую субстанцию-субъект Гегель обозначает понятием «духа», наполняя его новым по отношению ко всей предшествующей философии категориальным содержанием [3, с. 61-64]. В этом всеобщем множественность индивидов уже задана. Поэтому исходным пунктом является, в отличие от Фихте, не индивид, а уже само право и естественное состояние человека Гегель в отличие и от Гоббса, и от Руссо определяет как правовое состояние. То, что оно сначала выступает в форме абстракции, составляет диалектическое противоречие с его сущностью. Это диалектическое противоречие в соответствии с гегелевской методологией является подлинным источником развития понятия права. Само же это развитие воспроизводится в соответствии с методологическим принципом восхождения от абстрактного к конкретному.

Кант и Фихте обосновывали принцип активности субъекта как в сфере познания, так и в социально-политических отношениях, указывая на идею свободы, абсолютной автономии человеческой личности. Гегель предельно расширил рамки этой свободы, увидев ее корень в духовной целостности исторического развития человечества. Немецкая классическая философия права Канта, Фихте и Гегеля актуализирует религиозные и духовные традиции в праве, апеллируя при этом к высшим абсолютным ценностям личности и общества [6, с. 6-14, 7, с. 177-179].

Библиографические ссылки

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб, 1995.
3. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). СПб. : НОИР, 2011.

4. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167-173.
5. Нерсесянц В.С. Политическая философия Гегеля: становление и развитие // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М. : Мысль, 1978. С. 6-48.
6. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 9. С. 6-15.
7. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173-179.
8. Сальников В.П., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 181-188.
9. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб. : Мифрил, 1993.
10. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М. : «Канон+», 2014.
11. Berges A. Der freie Wille als Rechtsprinzip. Untersuchungen zur Grundlegung des Rechts bei Hobbes und Hegel. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2012.
12. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorgänger. Frankfurtr a.Main. Nomos. 2017.
13. Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von M. Wischke, A. Przylebski. Würzburg: Königshausen – Neumann, 2010.

References

1. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava (Philosophy of law). Moscow, Mysl', 1990.
2. Kant I. Osnovy metafiziki nravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nravov (Fundamentals of metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals). St. Petersburg, 1995.
3. Maslennikov D.V. Priroda logicheskogo v filosofii absolyutnogo idealizma (Gegel' i Fikhte) (The nature of the logical in the philosophy of absolute idealism (Hegel and Fichte). St. Petersburg, NOIR, 2011.
4. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 167-173.
5. Nersesyants V.S. Politicheskaya filosofiya Gegelya: stanovleniye i razvitiye (Political philosophy of Hegel: formation and development), *Gegel' G.V.F. Politicheskiye proizvedeniya*. Moscow, Mysl', 1978, pp. 6-48.
6. Sal'nikov V.P. Pravo i svoboda v kachestvennoy iyerarkhii tsennostey lichnosti (Law and freedom in the qualitative hierarchy of personal values), *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2006, No. 9, pp. 6-15.
7. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Religioznyye i inyye dukhovnyye traditsii kak zashchita ot ugrozy degradatsii obshchestva (Religious and other spiritual traditions as protection from the threat of degradation of society), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp. 173-179.
8. Sal'nikov V.P., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Razvitiye teoretiko-metodologicheskikh osnovaniy politiko-pravovoy nauki v «Yyenskoy real'noy filosofii» G.V.F. Gegelya (Development of theoretical and methodological foundations of political and legal science in the "Jena real philosophy" by G.W.F. Hegel), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 12, pp. 181-188.
9. Fikhte I.G. Sochineniya v dvukh tomakh (Works in two volumes). T. 1. St. Petersburg, Mifril, 1993.
10. Fikhte I.G. Osnova yestestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya (The basis of natural law according to the principles of science teaching). Moscow, «Kanon+», 2014.

Дата поступления: 23.09.2018 *Received: 23.09.2018*

УДК 340.1+34(091)

ВКЛАД Ф.М РАЯНОВА В МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

F.M. RAYANOV'S CONTRIBUTION TO THE MODERNIZATION OF RUSSIAN THEORY OF STATE AND LAW

КАСИМОВ Тимур Салаватович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: timursk@rambler.ru

KASIMOV Timur Salavatovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: timursk@rambler.ru

Ф.М. Раянов – известный исследователь, идеи которого внесли крупный вклад в развитие науки теории государства и права, были признаны и восприняты многими современными учеными. Его подходы к понятию государства, сущности государства и типологии государства позволили по-новому понять эти государственно-правовые явления. Особенно значительным является вклад Ф.М. Раянова в модернизацию концепций гражданского общества и правового государства, позиция мыслителя по вопросам о действительности правового государства, его месту среди идеологий, практике и перспективах его формирования.

Ключевые слова: теория, государство, право, понятие государства, сущность государства, тип государства, либеральные, гражданское общество, правовое государство.

F.M. Ryanov is a famous researcher. His ideas have made a major contribution to the development of theory of state and law; they have been recognized and accepted by many modern scholars. His approaches to the concept of state, the essence of state and the typology of state have given a new understanding of these state law phenomena. F. Rayanov's contribution to the modernization of the concepts of civil society and the rule-of-law state is particularly significant, the thinker's ideas on the validity of the rule-of-law state, its place among ideologies, its practice and the prospects for its formation are of great importance.

Key words: theory, state, law, concept of state, essence of state, type of state, liberal, civil society, rule-of-law state.

Российская теория государства и права с конца 1980-х гг. трансформировалась, пройдя путь от марксистско-ленинской идеологии к плюралистической системе взглядов на государственные и правовые явления и закономерности. Одним из ключевых элементов модернизации данной фундаментальной юридической науки является осмысление парадигмы российской государственности, закрепленной в статье первой Конституции Российской Федерации 1993 г.: формирования и развития демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления. Весомый вклад в модернизацию отечественной теории государства и права внес и вносит доктор юридических наук, профессор Башкирского государственного университета Фанис Мансурович Раянов. С 1994 г. из-под пера ученого вышло более 170 научных работ, посвященных актуальным вопросам государствоведения, и прежде всего, правового государства.

Наряду с анализом многочисленных аспектов правового государства Фанис Мансурович предложил ряд научных идей, позволяющих по-новому рассматривать многие важные государственно-правовые явления.

В подходе к понятию государства Ф.М. Раянов сумел отойти от пережитков марксистко-ленинского классового подхода, присущих определениям государства многих отечествен-

ных ученых. Профессор Раянов рассматривает государство как организацию политической власти определенного общества, являясь в данном случае приверженцем идеологически нейтрального социологического подхода к пониманию государства.

Считая, что идея правовое государства возникла как консенсус между либералами и социал-демократами [7, с. 155], Фанис Мансурович Раянов не мог сам остаться вне идеологий, что закономерно, поскольку сущность государства характеризует его с точки зрения реализации в нем определенной идеологии. Государство использует методы, присущие выбранной им идеологии, при ее реализации в практике государственного управления [2, с. 46]. С точки зрения Раянова правовое государство, и права человека – это либеральные идеи. Кроме того, ученый полагает: либеральные ценности во многих странах – не орудие политической борьбы, а инструмент организации общественной жизни, и нам в России «не хватает понимания либеральных ценностей в деле сближения разных народов и наций» [3, с. 73, 122]. Либерально-демократическая концепция сущности государства, ка считает Ф.М. Раянов, «исходит из представлений о таком государстве, которое выражать интересы среднего класса и уравновешивать противоположные классы, исполнять роль некоего арбитра. Государство, по мнению, либерал-демократов должно служить среднему классу, занимающему численное большинство, и не допустить его упадка» [7, с. 200].

Учения о сущности государства, безусловно, должны считаться одним из главных элементов теории государства и права. Тем удивительнее, что многие современные авторы в учебниках по данной дисциплине ограничиваются описанием исходящего из марксизма классового и общесоциального подходов либо вовсе не пишут сущности государства.

Ф.М. Раянов в своем учебнике достаточно подробно анализирует сущность государства подходе, выделяя и последовательно описывая соответственно такие концепции как марксистско-ленинское учение о сущности государства, анархическую, либерально-демократическую, фашистскую концепции, тоталитарное государство, корпоративное государство, государство всеобщего благоденствия, этнократическое (национальное) государство, патриотическую и научную концепция сущности государства [7, с. 199-207].

Работы Фаниса Мансуровича Раянова отличает стремление рассматривать множество типологий государства, не ограничиваясь формационной и цивилизационным подходами, как это делают некоторые авторы учебников по теории государства и права. При этом исследователь признает самостоятельным типом государство правовое государство, что также является его вкладом в развитие теории государства и права [6, с. 15].

Отошел от Ф.М. Раянов и от сложившейся в научной среде постсоветской России традиции воспринимать Г.В.Ф. Гегеля в качестве основоположника теории гражданского общества. Он считает, что развитая современная мировая общественно-политическая практика основывается на представлениях о гражданском обществе, выработанных Джоном Локком примерно за сто лет до Гегеля [5, с. 160-161].

Наиболее крупный вклад Ф.М. Раянов сделал в учение о правовом государстве, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и основанный ученым авторитетный журнал «Правовое государство: теория и практика».

Изучение современной отечественной научной и учебной литературы приводит к выводу, что среди ученых преобладает довольно лукавый подход к вопросу о том, существует ли правовое государство в каких-либо странах. Значительная доля ученых придерживается мнения, что правовое государство – это только идеал, и в реальности оно не существует нигде. Ф.М. Раянов относится к тем исследователям (а их, по нашей оценке, меньшинство), которые, признают существование правового государства в конкретных странах, его действительность [1, с. 11, 16]. «Правовое государство – это не утопия, не выдумка, а реализованная во многих странах (например, в ФРГ, Швеции, Испании и др.) форма организации политической власти» [3, с. 191]. Другими примерами правовых государств Ф.М. Раянов считает государства Восточной Европы, ибо в них государственная власть подконтрольна институтам

гражданского общества, парламенты выражают волю народа и на правовой, справедливой основе осуществляют законодательный и бюджетный контроль за деятельностью исполнительной власти, а принцип разделения властей в этих странах воплощен в жизнь. Ученый также отмечает, что правовое государство сложилось сначала в англо-саксонских странах, а позже эту модель государственности восприняли Япония, Южная Корея и некоторые другие страны азиатского мира, а также многие страны Латинской Америки [4, с. 14-15]. «Сегодня же правовое государство, – пишет Ф.М. Раянов, – не по названию, а именно по существу, многими признается общечеловеческой ценностью, поэтому все цивилизованные государства стремятся стать правовыми» [8, с. 5].

Таким образом, можно увидеть, что научная деятельность доктора юридических наук, профессора Ф.М. Раянова, выраженная в его публикациях, выступлениях научном руководстве и консультировании студентов, соискателей, докторантов в последней четверти века, внесла значительный вклад в модернизацию представлений о понятии, сущности, типах государства, теорий гражданского общества и, в первую очередь, теории правового государства.

Библиографические ссылки

1. Касимов Т.С. Понимание правового государства в современной российской юридической науке // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 3 (17). С. 12-16.
2. Касимов Т.С. Концепции сущности государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 44-48.
3. Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2007.
4. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-16.
5. Раянов Ф.М. От земства к гражданскому обществу: современное государственно-правовое измерение местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 160-162.
6. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути осмысления // Lex Russica. 2015. Т. 105. № 8. С. 14-25.
7. Теория государства и права : учебник / под ред. Ф.М. Раянова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010.
8. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.

References

1. Kasimov T.S. Ponimanie pravovogo gosudarstva v sovremennoj rossijskoj yuridicheskoj nauke (The understanding the rule-of-law state in modern Russian legal science), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2009, No. 3 (17), S. 12-16.
2. Kasimov T.S. Koncepcii sushchnosti gosudarstva (The concepts of the essence of state), *Pravovoe gosudarstvo*, 2015, No. 4 (42), pp. 44-48.
3. Rayanov F.M. Pravovoe gosudarstvo – sud'ba Rossii (The rule-of-law state is the fate of Russia), F.M. Rayanov. Ufa, DizajnPoligrafServis, 2007.
4. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-civilizacionnyj podhod (The essence of the rule-of-law state: a historical-civilizational approach), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.
5. Rayanov F.M. Ot zemstva k grazhdanskomu obshchestvu: sovremennoe gosudarstvenno-pravovoe izmerenie mestnogo samoupravleniya (From zemstvo to civil society: the modern state law dimension of local authorities), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014. No. 3 (37). pp. 160-162.

6. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyanie, puti osmysleniya (Theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of understanding), *Lex Russica*, 2015, V. 105, No. 8, pp. 14-25.
7. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik (Theory of State and Law: Textbook), Pod red. F.M. Rayanova. Ufa, RIC BashGU, 2010.
8. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva (Actual problems of theory and practice of the rule-of-law state), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.

Дата поступления: 15.11.2018 *Received: 15.11.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES OF NICCOLO MACHIAVELLI

КИЛЬМЕТОВА Рената Рафиковна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ, Россия.
E-mail: renata.kilmetova@mail.ru

KILMETOVA Renata Rafikovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia. E-mail: renata.kilmetova@mail.ru

Один из самых известных мыслителей эпохи Возрождения Никколо Макиавелли имеет двойственную репутацию, с одной стороны, его можно привести в качестве примера того, как следует управлять государством, а с другой, назвать циничным политиком, допускавшим, в случае необходимости, переступать через границы морали и применять любые средства ради достижения своей цели. Макиавелли выступает против феодальной раздробленности, тормозившей развитие промышленности и торговли, за создание единой политической организации. Ему ненавистно все, что ослабляет государство и разрушает его целостность. Он восхваляет все, что содействует росту, укреплению и расширению границ государства, до конца жизни оставаясь профессионалом в области политики, несмотря на то, что часто подвергался критике со стороны за свои идеи и взгляды.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, Государь, эпоха Возрождения, государство, мыслитель, политика, право.

One of the most famous thinkers of the Renaissance, Niccolò Machiavelli, has ambivalent reputation, on the one hand, he can be cited as an example of how the state should be managed, and on the other hand, he can be called a cynical politician who might, if necessary, overstep morality boundaries and use any means to achieve his goals. Machiavelli opposed feudal fragmentation, which hampered the development of industry and commerce; he was for the creation of a single political organization. He hated everything weakening the state and destroying its integrity. He praised everything that contributed to the growth of the state, strengthening its unity, expanding its borders. Until the end of his life Machiavelli remained a professional in the field of politics, despite the fact that he was often criticized for his ideas and views.

Key words: Niccolò Machiavelli, Sovereign, Renaissance, state, thinker, politics, law.

Никколо Макиавелли (1469–1527) один из крупнейших политических мыслителей эпохи Возрождения [1, с. 86], является итальянским мыслителем, писателем, философом, политическим деятелем, который имеет двойственную репутацию. С одной стороны, его можно привести в качестве примера того, как следует управлять государством, а с другой, назвать циничным политиком, допускавшим в случае необходимости, переступать через границы морали и применять любые средства ради достижения своей цели. Он родился в деревне Сан-Кашано, вблизи города-государства Флоренция. Еще в детстве он мечтал стать политиком и принимать активное участие в управлении государством. Его отец Бернардо ди Никколо Макиавелли был юристом, мать – Бартоломмея ди Стефано Нели. Семья будущего политического деятеля, имея финансовые проблемы, не смогла позволить ему пройти университетский курс, однако родители обеспечили своему сыну приличное классическое образование. Позже, вспоминая детство, Макиавелли скажет: «Я родился и познал тяготы нужды прежде, чем радость жизни». Но даже в эти тяжелые годы он не отступал от своей мечты и цели, его упорный труд и самообразование давали свои плоды и вскоре Никколо начал изучать юридическую и коммерческую науки, а уже в возрасте 29 лет, был избран на должность секретаря второй канцелярии Сеньории. Именно с этой работы началась его политическая жизнь. Добиться высокого уровня в какой-либо сфере деятельности очень трудно, но удержать ту планку, не давая ей упасть, значительно сложнее. Макиавелли до конца жизни оставался профессионалом в области политики, несмотря на то, что часто подвергался критике со стороны за свои идеи и взгляды.

Самым известным произведением, в котором показано его видение идеального государства, а также отношение к политике и праву является «Государь». Этому произведению суждена беспримерная и почти всегда скандальная слава. Оно посвящено построению такого государства и общества, а также формированию такого государя, которые оказались бы способными вывести народ из социально экономического и политического кризиса, хаоса, отсталости и рутины. В «Государе» автор набрасывал контуры будущей Италии сильной, мощной, процветающей, свободной и справедливой. В определенном отношении «Государь» утопия. Однако Макиавелли не поддается иллюзии, он не пытается выдать мечту за реальность. Политика не отделяется у Макиавелли от морали, она полностью ее поглощает [2, с. 3].

Государство Макиавелли рассматривал как организацию, опирающуюся на страхе или любви подданных к правительству. Основной целью его существования является обеспечение безопасности личности и неприкосновенности граждан. Принцепс – глава государства, при осуществлении своих функций не должен принимать во внимание нормы морали. Он может не держать свое слово, если это вредит интересам государства. В начале управления государством следует проявлять жестокость к подданным. Такое отношение формирует у них страх, а последний в свою очередь, порождает уважение к государю. Глава государства, для осуществления своих функций так же должен уподобляться природе человека и животного: «быть львом, чтобы устрашать волков, и быть лисицей, чтобы распознать западню».

Макиавелли большое внимание уделял взаимоотношению государства с народом. Он старался удовлетворить классовые потребности народа, обеспечив их мирной жизнью, и интересы солдат путем личных качеств самого правителя: воинственности и жестокости. Макиавелли считал, что государь должен опасаться двух вещей: во-первых, подданных, так как могут начаться заговоры, для предотвращения этого он должен был своими действиями не задевать их честь и не присваивать имущество, а во-вторых, иноземных захватчиков. Макиавелли выделял три правильные формы правления: монархию, олигархию, республику. Он четко выделял достоинства и недостатки каждого из них, но все же придерживался больше республиканской формы правления, а единовластие, по его мнению, служит переходным этапом к народному правлению. Большое значение уделялось также праву, он рассматривал его как средство достижения целей государств. Для существования государства наряду с сильной армией необходимо иметь законодательную базу, которая обеспечит стабильно устройство

общества. Сами государи должны были стать олицетворением служения закону, а хорошо организованное войско поддерживать исполнение законов. «Когда народ увидит, что никто ни при каких обстоятельствах не нарушает данных ему законов, он очень скоро начнет жить жизнью спокойной и довольной». Во все времена религия являлась мощным инструментом государственной власти, способным управлять обществом, воздействуя на сознание людей, поэтому неудивительно, что и Макиавелли использовал ее для создания армии, руководства подданными и укрепления государства в целом. Он поощрял деятельность церквей, которая учила людей прославлению и защите отечества.

Макиавелли подразделяет государства на республики и княжества. Последние бывают наследственными или новыми [3, с. 220]. Республика считается лучшей формой государственного строя, поскольку она более приспособлена к различным обстоятельствам времени, более всего способствует росту народного благосостояния [4, с. 105]. Политико-правовые рассуждения Макиавелли опирались на опыт Древнеримских государственных деятелей, историков и были свободны от теологии. Не малую роль в этом сыграло и то, что в его семье было свободное отношение к религии и церкви. Также следует учитывать: в университетах того времени преподавалась схоластика, следовательно, получение классического образования существенно отразилось на формировании его теологических взглядов. Анализируя закономерности общественного развития, Макиавелли отмечает влияние климата на нравы людей, смену государственных форм и причины, порождающие эту смену. Прошлое может предостеречь от ошибок в будущем – такой вывод делает мыслитель. Макиавелли выступает против феодальной раздробленности, тормозившей развитие промышленности и торговли, за создание единой политической организации. Ему ненавистно все, что ослабляет государство и разрушает его целостность. Он восхваляет все, что содействует росту государства, укреплению его единства, расширению его границ. Он обрушивается на светских и духовных феодалов, мешающих величию государства и благоденствию остального населения. Дворяне – «заклятый враг всякой гражданственности», «честолюбивые бездельники», считает Макиавелли. С ненавистью говорит он и о папской власти, мешающей объединению Италии [4, с. 104].

Наука до сих пор не дала твердую оценку творчеству Никколо Макиавелли. Многие критикуют его за аморализм, другие, наоборот, восхваляют за реализм. Однако одно остается неизменным: его произведения являются памятниками культуры, которые описывают социально-политическую картину эпохи Возрождения, со всеми ее гуманистическими достижениями и конкретно-исторической ограниченностью, со всеми ее противоречиями, исканиями и борьбой.

Библиографические ссылки

1. История политических и правовых учений : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.Д. Амаглобелли и др.; под ред. Н.В.Михайловой, А.А.Опалевой, А.Ю.Олимпиева. М. :ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
2. Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М. : Современный гуманитарный институт, 2000.
3. Кравцов Н.А. Лекции по истории политических и правовых учений (краткий курс). Т. 1. Древний восток, Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2011.
4. История политических и правовых учений : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов и др. ; под ред. В.П. Малахова, Н.В. Михайловой. 4-е изд. перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

References

1. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy (History of political and legal doctrines), ucheb. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya».

N.D. Amaglobelli i dr, pod red. N.V.Mikhaylovoy, A.A.Opalevoy, A.YU.Olimpiyeva. Moscow, YUNITI-DANA, 2015.
2. Makiavelli N. Gosudar' (Sovereign), per. s ital. Moscow, Sovremennyy gumanitarnyy institut, 2000.
3. Kravtsov N.A. Lektsii po istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy (kratkiy kurs). T. 1. Drevniy vostok, Antichnost', Srednevekov'ye, Vozrozhdeniye, Novoye vremya (Lectures on the history of political and legal doctrines (short course). V.1. Ancient East, Antiquity, Middle Ages, Renaissance, Modern Age). Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2011.

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF ENSURING THE SECURITY OF THE RULE-OF-LAW STATE AND SOCIETY

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия. E-mail: oksikgol@mail.ru

МАКОВ Борис Васильевич
советник юстиции, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, кандидат философских наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: makovbv65@mail.ru

KLIMENKO Oksana Alekseyevna
Member of the Investigators Training Faculty of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia. E-mail: oksikgol@mail.ru

MAKOV Boris Vasilyevich
Counselor of Justice, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg, Russia. E-mail: makovbv65@mail.ru

Понятие «суверенитет», синтезирующее понятия суверенитета государства и суверенитета народа, не является абстракцией, а обладает конкретным содержанием. Теоретически и методологически не оправдано проводимое апологетами глобализации контрадикторное противопоставление суверенитета государства и суверенитета народа, посредством которого пытаются обосновать вывод о сохранении суверенитета народа при частичном отчуждении государственного суверенитета или его «компетенций». Такого рода «дуализация» понятия суверенитета заключает в себе угрозу безопасности правового государства, общества и личности.

The universal concept of sovereignty, synthesizing the concept of sovereignty of state and sovereignty of people is not an abstraction, but it has a specific content. It is not justified theoretically and methodologically to place state sovereignty in a contradictory opposition to sovereignty of people, which has been making by modern apologists of globalization; they are trying through it to substantiate the conclusion of preserving sovereignty of people with partial alienation of state sovereignty or its "competencies". This kind of "dualization" of the concept of sovereignty implies a threat to the security of the rule-of-law state, society and the individual.

Ключевые слова: правовое государство, общество, Европейский союз, суверенитет, безопасность.

Key words: rule-of-law state, society, European Union, sovereignty, security.

Понятие суверенитета является центральным элементом понятия правового государства. Без суверенитета нет, и не может быть полноценного государства. Угроза полной или даже частичной потери государством своего суверенитета автоматически ставит под вопрос безопасность общества, личности и самого этого правового государства. Однако именно понятие суверенитета в его классическом понимании, закрепленном в традициях вестфальского типа государственности, оказалось сегодня в центре критики. Прежде всего, это связано с вопросами политико-правовой трактовки трансформации суверенитета государств-членов Европейского союза: «Сегодня все снова и снова воспроизводится разный подход государств-членов относительно его будущего … В этой точке сосредоточены представления о границе между политическим и юридическим, между мечтой и действительностью. С чисто юридической стороны определение правой природы Европейского союза прежде всего зависит от политической суверенной воли государств, являющихся его членами. Является фактом то, что юридическое определение европейского сообщества практически невозможно. Какие бы не предпринимались для этого попытки, они в конечном итоге сводили его к традиционной категории межгосударственного объединения. Но такой подход представляется проблематичным, если считать, что вопрос о правовой природе Европейского союза зависит от определения правовой природы отчуждения компетенций государств-членов» [14, с. 253].

В западноевропейской традиции правовой мысли идея суверенитета базируется на двух понятиях – понятии государства и понятии нации – которые в своей взаимосвязи формируют единый дискурс. Представления о природе суверенитета, развитые просветителями XVIII в., закреплялись во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в Конституции Французской республики 1791 года: «Постепенно понятие суверенитета трансформировалось благодаря своей существенной открытости и посредством своей чисто формальной природе. Понятие суверенитета – это понятие функции, а не субстанции. Все это ведет к изменению в истории содержания этого понятия. В дальнейшем революция перенесла понятие суверенитета монарха на народ» [14, с. 138].

Это представление о «переносе» понятия суверенитета с монарха на народ, во-первых, фиксировал правовое содержание реального исторического события – крушения французской монархии и установления республики, во-вторых, идея просветителей о том, что источником суверенитета может быть народ, получила, можно сказать, практическое подтверждение. Однако из этого вовсе не следовало, что отныне только народ можно было признавать законным источником суверенитета. В большинстве стран таким источником по-прежнему признавался монарх. Вопрос о том, является ли этот факт некоторого рода юридической фикцией или же он опосредован ходом истории точно так же, как и народный суверенитет, оставался открытым и остается открытым вплоть до наших дней [8, с. 181].

Как нам представляется, дело состоит в том, что понятие суверенитета в теории правового государства является первичным понятием, выражающим, если использовать определение Гегеля, «идеальность всех особенных правомочий». В своей «Философии права» Гегель прямо указывал на всеобщий характер понятия суверенитета, сводящих в свою внутреннюю сущность (идеальность) все особенные определения государства, которые именно поэтому следуют из понятия суверенитета и зависят от него, а не наоборот [1, с. 316-318]. Согласно этой точке зрения, организация, обладающая политической властью, для того чтобы существовать в форме государства, должно обладать тем качеством, которое обозначается комплексным синтетическим понятием суверенитета. Суверенитет выражает автономность и субъектность политической организации, без которого его существование уже не будет существованием именно государства. Вопрос о том, будет ли это государство абсолютной теокра-

тической монархией или демократической республикой, по отношению к вопросу обладания политической организацией суверенитетом, уже вторичен. Точно так же, как и вопросы о соблюдении прав человека, его демократических свобод, обеспечении его безопасности и т.п. В противном случае окажется, что мы экстраполируем особенное содержание понятия на его всеобщее содержание, что методологически недопустимо.

Как и теоретическое понятие суверенитета общий принцип суверенитета выполняет в процессе общественного развития двойную функцию: инструментальную и структурирующую. В таком случае принцип национального суверенитета выражает связь между нацией, ее действительным суверенитетом и единой национальной государственностью и может рассматриваться в своих двух аспектах: суверенитет государства и суверенитет народа. «Принцип национального суверенитета получил как материальное, в принципе переносимое на другие инстанции содержание (суверенитет государства), так и абстрактное, неотчуждаемое содержание (демократический суверенитет). Ядро суверенитета складывается не из комплекса компетенций – его составляет экспликация народом первоисточника власти. Такое понимание соответствует изначальному значению понятия национального суверенитета в том виде, как оно сложилось ко времени революции» [14, с. 206]. По мнению исследователя, это различие между государственным суверенитетом и суверенитетом народа, которое соответствует национальной конституции (в данном контексте речь идет о конституции Французской республики), позволяет согласовать национальную теорию суверенитета с реалиями Европейского союза. Лишь при таком условии понятие национального суверенитета еще может выполнять свои функции в европейском контексте без того, чтобы угрожать европейской интеграции. Обозначение суверенитета правового государства как совокупности компетенций преимущественно международного характера позволяет осуществить перенесение этих компетенций на европейское сообщество, не затрагивая при этом сам принцип национального суверенитета, так как национальный суверенитет в таком случае оказывается делимым только в аспекте суверенитета государства, но не в аспекте суверенитета народа. «Благодаря этому можно оправдать перенос компетенций государственного суверенитета на Европейский союз без того, чтобы национальный суверенитет стал пустым звуком: изначальная иррациональность текста французской конституции отсылает к «священной иррациональности» французской теории суверенитета» [14, с. 206]. Как нам представляется, такого рода «плюрализация» понятия суверенитета несовместима с его трактовкой как субъектности государства, поскольку субъект по самой сущности своей монистичен [4, с. 61-64].

В результате мы видим, что хотя само понятие суверенитета и является многозначным, вместе с тем в правосознании европейских народов оно тесно связано с представлением о «едином и неделимом» суверенитете, что, без сомнения, создает непреодолимые сложности при трансляции суверенитета правовых государств на Европейский Союз как на некое транснациональное государство. Но именно для преодоления такого рода точки зрения все чаще раздаются призывы к интерпретации понятия суверенитета в качестве совокупности «компетенций». Вместе с тем такой подход сам по себе не решает вопроса о возможности переноса ядра суверенитета или порога возможной «трансляции компетенций» на Европейский Союз. Ведь, все равно остается открытым вопрос о том, когда эта трансляция компетенций достигнет уровня, при котором эта «совокупность компетенций» станет лишь пустой оболочкой. При этом нужно ответить и на вопрос о том, как быть с системой конституционной защиты суверенитета. В связи с такой постановкой вопроса ряд исследователей говорит о том, что процесс конституционализации европейской интеграции может привести к преобразованию национальных конституций, в своего рода, «дуальные конституции», которые в рамках установленной правовой системы уже не будут соответствовать «существенным условиям обеспечения национального суверенитета» [8, с. 115]. При этом отмечается, что в рамках своей правовой компетенции Конституционный совет ограничился тем, что установил неприемле-

мость складывающихся в новом транснациональном политико-правовом образовании существенных условий сохранения национального суверенитета [8, с. 115].

В этой связи нам также представляется неприемлемым столь категоричное противопоставление друг другу суверенитета правового государства и суверенитета народа и «дуализация» понятия суверенитета в ущерб идее его изначальной монистической целостности. Европейские авторы говорят о неделимости национального суверенитета, сами опасаясь при этом, что данное понятие окажется «пустым звуком». Но, далее, непонятно, на каком основании можно отказать в этом качестве неделимости суверенитету государства. В конечном счете, европейские правоведы постмодернистского толка пытаются уверить своих читателей в том, что существует не один, а два суверенитета. Лежащий в их основании единый суверенитет в таком случае и становится совершенно «пустым звуком», всего лишь абстрактным родовым понятием. Представляется, что здесь за рассуждениями постмодернистов о критической деструкции понятий, скрывается не более чем докантовская метафизика, для которой понятия – это не выражение действительного внутреннего единства вещей, а не более чем формально-логические абстрактные категории, которыми можно произвольно оперировать, осуществляя в отношении них чисто логические операции. Как результат, создается не более чем видимость того, что имеет место содержательный анализ понятий, который подменяется чисто идеологическим обоснованием тех или иных политических решений. Постмодернисткая деструкция правовых категорий оборачивается возвратом теории права на уровень мышления XVIII века без сохранения характерной для эпохи Просвещения установки на апологетику национального суверенитета государств «вестфальской модели». В итоге получается следующая теоретическая, а точнее говоря формально-логическая конструкция: делимому суверенитету государства с отчуждаемыми «компетенциями» противостоит неделимый суверенитет народа, а объединяющий их общий суверенитет представляется либо абстрактной родовой категорией, либо кантовской «вещью-в-себе».

Ряд авторов, прежде всего теоретики функционализма и неофункционализма (Д. Митрани, Э. Хаас, Л. Линдберг и др.), открыто говорят об «эрозии» суверенитета и стремятся относиться к этому процессу как объективному предмету анализа. Они изучали процессы добровольного создания больших по масштабам политических объединений, которые сознательно воздерживаются от применения силы в отношениях между составляющими его элементами [12, с. 4; 13, с. 10-16]. В центре внимания неофункционалистов стоял вопрос, каким образом и в силу каких причин государства добровольно ограничивают свой суверенитет, одновременно приобретая новые средства для урегулирования конфликтов между собой. Таким образом, под интеграцией (в правовом значении этого термина) неофункционалисты понимали «процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности. Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество» [12, с. 433]. Таким образом, в центре внимания данной научной парадигмы находились проблемы «эрозии» рассредоточения суверенитета. В итоге остается открытым вопрос о последствиях, в том числе и правовых, которые может иметь делегирование Евросоюзу суверенных «компетенций» от государств, являющихся благоприобретателями интеграции, и от тех государств, для которых, деструкция суверенитета, напротив, ведет к снижению уровня экономического потенциала и социально-политической стабильности, уровня безопасности личности и общества. В современных условиях основные приоритеты политики правового государства в области интеграционных процессов, несущих в себе явную или скрытую угрозу государственному суверенитету, должны быть связаны с вопросами, в которых наиболее отчетливо просматриваются параметры соотношения внутренней и внешней политики, направленные на обеспечение государственной безопасности. При этом Россия должна отстаивать собственное видение формата государственного суверенитета. Оно должно состоять в утверждении отноше-

ния к суверенитету как к правовой ценности, имеющей не только собственно юридическое, но и нравственное измерение [2, с. 196-197]. Именно как ценность нравственно-правового порядка идея суверенитета может объединять различные народы и культуры вопреки негативным тенденциям стремительно партикуляризующегося мира.

Если для Запада сегодня своеобразным манифестом становится положение Макса Вебера о том, что международная политика и мораль несовместимы, то Россия с ее глубокими традициями изучения отношения права и нравственности [5, с. 42-47; 6, с. 177-179; 7, с. 4-11; 9, с. 186-192; 11, с. 72-79] должна занять прямо противоположную позицию. Эта позиция, конечно же, найдет отклик и поддержку мирового сообщества, особенно в сфере международного права, где добросовестность, ответственность, разумность признаются естественными условиями договорных отношений. Ценностный подход к понятию суверенитета, основанный на духовных традициях российской нации [10, с. 173-179], альтернативный грубому прагматизму, должен способствовать утверждению начал справедливости в системе международно-правового регулирования транснациональных отношений, исключающих какую-либо дифференциацию государств или ущемление их суверенитета в зависимости от уровня экономического развития в международно-договорных отношениях или при участии в деятельности международных организаций.

Библиографические ссылки

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
2. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 193-197.
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
4. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). СПб. : НОИР, 2011.
5. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
6. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177-179.
7. Нерсесянц В.С. Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. С. 4-11.
8. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 1: Государство / отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Норма, 2007.
9. Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). СПб.: Фонд «Университет», 2017. СПб, 2017. 324 с. (серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 186-192.
10. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173-179.
11. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: истори-

ко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.
12. Haas Ernst B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // Regional Organization: Theory and Research Ed. by Leon N. Lindberg and Stuart A. Scheingold. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2001. P. 4-8.
13. Dougherty J., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. 3d ed. N.Y. : Harper Collins, 1990.
14. Lepoivre H., Staatlichkeit und Souveränität in der Eurupäischen Union am Beispiel Frankreichs. Frankfurt am Main etc : Lang, 2003.

References

1. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava (Philosophy of law). Moscow, Mysl', 1990.
2. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P., Chislov A.I. Sovremennyye integratsionnyye protsessy i rol' gosudarstva i prava v mirovom soobshchestve (Modern integration processes and the role of state and law in the world community), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 8, pp. 193-197.
3. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
4. Maslennikov D.V. Priroda logicheskogo v filosofii absolyutnogo idealizma (Gegel' i Fikhte) (The nature of logic in the philosophy of absolute idealism (Hegel and Fichte). St. Petersburg: NOIR, 2011.
5. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing good and evil), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
6. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. Filosofiya prava i komprekhendnaya teoriya prava. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 s. (Philosophy of Law and Comprehensive Theory of Law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Law science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.), *Yuridicheskaya nauka*, 2016, № 6, pp. 177-179.
7. Nersesyants V.S. Tsennost' prava kak triyedinstva svobody, ravenstva i spravedlivosti (The value of law as a trinity of freedom, equality and justice), *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovleniye*. Moscow, Izd-vo IGiP RAN, 1996, pp. 4-11.
8. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava (General theory of state and law). Akademicheskiy kurs v trekh tomakh. T. 1: Gosudarstvo, otv. red. M.N. Marchenko. Moscow, Norma, 2007.
9. Pokrovskiy I.F., Stepashin S.V., Maslennikov D.V. Ideya spravedlivosti kak ontolo-gicheskoye osnovaniye prava: novyye issledovaniya peterburgskikh pravovedov. Retsenziya na monografiyu: R.F. Ismagilov, V.P. Sal'nikov «Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli» (istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX–XXI vv.). St. Petersburg: Fond «Universitet», 2017. St. Petersburg, 2017. 324 s. (seriya: «Nauka i obshchestvo») (The idea of justice as an ontological basis of law: new studies of Petersburg jurists. Review of the monograph by R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models" (historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX – XXI centuries). St. Petersburg: Fond «Universitet», 2017. St. Petersburg, 2017. 324 p. (Series: "Science and Society"), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 3, pp. 186-192.
10. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Religioznyye i inyye dukhovnyye traditsii kak zashchita ot ugrozy degradatsii obshchestva (Religious and other spiritual traditions as a defense against the threat of degradation of society), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp. 173-179.

11. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of law of F.M. Dostoevsky as a source of the development of theory of Russian state and law), *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt*, Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018g.), otv. red. F.Kh. Galiyev. V 2-kh ch. CH. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.
12. Haas Ernst B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing. Regional Organization: Theory and Research Ed. by Leon N. Lindberg and Stu-art A. Scheingold. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 2001, pp. 4-8.
13. Dougherty J., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. 3d ed. N.Y., Harper Collins, 1990.
14. Lepoivre H., Staatlichkeit und Souveränität in der Eurupäischen Union am Beispiel Frankreichs. Frankfurt am Main etc, Lang, 2003.

Дата поступления: 25.10.2018 *Received: 25.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКЕ

КОНДРАТ Елена Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права МГИМО МИД России, г. Москва, Россия.
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

В современной государственной политике большое значение придается понятию «национальный интерес». В то же время, проблемы, связанные с национальным интересом, имеют свою давнюю историю, начиная со времен Макиавелли и Бодена. Бесспорно, за все это время они претерпели большие изменения. Тем не менее, в целях дальнейшего совершенствования ныне существующих доктрин национальной безопасности целесообразно обратиться к эволюции понятия «национальный интерес», поскольку в настоящее время актуальная и действенная концепция национальной безопасности строится именно исходя из видения национальных интересов и с целью обеспечения их защиты.

NATIONAL INTERESTS OF THE RULE-OF-LAW STATE AND THE CONCEPT OF NATIONAL SECURITY: SOME APPROACHES TO CONTEMPORARY INTERPRETATION

KONDRAT Yelena Nikolayevna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Administrative and Financial Law of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia. E-mail: kondratelnik@rambler.ru

In modern state policy, a high priority is placed on the concept “national interest”. At the same time, the problems related to national interest have a long history, since Machiavelli and Boden. Undoubtedly, they have undergone great changes during this long period. Nevertheless, in order to further improve the existing doctrines of national security, it is advisable to turn to the evolution of the concept “national interest”, since at present the actual and effective concept of national security is based precisely by reference to national interests and to ensure their protection. .

Ключевые слова: национальный интерес; государственный интерес; национальная безопасность; государство.

Key words: national interest; state interest; national security; state.

Для того, чтобы непосредственно проанализировать существующие доктрины национальной безопасности, целесообразно обратиться к эволюции понятия национального интереса, поскольку в настоящее время актуальная действенная концепция национальной безопасности строится именно исходя из видения национальных интересов и с целью обеспечения защиты их совокупности. Русское понятие «национальный интерес» является дословным переводом английского термина «national interest», в других ключевых европейских языках это термин звучит иначе, и представляет собой кальку с итальянского понятия «ragion di Stato» (Ragion di Stato – «причины государства» или «государственный расчёт»), в частности, французское – «raison d'Etat», и немецкое – «Staatsrason» или «Staatsraison».

Термины «государственный расчёт» и близкий ему по смысловому наполнению «will of prince» (воля государя), возникшие в Европе XVI–XVII веков периода образования национальных государств, обязаны происхождением итальянскому философу политику и писателю Никколо Макиавелли. Именно он является основателем учения об интересах отдельных государств [4; 12]. Терминология заимствованная из трудов Макиавелли позднее встречается в работах Т. Гоббса, Дж. Локка [3; 13]. На протяжении последующих веков книги Макиавелли рассматривались как кладезь политической мудрости и руководство к действию для политиков [10; 11]. Впрочем, само политическое учение о «государственном расчёте», основательно развитое Джованни Ботеро и Жаном Боденом [5; 6], квинтэссенция которого выражается в формуле герцога де Рогана: «Князья командуют народами, но князьями командуют интересы», довольно долго оставалось чисто практическим, поскольку было изолированно в духовном плане от господствующего в тогдашней философии и историографии естественно-правового учения.

По мнению профессора Н.А. Фроловой, среди многообразия средневековых политико-правовых концепций особо значимо проявилась идея французского политического деятеля Жана Бодена о государственном интересе, т.е. о суверенитете, она дополняла и развивала теоретические исследования о государстве. Французский мыслитель был сторонником абсолютизма, свои взгляды он сформулировал в труде «Шесть книг о государстве» и считал главной задачей государства защиту его общих интересов. Королевская власть, полагал мыслитель, обязана быть способной в любое время защищать общегосударственные интересы, стоящие выше и религиозных, и иных распрей. Возникает государство, по Бодену, посредством договора, выступать против него нельзя, так как оно преследует общие интересы, оно суверенно. Государство едино и неделимо. Его суверенитет представляет собой постоянную, верховную власть государства и ее верховенство по отношению к церковной и частной власти. Абсолютность власти государства предполагает ее независимость от какой бы то ни было иной власти и другого субъекта политики и его волеизъявления, предписаний. Вместе с тем, она предполагает соблюдение определенных фундаментальных принципов социального быта – «законов Бога, природы и универсальных человеческих законов».

По мнению Н.А. Фроловой, Жан Боден считал, что как раз на них «основаны общепризнанные нравственные нормы, институт семьи, неприкосновенность частной собственности, обязанности государства перед подданными». И добавим от себя – необходимость обеспечения общегосударственных интересов. Именно идея Ж. Бодена об интересах государства, его суверенитете, по мнению Н.А. Фроловой, и мы с ней согласны, является наиболее ценной в творчестве французского мыслителя [14, стр. 45-46].

К концу XVII века Пуфендорф в трудах по истории современности, анализируя актуальный материал, смог превратить учение о государственных интересах в принцип понимания политических действий [7; 8; 9]. Следует отметить и «Письма об изучении и пользе исто-

рии» Генри Болингброка (1735 год), обзоры британского политического деятеля выдержаны в духе учения об интересах. Справочник Руссе «Насущные интересы и притязания властителей Европы» [17] – последняя крупная работа, обобщающая учение об интересах, как самостоятельное явление. В середине XVIII века концепцию государственных интересов без какого-либо переосмысления механически интегрировали в философию Просвещения. К примеру, Вольтер писал: «Государственный интерес – вот суверенная мудрость королей». Для справки, в России о «государственных интересах» (национальных интересах) начали говорить с эпохи Петра I. При этом, до революции использовали французский вариант – «государственный разум», но с гораздо менее определенным значением.

В 1934 году видный экономист и политолог Ч. Бирд выпустил книгу, в которой предложил использовать определение «национальный интерес» для научного описания внешнеполитической деятельности государств [15]. В 1935 году термин «национальный интерес» получил научное признание, ему была посвящена статья в Оксфордской энциклопедии социальных наук.

Таким образом, понятие «национальный интерес» в той или иной форме употреблялось на протяжении почти пяти столетий в политической теории и практике зарубежных государств (в России более трёх столетий) и всё это время не прекращалась дискуссия по поводу его содержания. Западная политологическая традиция к середине XX века сформировала два основных противоположных подхода к анализу национального интереса. Школа «политического реализма» представляет первый – «объективистский» подход. Сторонники теории «принятия решений» придерживаются второго – «субъективистского» подхода. В основе разногласия лежит мнение о природе «национальных интересов».

Внимание к проблематике «национального интереса» особенно возросло после окончания Второй мировой войны. Основатель школы «политического реализма» Ганс Моргентау назвал споры, развернувшиеся на этой почве «новыми великими дебатами». В наиболее развернутой форме «объективистская» концепция была сформулирована в опубликованной в 1948 году книге Моргентау «В защиту национального интереса» [16]. В дальнейшее развитие концепции национального интереса внесли существенный вклад американские политологи Дж. Кеннан, У. Липпман, К. Уолтц, Э. Фернисс, Дж. Розенау и другие. Проблема национального интереса получила и специфическую оценку французских исследователей Р. Арона, П. Ренувена, Ж.-Б. Дюрозеля, Ф. Брайра, Р. Дебре.

Моргентау утверждал: отстаивание национальных интересов является основным критерием правильности внешней политики государства. По мнению американского политолога, понятие интереса, выраженного в терминах власти, является объективной данностью.

«Он основан на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития… Геополитическое положение государства и его окружение, природа тех угроз и вызовов, которым оно противостоит, так же как и социокультурные традиции его населения и структурные особенности его внешней торговли, не меняются каждый день и поэтому не зависят от произвола или субъективных предпочтений “государей”».

Сторонники теории «принятия решений» Р. Снайдер, Б. Сейпин, Х. Брук, Э. Фернис, придерживаясь иного взгляд на природу национального интереса, в свою очередь утверждали: «национальные интересы субъективны по характеру… национальный интерес – это то, что нация, то есть тот, кто принимает решения, назовет таковым». Отсюда логически вытекает – определение национальных интересов государства зависит от философских и политических взглядов, мотивов и предпочтений государственных деятелей и лидеров государств.

Отметим, в СССР национальные интересы декларативно заменялись широким понятием классовых интересов, а в крайне редких случаях, негласно, понятием имперских интересов, поскольку по большому счёту СССР и являлась империей. Таким образом, в советском политическом языке понятие «национального интереса» отсутствовало как таковое, и в по-

следующий период термин импортировали из политического арсенала США.Тем не менее, обсуждение понятия «национальный интерес» отечественной наукой так же выявило различие его понимания. К примеру, Б.В. Межуев выделяет в российской литературе две основные трактовки: национал–консервативную и национал–либеральную. Сторонки первой трактовки отстаивают примат «государственного интереса», его принципиальную независимость от складывающегося внутри общества консенсуса частных интересов, не усматривая какой-либо разницы между категориями «национальный интерес» и «государственный интерес».

Со своей стороны, национал–либералы отстаивают строгое терминологическое разведение «национального» и «государственного» интереса. По их мнению, субъектом «национальных интересов» является гражданское общество и независимые от государства частные собственники.

Примечательно, существуют политики и исследователи, отвергающие как саму возможность научного определения понятия «национальный интерес», так и выработку внутриполитических и внешнеполитических концепций на основе национальных интересов. К примеру, бывший помощник Президента РФ Д.Б. Рюриков считает: «составление всеобъемлющих «научно обоснованных» концепций все–таки принадлежит прошлому. Это было делом КПСС – регламентировать все, следить за всем, не допускать отклонений, постоянно сверять с концепцией и теорией практику и пресекать то, что не отвечало положениям теории». Мнение Д.Б. Рюрикова разделяют политологи Д.Е. Фурман и Б.Г. Капустин. Первый убежден, «национальный интерес» – псевдопонятие. Второй считает его малопродуктивной категорией: «это понятие, во–первых, эвристически непродуктивно; во–вторых, концептуально слабо… в–третьих, политически вредно».

Ю.А. Красин достаточно точно отмечает две характерные полярные крайности российского политического дискурса в трактовке понятия «национальный интерес»: с одной стороны, создаются спасительные идеологемы, придающие национальным интересам едва ли не мистический характер; с другой – эта категория объявляется чуть ли не фикцией, во всяком случае, малопродуктивной, в лучшем случае чисто инструментальной, применяемой утилитарно–политически.

Вместе с тем, зарубежный исторический опыт и актуальная практика наглядно показывает: понятие «национальный интерес» широко обсуждается исследователями и журналистами, политическими и военными деятелями. Этому понятию придается важнейшее значение в государственной политике. Концепции национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины ведущих мировых государств в обязательном порядке содержат ссылки на «национальные интересы», как на основу, исходный принцип определения всех приоритетов текущей и перспективной государственной политики. Принято считать, основу национальной безопасности составляет физическое выживание общества, сохранение суверенитета и территориальной целостности, высокий уровень дееспособности перед лицом внешних угроз, обеспечение гражданам необходимых условий для нормальной жизни и самовыражения. Таким образом, национальная безопасность имеет политический, экономический, военный, социальный, экологический, правовой, научный и духовный и другие аспекты [1; 2].

Исторический опыт свидетельствует – надежное обеспечение национальной безопасности невозможно без четкого понимания обществом необходимости этого вида государственной деятельности, то есть закрепления этой идеи в общественном сознании. При этом исключительную важность приобретает научное осмысление деятельности различных общественных и государственных институтов, субъектов социальных отношений по формированию элементов системы национальной безопасности. Вместе с тем любой процесс теряет всякий смысл и какую-либо продуктивность, если осуществляется только ради самого процесса, то есть, без внятного обоснованного определения задач, целей и приоритетов. И вот эти задачи, цели и приоритеты, как их не назови, в конечном итоге, и являются комплексом национальных интересов.

Библиографические ссылки

1. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. 2017. № 1. С. 120-139.
2. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 69-94.
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 38-44.
4. Клименко О.А. Идея государственного суверенитета и ее формирование от античности и средневековья до исходных начал Никколо Макиавелли и Жана Бодена // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 90-94.
5. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 53-57.
6. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22-28.
7. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
8. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 36 (46). С. 111-114.
9. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. 2015. № 4 (90). С. 42-47.
10. Макиавелли Н. Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль, 1997.
11. Макиавелли Н. История Флоренции. М. : Наука, 1987.
12. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 149-157.
13. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 173-179.
14. Фролова Н.А. Политические и правовые учения зарубежных стран: история и современность: Учебное пособие / под ред. Н.М. Чистякова. М. : Орбита-М, 2011.
15. Beard, Charles A. Written history as an act of faith. American Historical Review, 1934.
16. Morgenthau H. In Defence of National Interest. N.Y., 1952.
17. Rousset de Missy Jean. Les intérêts présents et les prétentions des puissances de l’Europe (1733 год -первое издание, 1741 год 3-е издание).

References

1. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Sal'nikov M.V., Tret'yakov I.L. Suverenitet Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye ugrozy i obespecheniye voyennoy bezopasnosti (The sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring military security), *Mir politiki i sotsiologii*, 2017, No. 1, pp. 120-139.

2. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Sal'nikov M.V., Tret'yakov I.L. Suverenitet Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye ugrozy i obespecheniye natsional'noy bezopasnosti (The sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring national security), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 12, pp. 69-94.
3. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Poisk empiricheskikh osnovaniy spravedlivosti i prava v tvorchestve Tomasa Gobbsa, Dzhona Lokka, Sharlya Montesk'ye i Zhana-Zhaka Russo (The search for empirical foundations of justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 38-44.
4. Klimenko O.A. Ideya gosudarstvennogo suvereniteta i yeye formirovaniye ot antichnosti i srednevekov'ya do iskhodnykh nachal Nikkolo Makiavelli i Zhana Bodena (The idea of state sovereignty and its formation from antiquity and the Middle Ages to the initial principles of Niccolò Machiavelli and Jean Boden), *Mir politiki i sotsiologii*, 2014, No. 11, pp. 90-94.
5. Klimenko O.A. Stanovleniye ponimaniya gosudarstvennogo suvereniteta v epokhu Moderna (ot idey Zh. Bodena do pravovykh osnovaniy Vestfal'skogo mira) (Formation of the understanding of state sovereignty in the era of the Modernism (from the ideas of J. Boden to the legal foundations of the Westphalian world)), *Mir politiki i sotsiologii, 2016*, No. 6, pp. 53-57.
6. Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Tret'yakov I.L. Politicheskaya kontseptsiya absolyutnogo suvereniteta Marsiliya Paduanskogo i Zhana Bodena v kontekste sinkretizma sovremennoy pravovoy kul'tury (The political concept of absolute sovereignty of Marsilia of Padua and Jean Boden in the context of the syncretism of modern legal culture), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 3, pp. 22-28.
7. Kurzenin E.B. Politiko-pravovoye ucheniye Samuelya Pufendorfa (Political and legal doctrine of Samuel Pufendorf), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 1999.
8. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Osobennosti metodologii nauchnogo tvorchestva Samuelya Pufendorfa (Features of the methodology of scientific works of Samuel Pufendorf), *Uchenyye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 36 (46), pp. 111-114.
9. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Fomichev M.N. Printsip «sotsiabil'nosti» v tvorchestve Samuila Pufendorfa (The principle of "social stability" in the works of Samuel Pufendorf), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 4 (90), pp. 42-47.
10. Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniye o pervoy dekade Tita Liviya. O voyennom iskusstve (Discourse on the first decade of Titus Libya. On military art.). Moscow, Mysl', 1997.
11. Makiavelli N. Istoriya Florentsii (History of Florence). Moscow, Nauka, 1987.
12. Mirzoyev A.K. Suverenitet: genezis i kontseptual'naya evolyutsiya predstavleniy v politiko-pravovoy nauke (iskhodnyye nachala – Nikkolo Makiavelli i Zhan Boden) (Sovereignty: the genesis and conceptual evolution of ideas in the political-legal science (origins- Niccolò Machiavelli and Jean Boden)), *Mir politiki i sotsiologii*, 2013, No. 11, pp. 149-157.
13. Sal'nikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Tret'yakov I.L. Zhan-Zhak Russo i Dzhon Lokk: nekotoryye idei o suverenitete i yestestvennom prave (Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some Ideas on Sovereignty and Natural Law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 173-179.
14. Frolova N.A. Politicheskiye i pravovyye ucheniya zarubezhnykh stran: istoriya i sovre-mennost' (Political and legal teachings of foreign countries: history and modernity), uchebnoye posobiye, pod red. N.M. Chistyakova. Moscow, Orbita-M, 2011.
15. Beard, Charles A. Written history as an act of faith. American Historical Review, 1934.
16. Morgenthau H. In Defence of National Interest. N.Y., 1952.
17. Rousset de Missy Jean. Les intérêts présents et les prétentions des puissances de l'Europe (1733 god -pervoye izdaniye, 1741 god 3-ye izdaniye).

Дата поступления: 20.11.2018 *Received: 20.11.2018*

УДК 340.1+34(091)

СУД, НАКАЗАНИЕ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ТРАКТОВКИ

COURT, PUNISHMENT, JUSTICE: FEATURES OF THE HEGELIAN INTERPRETATION

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна
Судья Московского городского арбитражного суда, г. Москва, Россия.
E-mail: Urbova@inbox.ru

СЕРГЕЕВА Анна Юрьевна
декан факультета подготовки научных кадров Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: annichenko@mail.ru

LEZHNEVA Olga Yuryevna
Judge of the Moscow City Arbitration Court, Moscow, Russia. E-mail: Urbova@inbox.ru

SERGEYEVA Anna Yuryevna
Dean of the Faculty of Academic Staff Training of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.
E-mail: annichenko@mail.ru

Понятие «справедливость» не является центральной категорией философии права Г.В.Ф. Гегеля. Его содержание открывается лишь с учетом всего контекста учения мыслителя об этапах развития права и правоотношений. При этом проявляется его значение как «сквозной» категории, позволяющей вскрыть содержательное единство понятия наказания, анализируемого в разделе «Абстрактное право», и понятия назначающего это наказание суда, являющегося, по Гегелю, связующим звеном между гражданским обществом и государством.

Ключевые слова: Гегель, право, государство, гражданское общество, суд, наказание, справедливость.

The concept of justice is not a central category of the philosophy of law of G.W.F. Hegel. Its content comes to light only while taking into account the whole context of the thinker's teaching on the stages of development of law and legal relations. At the same time, its meaning is manifested as a “cross-cutting” category, which allows revealing the substantial unity of the concept of punishment, analyzed in the section “Abstract Law”, and the concept of the court imposing this punishment, which, according to Hegel, is a link between civil society and the state.

Key words: Hegel, law, state, civil society, court, punishment, justice.

Понятие наказания актуализируется Гегелем дважды: в учении об интерперсональном отношении субъектов права и в учении о правосудии. Выступающая в процессе анализа этих понятий категория справедливости позволяет уточнить их содержание и показать внутреннюю связь, обнаруживающуюся в процессе диалектического развития материала философии права от «абстрактного права» к гражданскому обществу и государству. Только с учетом диалектики этого движения становится понятен смысл категорий наказания, правосудия и справедливости, становится понятна сама их внутренняя взаимосвязь. Учение об «абстрактном праве», в котором содержится теория наказания (с учетом различия наказания как мести и как реализации воли суда), является исходным пунктом построения всей теоретической конструкции гегелевской философии права. Однако, согласно гегелевской диалектической методологии, истинное основание всякого процесса раскрывается в его результате. То, с чего начинается процесс, его начало, еще является чем-то неистинным, совершенно противоречит своему понятию. Это противоречие как раз и является источником развития содержания. По-

этому абстрактная атомарная личность, выступающая субъектом договорных отношений, содержит в себе противоречие, состоящее в том, что она является лишь абстракцией всей полноты духовного содержания, которое раскрывается в понятии государства, несущего в себе высшую нравственную идею. Гегель, кстати, именно поэтому одобрительно высказывался в своей «Истории философии» об аристотелевской теории происхождения государства: в «Политике» государство исторически является результатом сложения и развития селений (аналог гражданского общества), но логически, по сути своей, первично, поскольку более глубоко раскрывает ту нравственную идею, которую несет в себе и общество, и личность.

Содержание отношений абстрактного права составляет взаимное признание личностей [3, с. 97-98]. Уже в своей ранней рукописи 1805–1807 гг. Гегель отмечал: «Я должно быть признанным… Это признание есть право» [1, с. 316]. Так как для взаимно признающих друг друга субъектов здесь не предполагается отношение ни к какому другому содержанию человека, кроме его существования в качестве единицы социального признания, то это признание должно фиксироваться во внешних формах материальной вещи. Вещь в качестве опосредующего начала взаимного признания личностей определяется Гегелем как собственность [3, с. 101-105], социальное отношение по поводу этой собственности как владение [3, с. 106-121], опосредование признания личности качестве собственника общей волей социума определяется Гегелем как договор [3, с.128], отрицание этой воли человеком или сообществом людей может быть невольным, тогда это будет «непреднамеренное неправо» [3, с. 137-140], или сознательным, тогда мы имеем дело с преступлением [3, с. 90]. В любом случае, это противоречие должно быть преодолено и право должно быть восстановлено.

Однако в силу особенностей гегелевской диалектики, право, восстановленное на этой ступени, уже не является только прежним «абстрактным правом», с которого начинал ученый. Это право уже обнаруживает в себе «общую волю», т.е. обнаруживает своей социальное содержание [3, с. 130], которое опосредует правовое отношение людей и непосредственно принуждает их находиться в рамках такого правового отношения. Обнаружение этого социального содержания в праве, его своего рода «предъявленность» субъектам правовых отношений, как раз и несет в себе институт наказания. Анализ отношений абстрактного права, описанных в философии права Гегеля, позволяет нам интерпретировать его трактовку сущности наказания в качестве формы социального явления «общей воли», скрытой за непосредственностью правового отношения двух свободных личностей.

Но право, согласно Гегелю, не является только социальным отношением. Поэтому помимо «общей воли» сообщества людей, оно заключает в себе и некоторое всеобщее содержание, отсылающее нас высшим первоосновам бытия. Следуя традиции, заложенной Платоном, Гегель соотносит высшее определение единства бытия – абсолютную идею – с идеей блага, или абсолютного добра [4, с. 748-753]. Право основано именно на этом признании людьми абсолютности блага и на осознании своей включенности в мировую гармонию, заключающую в себе единство многообразия мировых процессов и явлений [12, с. 186; 16, с. 177-178]. Источник такого понимания права Гегель видел в историческом развитии государства, религии и церкви [5, с. 9-14; 10, с. 20-25; 15, с. 173-179]. Благодаря исторической традиции справедливость сохраняет свою роль основной нравственно-правовой ценности [7, с. 7-231; 11, с. 4-11; 14, с. 76-80; 16, с. 72-78]. Отсылку к заключенным в праве абсолютным начала мы находим именно на тех страницах «Философии права», где содержится гегелевская трактовка понятия наказания: «Но право и справедливость должны корениться в свободе и воле, а не в несвободе, к которой обращается угроза. Такое обоснование наказания похоже на то, будто замахиваются палкой на собаку, и с человеком обращаются не соответственно его чести и свободе, а как с собакой. Угроза, которая в сущности может довести человека до такого возмущения, что он захочет доказать по отношению к ней свою свободу, совершенно устраняет справедливость» [3, с. 146]. Поэтому, право и справедливостью имеют место только там, где есть свобода личности, они не могут быть основаны на насилии и страхе возмездия.

Г.В.Ф. Гегель утверждал, что наказание является способом существования справедливости в государстве, хотя и не единственной его правовой формой [3, с. 148]. Именно в институте наказания как правовом институте, согласно Гегелю, наиболее зримо проявляется сущность духовных отношений, регулируемых правом и складывающихся в государстве как высшей форме социальной общности. Возмездие за причинный ущерб, которое не опосредовано волей государства и которое осуществляется единичным человеком, является еще по сути своей чисто природным деянием. Ведь и единичный человек, если взять его в отрыве от всей совокупности общественных отношений, также, как известно, окажется лишь некоторым абстрактом, данным нам от природы. Такое возмездие будет только местью [3, с. 151]. В отличие от мести, этого своего рода аналога природных отношений в сфере духа, в наказании, установленном судом на основании права и закона, а затем утвержденном и исполненном государством, Гегель усматривает внутреннюю меру, проявляющуюся в соразмерности количественных и качественных характеристик назначенного наказания [3, с. 149-150]. Эту внутреннюю соразмерность, немецкий ученый вслед за античными мыслителями связывает с отношениями, характерными для духовной сферы. Рассуждая об этой соразмерности, Гегель возвращает нас к определениям уравнивающей и распределяющей справедливости, введенным еще Аристотелем. Рассмотрев понятие наказания как способа существования справедливости в государстве, Гегель фиксирует данность и открытость духовного содержания интерперсональных отношений для его субъектов, а, соответственно, и открытость для личности духовного содержания другой личности – ее партнера в правовых отношениях. Но эти отношения, которые основаны на взаимном признании друг друга личностями (поскольку теперь это признание взято не как результат этих отношений, а как их предпосылка) уже следует понимать как отношения моральные, которые получают систематическую реализацию в институте семьи. Таким образом, теорией наказания в «Философии права» опосредуется переход от абстрактного права к сфере моральности.

Абстрактная атомарная личность достигает ступени конкретности и целостности в семье, где ее единство с другой личностью положено систематически, а не устанавливается спорадически случайным образом в акте взаимного признания, закрепленного в договоре. Понятие справедливости, хотя и не является собственно теоретико-правовой категорией, играет здесь роль своего рода «точки опоры», отталкиваясь от которой ученый переходит на более высокий теоретический уровень исследования своего объекта, сохраняя при этом категорию справедливости и для последующей философско-правовой традиции [6, с. 6-11; 14, с. 70-86; 13; 17; 18]. Но дальнейшая теоретическая проблема состоит в том, что и семья, которую Гегель, понимает, как одно единое лицо, в реальности существует в качестве многих лиц, соединенных в единое целое тем, что Гегель называл нравственной субстанцией. Духовная нравственная субстанция трактуется в «Философии права» как систематическая всеобщая связь этих социальных «атомов», представляющих собой самостоятельные семьи, но также и любые другие складывающиеся на основе разделения труда и имущества устойчивые общности людей [2, с. 342-343]. Именно эту систематическую связь Гегель и связывает с понятием гражданского общества. Вторым после семьи базисом гражданского общества и государства выступают сословия. Связь социальных атомов нуждается в устойчивости и рефлексированности со стороны членов гражданского общества, последняя достигается в праве, а первая в институтах государства. Таким образом, государство оказывается внутренним содержанием гражданского общества, его «душой» по образному выражению Гегеля [2, с. 342]. Относя суд к сфере гражданского общества, Гегель не противопоставляет его государству и государственной власти, а наоборот, рассматривает как связующее звено между двумя формами явления единой нравственной субстанции общества. Суд, как устойчивый институт, обнаруживает внутреннее содержание гражданского общества, этого в трактовке Гегеля «внешнего государства», а потому сам может трактоваться как первое проявление государственного начала в гражданском обществе.

Значение института суда для развития права Гегель видел в том, что суд «отнимает у существования права его случайность и в особенности превращает это существование, как оно обнаруживается в мести, в наказание» [2, с. 347]. Трансформируя право в наказание, суд дает праву форму действительного существования. В деятельности суда проявляются те же философско-правовые смыслы наказания, которые были выделены Гегелем еще на ступени абстрактного права. А именно: 1) В социальном плане суд выступает как реализации «общей воли» гражданского общества. Согласно Гегелю, это выражается в публичном характере судопроизводства [3, с. 260] и в олицетворении общества в лице суда присяжных [3, с. 263]. 2) Здесь воспроизводится и тот нравственно-онтологический статус права, который Гегель в теории наказания связывал с идеей справедливости. Суд в своей деятельности, считал он, напрямую «апеллирует» к всеобщности права, имеющей значение для всего общества. Внешнее проявление этой «апелляции» Гегель также связывал с требованием публичности судопроизводства [3, с. 263].

Таким образом, анализ теории наказания, представленной Гегелем в разделе «Абстрактное право», позволяет дать более точную интерпретацию его трактовки диалектической взаимосвязи социального значения института суда и его функции по осуществлению в социальной действительности всеобщих нравственно-правовых начал справедливости. Наказание, назначаемое судом преступнику, проявляет то содержание, которое имманентно содержится в правовом интерперсональном отношении. А именно: его социальную составляющую, являющуюся выражением «общей воли», и его духовную составляющую, отсылающую нас к абсолютным первоосновам бытия. В понятии справедливости Гегелем фиксируется проявленность в наказании, назначаемом преступнику судом, всеобщего нравственного содержания права.

Библиографические ссылки

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М. : Мысль, 1972.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М. : Мысль, 1977. .
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В. Масленников. СПб. : Наука, 1997.
5. Гусев О.В., Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Церковь и духовный смысл права // Юридическая мысль. 2017. № 1. С. 8-14.
6. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов и др. ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
8. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
9. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177-179.
10. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. 2018. № 1. С. 20-25.
11. Нерсесянц В.С. Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 4-11.
12. Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных

вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.). – СПб: Фонд «Университет», 2017. – СПб, 2017. – 324 с. (серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 186-192.
13. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1995.
14. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70-86.
15. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. 173-179.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.
17. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М. : Гнозис, 1994.
18. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosopie. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1989. S. 30-34.

References

1. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let (Works of different years). T. 1. Moscow, Mysl', 1972.
2. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk (Encyclopedia of Philosophy). T. 3. Moscow, Mysl', 1977. .
3. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava (Philosophy of law). Moscow, Mysl', 1990.
4. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. CH.1. Ob"yektivnaya logika. CH.2. Sub"yektivnaya logika (Science of logic. Part 1. Objective logic. Part 2. Subjective logic), Izd. podgot. D.V. Maslennikov. St. Petersburg, Nauka, 1997.
5. Gusev O.V., Maslennikov D.V., Revnova M.B. Tserkov' i dukhovnyy smysl prava (Church and the spiritual meaning of law), *Yuridicheskaya mysl'*, 2017, No. 1, pp. 8-14.
6. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of post-classical legal philosophy). R.F. Ismagilov i dr. ; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
7. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX – XXI vv.) (Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and Legal Analysis of Theoretical Studies of Actual Issues of the Relationship of the Idea of Law and the Idea of Justice in the XX – XXI Centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
8. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing good and evil), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
9. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. Filosofiya prava i komprekhendnaya teoriya prava. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka». Moscow, Yurlitinform, 2015. 264 s. (Philosophy of Law and Comprehensive Theory of Law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.). *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 6, pp. 177-179.
10. Maslennikov D.V., Revnova M.B. Otnosheniye religii i gosudarstva v filosofii prava G.V.F. Gegelya (The relationship of religion and state in the philosophy of law of G.W.F. Hegel), *Yuridicheskaya mysl'*, 2018, No. 1, pp. 20-25.
11. Nersesyants V.S. Tsennost' prava kak triyedinstva svobody, ravenstva i spravedlivosti (The value of law as a trinity of freedom, equality and justice), *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovleniye*. Moscow, 1996, pp. 4-11.
12. Pokrovskiy I.F., Stepashin S.V., Maslennikov D.V. Ideya spravedlivosti kak ontologicheskoye osnovaniye prava: novyye issledovaniya peterburgskikh pravovedov. Retsenziya na monografiyu:

R.F. Ismagilov, V.P. Sal'nikov «Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli» (istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX–XXI vv.). St. Petersburg: Fond «Universitet», 2017. SPb, 2017. (seriya: «Nauka i obshchestvo») (The idea of justice as an ontological basis of law: new studies of Petersburg jurists. Review of the monograph by R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models" (historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX–XXI centuries). St. Petersburg: Fond «Universitet», 2017. St. Petersburg, 2017. (Series: "Science and Society"), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 3, pp. 186-192.
13. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti (Theory of Justice). Novosibirsk, Novosibirskiy un-t, 1995.
14. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya kul'tura i politiko-pravovyye traditsii v kontekste absolyutnykh tsennostey (Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values), *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 4 (84), pp. 70-86.
15. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Religioznyye i inyye dukhovnyye traditsii kak zashchita ot ugrozy degradatsii obshchestva (Religious and other spiritual traditions as a defense against the threat of degradation of society), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp 173-179.
16. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of law of F.M. Dostoevsky as a source of development of the theory of the Russian state and law), *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt* : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018g.), otv. red. F.KHh. Galiyev. V 2-kh ch. CH. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.
17. Khoffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva (Politics. Law. Justice. The foundations of the critical philosophy of law and state). Moscow, Gnozis, 1994.
18. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosopie. Würzburg, Königshausen und Neumann, 1989, pp. 30-34.

Дата поступления: 22.09.2018 *Received: 22.09.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ИМПЕРАТИВНЫЙ МАНДАТ

МАЗИТОВ Артур Ильдусович
аспирант, кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: Isador1999@yandex.ru

LEGAL NIHILISM AND IMPERATIVE MANDATE

MAZITOV Artur Ildusovich
Postgraduate Student of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Isador1999@yandex.ru

Правовой нигилизм есть отрицание права как эффективного регулятора общественных отношений. Правовой нигилизм является насущной проблемой российской действительности. Он широко распространен и в среде государственных и муниципальных служащих. Императивный мандат существенно сокращает число правонарушений и преступ-

Legal nihilism is the denial of law as the most effective regulator of social relations. Legal nihilism is an urgent problem of the modern Russian state. It is also widespread among state and municipal officials. The imperative mandate significantly reduces the number of offenses and crimes among elected officials. In terms of the great influence of legal nihilism on society

лений среди выборных должностных лиц. В виду большого влияния правового нигилизма на общество и государство, вопросы изучения и формирования научных представлений о взаимосвязи императивного мандата и правового нигилизма, являются актуальными в настоящее время.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, нигилизм, отрицание права, правовой идеализм, правовое государство, тоталитаризм.

and the state, the issues of studying and forming scientific views on the relationship between the imperative mandate and legal nihilism are relevant now.

Key words: legal nihilism, legal culture, nihilism, denial of law, legal idealism, rule-of-law state, totalitarianism.

Правовой нигилизм есть отрицание права как наиболее эффективного и рационального социального института, системы установленных и общеизвестных и общепризнанных правил поведения, которая может наиболее успешно и целесообразно регулировать взаимоотношения людей. Правовой нигилизм в настоящее время пронизывает значительную часть населения страны – как на уровне обыденного, так и на уровне профессионального правосознания. В.Г. Сафонов отмечает, что «исследование правового нигилизма государственных служащих в России является одной из актуальных задач теории государства и права» [1, с. 3]. Как проявляется правовой нигилизм? Выделяют следующие формы проявления правового нигилизма: теоретическую, или идеологическую и практическую. Теоретический правовой нигилизм заключается в концептуальном обосновании правового нигилизма: место права занимают другие ценности, например, мировая революция или диктатура пролетариата. Практическая форма правового нигилизма вытекает из теоретического и выливается в прямое нарушение прав личности и общества, и, зачастую, в террор со стороны государственных органов, который мы могли наблюдать в гитлеровской германии [2, с. 208].

Правовой нигилизм может возникать на различных уровнях: общесоциальном (охват всего общества и государственного аппарата), ведомственном (на уровне министерств и ведомств), личностном (отрицание ценности права отдельными лицами). Каждый из последующих уровней охватывает предыдущий. Причем личностный уровень переходит в ведомственный уровень, а тот в свою очередь – в общесоциальный. Наиболее опасным является ведомственный уровень правового нигилизма, так как именно на этом уровне право нивелируется людьми, облеченными властью. В связи с этим важным направлением преодоления указанного негативного явления может стать контроль за деятельностью выборных должностей в государстве. Инструментом осуществления такого контроля сможет выступить так называемый императивный мандат – обязательный «наказ» избирателей своему депутату в представительный орган. Выборные органы представляют собой крупнейшую часть механизма государства. История существования органов, представляющих интересы народа (представительные органы) ведет свое начало (в известном смысле данное заявление условно) от совета старейшин и иных органов, решающих наиболее важные вопросы первых родоплеменных общинных протогосударств. Конечно, в условиях первобытнообщинного строя, не могло

Появление теоретической концепции императивного мандата как института непосредственной (прямой) демократии связывают с марксистко-ленинской теорией государства и права. Следует отметить, что данный институт также высоко оценили в ряде европейских демократических стран. По нашему мнению, политическая ответственность выборного лица перед избирателями должна быть во всех случаях. Предотвращением митингов, демонстраций и беспорядков может послужить продуманный механизм императивного мандата. Императивный мандат позволит бороться с правовым нигилизмом и преступлением чиновников и выборных лиц, а также будет мотивировать население к развитию – участию в выборах, референдумах,

собраниях по поводу лишения выборного должностного лица его мандата в случаях злоупотребления правом, нарушения права, невыполнения предвыборных обещаний или иных явлений правового нигилизма со стороны выборного лица. Говорить об эффективности или неэффективности императивного мандата представляется сложным, так как история преподнесла нам ограниченное число примеров его внедрения в правовую систему государства: императивный мандат (его прообраз) применялся в Древних Афинах, средневековых немецких городах [3, с. 93-94], в прямом виде – в революционной Франции (Парижская коммуна) и СССР. В настоящее время императивный мандат сохранился в правовых системах социалистических государств: Китайской Народной Республике, Кубе, некоторых других странах. Императивный мандат активно применяется в странах англо-саксонской правовой системе, в особенности, США на местном уровне. Стоит отметить, что при введении строгих отзывных институтов на местном уровне в США, количество жалоб и обращений граждан было существенно снижено. Выборные лица местных образований не могли пренебрегать правом в той мере, которая была свойственна им до введения института императивного мандата. Количество проявлений практической формы правового нигилизма, существенно снизилось [3, с. 93-94].

В социалистических странах императивный мандат – основной фактор, определяющий взаимоотношения между депутатами и избирателями. Если депутат не следует наказу своих избирателей и теряет их доверие или если его поведение оказывается недостойным звания депутата, он может быть отозван. В буржуазных государствах депутаты не связаны какими-либо юридическими обязательствами по отношению к своим избирателям; формально они считаются представителями всей нации, а не тех избирательных округов, от которых они избраны. Процедура отзыва депутатов, как правило, отсутствует, и мандат депутата не носит императивного характера. Ряд буржуазных конституций (например, Французская конституция 1958, ст. 27 [4, с. 32]) прямо запрещает Императивный мандат. Законодательно императивный мандат в России впервые появился в 1917 г. декретом ВЦИК от 21 ноября (4 декабря) 1917 г. «О праве отзыва делегатов» [5, с. 120]. Однако, данный пример не является первым в истории. Избранники народа, входившие в состав Парижской коммуны «должны были строго придерживаться mandat imperatif (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время» [6, с. 250]. Императивный мандат в том или ином виде присутствовал как в СССР, так и во всех его республиках [7, с. 342]. При определении понятия императивный мандат могут возникнуть трудности, которые зачастую приводят к тому, что понятие и.м. трактуется неверно, исключительно как институт, применимый исключительно к парламентарию, забывается, что императивный мандат может также получить и выборное лицо органов местного самоуправления, депутаты парламентов субъектов РФ, Президент РФ.

Распространенным среди противников императивного мандата является толкование сущности императивного мандата исключительно как инструмента, посредством которого осуществляется фракционный контроль. Т.е., если мнение депутата по какому-либо вопросу будет расходиться с мнением фракции, он подлежит отзыву. Было бы интересно с точки зрения перспектив применения и внесения поправок в законодательство императивного мандата, проследить точку зрения Европы. Совет Европы в лице Венецианской Комиссии вынес однозначное заключение. По мнению европейцев, норма об императивном мандате – недемократическая. Своим решением от 2005 г. Венецианская Комиссия порекомендовала Украине изъять из Конституции норму об императивном мандате. Такая же реакция последовала и на введение нормы об императивном мандате в местных советах. В Европе норма о запрете перехода депутатов из фракции во фракцию не закреплена, но и практика межфракционных миграций там почти не распространена. Многие украинские политики призывают учитывать разницу в политической культуре украинских и европейских политических элит, и считают необходимым на переходный этап все же оставить норму об императивном мандате. [8, с. 100] В настоящее время, практически во всех странах Западной Европы, императивный мандат (в отношении депутата) отсутствует. Декларируется, что выборный представитель руководствуется совестью и

своими внутренними убеждениями, процедура отзыва депутата отсутствует. Однако учитывая повсеметсный обман избирателей со стороны выборных лиц, высокий уровень правового нигилизма, следует отметить, что в ряде стран он совершенно необходим.

Можно сказать, что замечания не всегда являются верными, и мы можем проследить некоторую заданность в указанной точке зрения в данном вопросе. Императивный мандад и некоторое отторжение данного института присутствует, во-первых, из-за происхождения концепции императивного мандата из социалистического права, а во-вторых, ввиду утрированного понимания сущности императивного мандата. Ведь депутат не обязан во всем следовать линии партии даже в случае пропорциональной системы. Избиратели голосуют за партийный список, что является характерным отнюдь не для федерального устройства государства, депутаты избираются единым списком. В связи с этим можно сказать не о выборе депутатов как таковом, но о выборе парламентских партий. Однако и партии должны нести политическую и иную, предусмотренную законом ответственность.

Учитывая широкое распространение такого явления, как правовой нигилизм, стоит отметить, что применение института императивного мандата позволит эффективно бороться с правовым нигилизмом выборных должностных лиц, позволяя им не нарушать программу предвыборной компании. Как и все институты прямой демократии, императивный мандат – достаточно весомый аргумент борьбы с правовым нигилизмом, и, в значительной степени, политические верхи многих стран попросту боятся последствий его применения, вынося против указанного инструмента достаточно туманные и расплывчатые контр-аргументы. Не стоит опасаться правового нигилизма избирателей при рассмотрении института императивного мандата, поскольку незаконные интересы избирателей представитель отстаивать не обязан.

Действительно, в случае применения императивного мандата с правом отзыва при избирательной системе пропорционального типа возможна диктатура воли партии над депутатами. Однако и в данном случае не стоит забывать о том, что и партия в целом, и её члены будут нести ответственность перед наказами избирателей и данными обещаниями. При этом необходимо учитывать возможность подмены функции императивного мандата диктатом партии, возможность подавления мнения народа и установления авторитаризма, подавления оппозиции и плюрализма мнений, что в определенной мере мы могли видеть в процессе использования императивного мандата в СССР. В 30-х годах мы могли наблюдать сперва расправу над противниками в лице оппозиционных партий, а затем и репрессий в отношении внутрипартийных оппозиционных блоков. Отсутствие (во всяком случае формальной, видимой) оппозиции в рядах КПСС после громких сталинских процессов. Проблемной представляется использование императивного мандата при пропорциональной избирательной системе: избиратели голосуют по партийным спискам, поэтому связать какого-то одного депутата личной ответственностью не представляется возможным. В России пропорциональная система применяется на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания [9, с. 87] – Депутаты Государственной Думы избираются по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы (далее – федеральные списки кандидатов). На выборах депутатов Государственной Думы 6 созыва, как и на выборах, прошедших в 2007 г., применяется пропорциональная избирательная система. Проводится по федеральным спискам кандидатов в депутаты, выдвинутым партиями. Депутатские мандаты распределяются между списками кандидатов пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты. Конституционный суд, разрешая вопрос о применении императивного мандата по состоянию российского законодательства на сегодняшний день, дал вполне определенный ответ: Конституционный Суд РФ 28 февраля 2012 г. постановил, что депутат регионального парламента не может быть исключен из фракции и лишен мандата за выход из партии, по списку которой он был избран [10, с. 190]. Законопроекты выборов депутатов Государственной Думы, содержащие императивный мандат приняты не были [11, с. 214]. Нужно от-

метить, что вопрос о виде мандата в науке конституционного права современной России является нерешенным. М.В. Баглай отмечает суть императивного мандата: «…от ответа на этот вопрос зависит главное в статусе парламентария: возможность или невозможность действовать только в соответствии со своими убеждениями, нести или не нести ответственность перед своими избирателями» [12, с. 20].

Современным российским законодательством императивный мандат не предусмотрен. Ни на уровне местного самоуправления, ни на уровне депутатов Государственной Думы, и уж тем более, ни на уровне главы государства. При этом государственные служащие (как выборные, так и назначаемые) ответственности перед избирателями по своим обещаниям не несут, что позволяет некоторым безответственным личностям и даже целым партиям не соблюдать наказы избирателей, принимать обязанности, которые никогда не будут выполнены. В то время как императивный мандат предоставляет народу (который по Конституции является единственным источником власти) огромные возможности осуществления своих прав путем непосредственной демократии. Нам представляется необоснованным заявление сторонников свободного мандата о том, что императивный мандат также несет долю ответственности, поскольку «он как и прежде зависит от своих избирателей и партийных установок, так как иначе в следующий раз он уже не будет избран». В случае свободного мандата не исполняющий своих обещаний чиновник, депутат продолжает получать заработную плату, которая выплачивается ему за счет уплаченных населением налогов, то есть деньги в таком случае идут на содержание неработающего «механизма».

Для избежания проблемы возможной нестабильности государственной системы ввиду отзыва выборных должностных лиц необходимо учесть два положения: 1) нужно сделать жесткой процедуру отзыва: допустить лишение мандата только за неисполнение важных предвыборных обещаний; 2) нужно предусмотреть срок для «исправления»: депутату, чиновнику нужно давать срок, в течение которого он может исправить свои ошибки и исполнить свои обязательства перед выборщиками. Такой срок должен быть не очень долгим (возможно затягивание решения проблемы) и не очень коротким (цель исправления не исполняется). Предполагаем, что оптимальным сроком в этом случае может выступить одна календарная неделя (7 дней).

Стоит заключить, что возможности императивного мандата потенциально могут быть реальными и полезными только тогда, когда он исходит именно от избирателей и связан с их правом давать наказы депутатам и оценку их работы, а также отзывать депутатов, не оправдывающих оказанного им доверия, но ни в коем случае не с диктатурой партии и ущемлением мнения депутатов и их свободы при принятии решений. В связи с этим важно подготовить надлежащую правовую базу для внедрения императивного мандата, а также разъяснить населению, в чем, собственно, он заключается. Отзыв депутата не должен быть мерой произвольного лишения полномочий избираемых должностных лиц: нужно четко установить, за неисполнение какого уровня предвыборных обещаний подлежит снятие с должности, в какой срок производится данная процедура (немедленно или же по истечении срока для «исправления ошибок»), нужно регламентировать саму процедуру, предусмотреть кадровый резерв для замещения освобождаемой должности.

Библиографические ссылки

1. Понукалина О.В. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права : учеб. для вузов, 3-е изд. М. : Норма, 2005.
3. Средневековое городское право XII—XIII веков : сборник текстов / под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.

4. Французская Республика. Конституция и законодательные акты / пер. с франц.; сост. В.В. Маклаков, В.Л. Энтин ; под ред. и с вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1989.
5. Декреты Советской власти. Том I. М. : Политиздат, 1957.
6. Наказ избирателей // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 13. М. : 1972.
7. Закон СССР от 30 октября1959 «О порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР». Закон СССР от 3 июня 1991 «О порядке отзыва народного депутата СССР» // Собрание законодательства СССР. М. : Политиздат. 1991.
8. Новости политической и общественной жизни [Электронный ресурс]. URL: https://glavred.info/archive/2007/10/30/135526-8.html (дата обращения: 22.05.2018).
9. Федеральный закон Российской Федерации от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://www.ksrf.ru/News/Pages/ ViewItem.aspx? ParamId=937 (дата обращения: 23.02.2018).
11. Проект Закона Российской Федерации от 5 июня 1992 года «Об основах избирательного процесса»: статья 36 «Система отзыва лиц находящихся на выборных должностях» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Баглай М. В. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов. М. : Норма, 2018.

References

1. Ponukalina O.V. Pravovoy nigilizm rabotnikov gosudarstvennogo apparata i puti yego preodoleniya (Legal nihilism of workers of the state apparatus and ways to overcome it), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2004.
2. Alekseyev S.S. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), ucheb. dlya vuzov, 3-ye izd. Moscow, Norma, 2005.
3. Srednevekovoye gorodskoye pravo XII–XIII vekov (Medieval urban law of the XII–XIII centuries), sbornik tekstov, pod red. S.M. Stama. Saratov, 1989.
4. Frantsuzskaya Respublika. Konstitutsiya i zakonodatel'nyye akty (French Republic. Constitution and legislative acts), per. s frants.; sost. V.V. Maklakov, V.L. Entin, pod red. i s vstup. st. V.A. Tumanova. Moscow, Progress, 1989.
5. Dekrety Sovetskoy vlasti (Decrees of Soviet power). Tom I. Moscow, Politizdat, 1957.
6. Nakaz izbirateley (Voter's order). Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 13. Moscow, 1972.
7. Zakon SSSR ot 30 oktyabrya1959 «O poryadke otzyva deputata Verkhovnogo Soveta SSSR». Zakon SSSR ot 3 iyunya 1991 «O poryadke otzyva narodnogo deputata SSSR» (USSR law of October 30, 1959 “On the procedure for recalling the deputy of the Supreme Soviet of the USSR”. USSR law of June 3, 1991 "On the order of recalling the people's deputy of the USSR"). Sobraniye zakonodatel'stva SSSR. Moscow, Politiazdat. 1991.
8. Novosti politicheskoy i obshchestvennoy zhizni (News of political and public life). URL: https://glavred.info/archive/2007/10/30/135526-8.html (accessed date: 22.05.2018).
9. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 18 maya 2005 g. № 51-FZ «O vyborakh de-putatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law of the Russian Federation of May 18, 2005 No. 51-FZ “On the Election of the Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii (The Constitutional Court of the Russian Federation), sayt. URL: https://www.ksrf.ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=937 (accessed date: 23.02.2018).
11. Proyekt Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 5 iyunya 1992 goda «Ob osnovakh izbiratel'nogo protsessa»: stat'ya 36 «Sistema otzyva lits nakhodyashchikhsya na vybornykh dolzhnostyakh» (Draft Law of the Russian Federation of June 5, 1992 “On the Principles of the Election Process”: article

36 “The system of recalling persons in elected positions”). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Baglay M. V. Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran (Constitutional law of foreign countries), ucheb. dlya vuzov. Moscow, Norma, 2018.

Дата поступления: 20.05.2018 *Received: 20.05.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ПРАВА В РАБОТЕ И.Г. ФИХТЕ «ОСНОВА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА СОГЛАСНО ПРИНЦИПАМ НАУКОУЧЕНИЯ»

THE PROBLEM OF THE JUSTIFICATION OF RIGHT IN THE WORK OF J.G. FICHTE “FOUNDATIONS OF NATURAL RIGHT AS BASED ON THE SCIENCE OF KNOWLEDGE”

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич
кандидат юридических наук, и.о. ректора Курганского государственного университета, г. Курган, Россия. E-mail: 775777@bk.ru

PROKOFIEV Konstantin Georgiyevich
Candidate of (Sciences) Law, Acting Rector of Kurgan State University, Kurgan, Russia. E-mail: 775777@bk.ru

Исходным пунктом обоснования права в системе Фихте является рефлексия свободы самосознания, которая становится объектом созерцания самой себя, полагая, далее, необходимость признания существования иных самосознаний. Общность между свободными существами как таковыми трактуется Фихте как совокупность «естественных правоотношений». Поскольку понятие права Фихте дедуцирует непосредственно из разума, то он не считает необходимым их опосредование идеей моральности.

The starting point of the justification of right in the Fichte system is the reflection of the freedom of self-consciousness, which becomes the object of contemplation of itself, believing, further, the need to recognize the existence of other self-consciousnesses. The commonality between free beings as such is interpreted by Fichte as a combination of “natural legal relations”. Since Fichte deduces the concept of right directly from the mind, he does not consider it necessary to mediate them with the idea of morality.

Ключевые слова: метод права, свобода, право, мораль, Кант; Фихте.

Key words: law method, freedom, right, morality, Kant, Fichte.

Трактат И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» интересен, прежде всего, как одна из немногих со времен Гуго Гроция попыток обосновать систему правовых категорий и само понятие права, дедуцируя их из единого высшего основоположения [12; 15, с. 11-18]. В XVIII в. заложенные Гроцием предпосылки построения правовой науки в духе философии рационализма развивал Христиан Вольф. В своей фундаментальной работе «Естественное право», изданной в восьми томах, Хр. Вольф создал в своем роде стройную систему правовых категорий, используя так называемый «геометрический метод» изложения материала, который он заимствовал из «Этики» Б. Спинозы. Однако после кантовский критики метафизические выкладки Вольфа и его последователей выглядели глубоким анахронизмом. Ни Канта, ни Фихте уже не удовлетворял подход Вольфа, дедуцировавшего правовые категории из основоположений, которые догматически трактовались как врожденные идеи разума, данные человеку в качестве некоторого «факта сознания» [8, с. 19; 9; 10, с. 50-62; 13].

Критикуя методологические предпосылки новоевропейского рационализма, И. Кант настаивал на том, что для достижения идеала достоверности и убедительности научной теории требуется обоснование всех без исключения научных положений, притом не только правовых, но и логических [11, с. 72-74]. Осуществить это представлялось возможным лишь на основе метода трансцендентальной рефлексии, который предполагал включение в систему логического, этического и правового знания рефлексии ученого. Подобную позицию разделял и И.Г. Фихте [17, с. 15-22]. Отметим, что такого рода подход созвучен и современной русской философии права: «Системе синтетических суждений, эксплицирующих предмет философии права, должна предшествовать трактовка проблемы единства мышления и бытия с развернутым решением вопроса о том, что есть само это единство и как оно может конкретно мыслиться» [14, с. 72].

Расхождения между двумя классиками философии права начинаются с трактовки самих возможностей трансцендентальной рефлексии: Для Канта ее пределом было внутреннее содержание понятия свободы, полагание которого, тем не менее, декларировалось в качестве последнего условия дедукции достоверного знания. Для Фихте же, самоосуществление свободы субъекта и рефлексия относительно этого осуществления составляли действительное содержание первого основоположения науки. Согласно Фихте, абсолютное самосознание как источник дедукции всякого знания является практическим действием, а свобода – первичным условием осуществления этого действия. Самосознание и ее свобода являются не каким-то внешним объектом, а способом самореализации самого субъекта. Поэтому, считал Фихте, спрашивать о познании свободы бессмысленно, т.к. его идея сама является первичным условием всякого познания. Фактом сознания эту свободу делает акт рефлексии, который ученый не сводит, подобно Канту, к форме опыта. Единство действия и рефлексии, считал Фихте, и есть как раз то, что определяет достоверность и объективность первого основоположения науки: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [17, с. 484]. Таким образом, обоснование норм права опирается у Фихте не на абстрактные «врожденные идеи разума» в духе Гроция и Вольфа и не на кантовское представление о высшем единстве самосознания как «вещи-в-себе», в действительности, представляющее собой еще большую абстракцию, чем теоретические выкладки правоведов-вольфианцев. Источником и основой права выступает объективная деятельность субъекта свободы, которую Фихте стремится интегрировать в свою теорию именно в качестве объекта.

Здесь была бы уместна аналогия с принципом дополнительности Нильса Бора, введенным в квантовую механику более чем столетие спустя, но не без влияния разработок Канта и Фихте. Как элементарная частица материи не является ни частицей, ни волной, но имеет характеристики и того, и другого, так и «элементарная частица» мышления (по Фихте, это – высшее основоположение наукоучения) имеет «двойную природу» субъекта и объекта, т.е. является «субъект-объектом». Такого рода «субъект-объект» обозначается Фихте посредством понятия Я. Подобное, совершенно новое в истории науки, решение (сделать началом научной теории не отражение объекта, а сам по себе объект, фиксируемой в неразрывной связи с рефлексией субъекта) дало возможность Фихте осуществить следующий шаг по пути обоснования права. А именно: обосновать, исходя из понятия «субъект-объекта» объективность других субъектов. И уже от этого переходить к принципам отношений, возможным между этими объективными «другими» субъектами. Эти принципы позволят развить абстрактное понятие другого субъекта до понятия личности, а возможную форму отношений между ними определить как право. Логика развития этого содержания у Фихте примерно следующая. Источником и содержанием Я является его свобода, поскольку источник его деятельности должен быть заключен в самом субъекте [16, с. 20]. Реализация этой свободы возможна лишь при наличии некоторого противоположного ей чувственного мира: «Только абсолютно самодеятельное или практическое полагается как субъективное, как принадлежность

Я, и ограничение этого практического ограничивает само Я. То, что лежит вне пределов этой сферы, то именно вследствие того, что оно лежит вне ее, полагается как не порожденное деятельностью Я и не могущее быть ею произведено; следовательно… возникает система объектов, т.е. мир, существующий независимо от Я, а именно от практического Я…» [16, с. 26]. Однако в этом чувственном мире, который сам по себе не может содержать свободы в силу своей полной противоположности свободной сфере Я, должны, тем не менее, содержаться объекты, также заключающие в себе свободу, а такими могут быть лишь объекты, предполагающие «других разумных существ вне себя» [16, с. 31-38].

Сразу отметим, что для Фихте сам факт прямой дедукции из принципа свободы самосознание положения о необходимой объективности других лиц, имплицитно заключает в себе требование ограничения этой изначальной свободы, а равно и свободы других: «Я полагаю себя разумным, следовательно, свободным. При этом во мне есть представление свободы. Одновременно в то же неделимом действии я полагаю другие свободные существа. Я не приписываю самому себе всей той свободы, которую я положил, потому что я должен полагать еще другие свободные существа и приписывать им часть этой свободы. Я ограничиваю самого себя в своем присвоении свободы тем, что оставляю свободу и для других. Понятие права есть, следовательно, понятие о необходимом отношении свободных существ друг к другу» [16, с. 12]. Принципом отношения личности к таким объектам, т.е. к другим личностям, а именно: отношения, осуществляемого в соответствии с идеей своей внутренней свободы и предполагающего свободу других, согласно Фихте, как раз и является принцип «естественного правоотношения» [16, с. 41-45]. Согласно принципу естественного правоотношения, «мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также могли быть во внешнем отношении свободны» [16, с. 13]. Здесь же Фихте предлагает и свое предельно общее определение права: «общностью между свободными существами как таковыми» [16, с. 13]. Последняя оговорка («как таковыми») не является случайной. Эта оговорка указывает на то, что для отношений права существенно только то, что они являются отношениями между абстрактными субъектами, взаимно признаваемое содержание которых заключено лишь в том, что они: во-первых, содержат в себе имманентную свободу и, во-вторых, являются внешними и объективными друг для друга.

Поскольку это понятие права непосредственно дедуцируется Фихте из идеи свободы самосознания, автор наукоучения не нуждается в опосредовании понятия права определениями морали, как мы находим это у Канта. Общая посылка этико-правового учения была едина для Канта и для Фихте. В целом она предполагала включение деятельности субъекта познания в объект его рефлексии, что, в свою очередь, задает необходимость дедукции основоположений права из деятельности субъекта на основании идеи свободы. Но саму эту задачу ученые решают по-разному: для автора «Критики практического права» и «Метафизики нравов» переход от свободы субъекта к нормам права опосредован высшим нравственным законом, для автора «Основы естественного права согласно принципам наукоучения» право непосредственно обосновано в идее свободы. Именно поэтому Фихте считает возможным и целесообразным отделить право от морали, а этику от юриспруденции. Сравнительный анализ аргументов Канта и Фихте продолжает оставаться актуальным для современной философии и теории права. «Обе эти науки уже изначально и без нашего содействия разделены разумом и совершенно противоположны друг другу», – подчеркивает Фихте [16, с. 53].

Важно, что свое понятие права Фихте получает, следуя принципам трансцендентального метода «Критики чистого разума» с учетом той корректировки, которую внесла в него «Основа общего наукоучения»: «Понятие права должно быть изначальным понятием чистого разума; следовательно, нужно рассмотреть его указанным способом» [16, с. 12]. Вместе с тем, как нам представляется, трансцендентальный метод познания права достигает в учении Фихте не только высшего развития, но и своего предела. Это связано с тем, что содержание поня-

тия изначальной свободы личности лишено в наукоучении Фихте своего конкретного содержания, несмотря на все многочисленные декларации ученого по этому поводу.

Фихте в своей дедукции понятия права удается показать, что все определения права имеют корень в свободе личности и являются своего рода модификациями определения этой свободы. Дело, однако, состоит в том, что благодаря этой дедукции само понятие свободы не получает действительной конкретизации. Фихте «опрокинул» понятие свободы на процесс дедукции права, но ему не удалось сделать обратный (или параллельный) шаг: ему не удалось показать содержание процесса развития права как внутреннего содержания самого понятия свободы. Последнее, поэтому, сохраняет свой абстрактный характер, хотя эта абстрактность, как мы видим, уже совсем другого рода, чем у Канта. Нужно отметить, что Фихте сам осознавал абстрактную ограниченность и недостаточность своего трансцендентального метода познания, которую он, впрочем, отчасти списывал на несовершенство изложения. Поэтому в своей научной деятельности он стремился, с одной стороны, усовершенствовать метод (на это направлены варианты Наукоучения 1805, 1805, 1807 и 1813 гг.), а с другой стороны, уточнить и конкретизировать содержание своего учения о праве и морали. Этим вопросам посвящены его поздние работы: «Система этики о принципах наукоучения», «Замкнутое торговое государство», «Основные черты современной эпохи», «Система учения о праве» и «Учение о государстве, или об отношении первоначального государства к царству разума». Однако ранняя смерть ученого не позволила ему завершить эту работу.

Научное творчество Фихте дает дополнительные аргументы современным исследователям для обоснования своих позиций в области философии права, и в первую очередь, по нашему мнению, в таких вопросах, как компрехендная концепция познания права [5; 6; 7] и синкретизм современной правовой культуры [1; 2; 3; 4, с. 129-162].

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С 36-73.
2. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
3. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа : БашГУ, 2011.
4. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 83-88.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 170-183.
8. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155-164.
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
11. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
12. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12(79). С. 120-122.

13. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. 2016. № 11. С. 181-187.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.
15. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10. С. 11-19.
16. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / пер. с нем. А.К. Судакова. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
17. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1. СПб. : Мифрил, 1993.

References

1. Galiyev F.Kh. O sinkretizme pravovoy kul'tury (On the syncretism of legal culture), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 4 (34), pp. 36-73.
2. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problemy (Legal culture: social and philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
3. Galiyev F.Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury (Syncretism of modern legal culture), monografiya. Ufa, BashGU, 2011.
4. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social science in the XXI century: theoretical and legal aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. O zabluzhdeniyakh v ponimanii prava i vazhnosti komprekhendnogo podkhoda dlya yego poznaniya (On errors in the understanding of law and the importance of the comprehensive approach for its knowing), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 83-88.
7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Predlagayem Vashemu vnimaniyu komprekhendnuyu teoriyu poznaniya prava (We bring to your attention the comprehensive epistemology of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 3, pp. 170-183.
8. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoy filosofii prava (The idea of justice in the traditions of post-classical legal philosophy). R.F. Ismagilov i dr.; pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
9. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Filosofiya I. Kanta i G.V.F. Gegelya: refleksiya nachal spravedlivosti i prava (Philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: Reflection of beginnings of justice and law), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 155-164.
10. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and Legal Analysis of Theoretical Studies of Actual Issues of the Relationship of the Idea of Law and the Idea of Justice in the XX-XXI Centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
11. Kant I. Kritika chistogo razuma (Criticism of pure reason). Moscow, Mysl', 1994.
12. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P. Idei yestestvennogo prava v trudakh Gugo Grotsiya (The ideas of natural law in the writings of Hugo Grotius), *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2014, No. 12 (79), pp. 120-122.
13. Lezhneva O.YU. Moral', pravo, sud: Kant o svobode i otvetstvennosti lichnosti (Morality, law, court: Kant on freedom and personal responsibility), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 11, pp. 181-187.
14. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of law of Dostoevsky as a source of development

of theory of Russian state and law), *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt*, materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018 g.), Otv. red. F.Kh. Galiyev. V 2-kh ch. Ch. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.
15. Sal'nikov V.P., Kurzenin E.B., Sal'nikov M.V. Razvitiye politiko-pravovoy mysli ot Gugo Grotsiya k predstavitelyam germanskoy gosudarstvenno-pravovoy nauki (The development of political and legal thought from Hugo Grotius to representatives of the German state law science), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2014, No. 10, pp. 11-19.
16. Fikhte J.G. Osnova yestestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya (Foundations of natural right based on the science of knowledge), per. s nem. A.K. Sudakova. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014.
17. Fikhte J.G. Sochineniya v dvukh tomakh (Works in two volumes). T. 1. St. Petersburg, Mifril, 1993.

Дата поступления: 02.10.2018 *Received: 02.10.2018*

УДК 340.1+34(091)

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ТЕПЛЯШИН Иван Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, Россия. E-mail: ivt-sl@yandex.ru

В современной российской правовой действительности формируются новые формы взаимодействия институтов гражданского общества и государства. При этом общественный контроль прочно вошел в систему участия граждан в управлении делами государства. Принципы претворения в правовую жизнь общественного контроля укрепляют основы правового государства и демократии. Следует признать значимость научного исследования первичных правовых основ осуществления контроля за деятельностью органов власти,осуществляемой со стороны российской общественности.

Ключевые слова: общественный контроль, демократия, принципы права, российское общество, гражданское общество, государственный механизм.

PRINCIPLES OF PUBLIC CONTROL AS A FACTOR IN STRENGTHENING RUSSIAN DEMOCRACY

TEPLYASHIN Ivan Vladimirovich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: ivt-sl@yandex.ru

In modern Russian legal reality, new forms of interaction between civil society institutions and the state are being formed. At the same time, public control has firmly entered the system of citizens' participation in the administration of state affairs. The principles of implementing public control into legal practice strengthen the basis of the rule-of-law state and democracy. It is necessary to recognize the importance of scientific researches of the primary legal bases for exercising control over the activities of government bodies carried out by the Russian public.

Key words: public control, democracy, principles of law, Russian society, civil society, state mechanism.

В современном российском обществе институт общественного контроля приобретает особое значение и роль в управлении делами государства. Институт общественного контроля закреплен в российском законодательстве с 2014 г., когда был принят Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который закрепляет цели, задачи, принципы, а также основные формы общественного контроля [1]. Законодатель установил, что общественный контроль осуществляется в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Общественный контроль может осуществляться одновременно в нескольких формах.

В свою очередь перед российским государством сегодня стоят очень важные социально-правовые и организационно-политические задачи, решение которых требует особых форм правовой деятельности, эффективной правовой политики с участием общественных структур, их вовлеченности в новые сферы правовой жизни.

В условиях складывающейся практики необходимо обратить внимание на принципы осуществления общественного контроля, под которыми следует понимать первичные основы участия граждан и их объединений в контрольной деятельности и мониторинге работы органов государственного и муниципального управления. В данном случае, указанные принципы можно разделить на три группы: общие, специальные, стратегические. К общим принципам можно отнести: высшую юридическую силу Конституции РФ, демократизм формирования субъектов общественного контроля, законность функционирования государственного механизма и деятельности общественников, приоритет прав и свобод человека и гражданина, выполнение требований правового государства. Специальные принципы преимущественно закреплены в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Во-первых, возможность реализации прав и законных интересов субъектов общественного контроля. Очень важно закрепить и транслировать содержание правового государства и конституционного строя в правовую деятельность общественников, а также гарантировать закрепленные в современном российском законодательстве права граждан в политической сфере. Во-вторых, добровольность, независимость и самостоятельность деятельности субъектов общественного контроля. Общественники могут самостоятельно определять в каком порядке последовательности могут осуществлять свою деятельность, выбирая соответствующие правовые средства и формы контрольной деятельности в конкретной ситуации. В-третьих, публичность и открытость реализации общественного контроля. Здесь предполагается транспарентность результатов общественного мониторинга и проводимых экспертиз, доступность в их получении и анализе со стороны общественности. При этом субъекты общественного контроля обязаны обнародовать информацию о своей деятельности, о проводимых мероприятиях общественного контроля и об их результатах. В-четвертых, сочетание коллегиальности и индивидуального характера при осуществлении общественного контроля. Субъектами общественного контроля могут являться общественные палаты, советы, группы общественного контроля. Кроме этого в законодательстве и правоприменительной практике важно закреплять и развивать правовой статус общественного эксперта, инспектора, активиста. В-пятых, объективность, беспристрастность и добросовестность субъектов общественного контроля, что подчеркивает соответствующий потенциал и перспективность данной формы взаимодействия государства и гражданского общества. Здесь, особое место приобретает активность и системность осуществления общественного мониторинга и проверки деятельности органов власти. В-шестых, обязательность рассмотрения органами управления итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля. Соответствующие должностные лица обязаны рассматривать поступившие от субъектов общественного контроля обращения и итоговые документы (предложения, рекомендации и выводы) в общем порядке в соответствии с действующим законодательством. Тем не менее, законодатель устанавливает, что в

случаях, не терпящих отлагательства, данные документы органы власти должны рассматривать незамедлительно. В-седьмых, комбинированный характер правовой деятельности. Общественный контроль может осуществляться одновременно в нескольких формах. Законодатель устанавливает следующие формы: общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие. В-восьмых, недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти и оказания неправомерного воздействия на указанные органы и организации. Здесь возникает вопрос: допускается ли возможность необоснованного (например, осуществление общественной проверки без явных оснований) влияния институтов гражданского общества на государственную власть. Данный аспект общественного контроля может выступить предметом отдельного исследования, где следует обратить на такие категории как: общественные правовые средства, общественный долг, политическая социализация, правовые основы общественной оппозиции. В-девятых, презумпция добросовестности деятельности органов управления, за деятельностью которых осуществляется общественный контроль. Действительно, невозможно построить эффективную модель взаимодействия государства и общества без взаимного доверия. Объектом общественного контроля при этом могут быть различные органы государства, прежде всего, исполнительные, а также в соответствующей мере законодательные и судебные. В-десятых, политическая нейтральность общественного контроля. Субъекты общественного контроля не формируются политическими партиями и их деятельность не должна зависеть от политической обстановки, складывающейся в стране.

Наряду с этими принципами следует говорить о стратегических принципах осуществления общественного контроля, которые являются необходимыми и значимыми при формировании цивилизованной модели российской демократии. Эти принципы, в целом, можно назвать перспективными и необходимыми при условии развития института общественного контроля как реальной, действительной формы участия граждан в управлении делами государства.

1. Научный характер. В целом институт общественного контроля исследуется и обсуждается на конференциях, семинарах, проблемы и новые идеи освещаются на страницах научных журналов. В российской юридической науке складывается научная доктрина общественного контроля (В.В. Гриб, Е.В. Киричек, Т.Н. Михеева и др.). Тем не менее, научная концепция общественного контроля еще только складывается. Кроме этого, участие самих субъектов общественного контроля в научно-исследовательской работе тоже можно признать перспективной. Продуктивным представляется проведение форумов и круглых столов с участием как научного сообщества и активистов, так и практических работников.

2. Практическая значимость. Законодатель установил, что общественный контроль осуществляется в целях наблюдения за деятельностью органов государственной и муниципальной власти. Предлагаемые юридической наукой правовые средства активного общественного присутствия правоприменитель и законодатель одобряет и претворяет в правовую жизнь общества и государства. Тем не менее, сама общественная деятельность подобного формата не всегда способна войти в реальную практику, зачастую она уравнивается только лишь с информационно-рекомендательной деятельностью, а зачастую игнорируется со стороны системы государственного управления.

3. Корпоративный характер и правовая культура общественного контроля. Субъекты общественного контроля в целях координации своей деятельности, объединения усилий и правовых средств вправе создавать ассоциации и союзы субъектов общественного контроля и проводить совместные мероприятия. Данная форма общественного сотрудничества обеспечит наиболее полное развитие целей и значения института общественного контроля в современной России. Кроме этого, важно в ближайшем будущем предусмотреть символику, наградные знаки, кодекс этики и праздничный день, символизирующие особое значение общественного контроля как демократического института.

4. Эффективность (оперативность) общественного контроля. В данной сфере может и должен формироваться соответствующий результат и практика, отражающая реальный характер деятельности отдельных звеньев государственного аппарата. Очень важно, чтобы по результатам системной и профессиональной работы субъектов общественного контроля реально гарантировались и защищались права и законные интересы граждан, устранялись проблемные участки в функционировании органов власти, претворялись в правовую жизнь идеи правового государства.

5. Сочетание различных методов правовой деятельности (легализационного, разрешительного, содействия, рекомендательного и др.). Легализационный метод позволяет на законных основаниях субъектам общественного контроля участвовать в анализе и мониторинге правовой деятельности объекта. Разрешительный метод применяется при допуске субъекта общественного контроля, например, общественного инспектора, к проверке конкретных форм правовой деятельности органов власти и их решений. Метод содействия рассчитан на участие субъекта общественного контроля в соответствующей деятельности органов власти в качестве эксперта, специалиста. Рекомендательный метод осуществляется при анализе принимаемых органами власти правовых актов, например, в ходе проведения общественной экспертизы. Эти и другие допустимые методы могут использоваться в конкретных ситуациях как ведущие (единственные), а также кооперативно.

6. Принцип сочетания относительной автономности и зависимости от управленческих решений органов власти. Органы общественного контроля в перспективе могут выходить с предложениями и инициировать различные условия и формат своего участия в контрольной деятельности.

7. Особый характер социально-правового статуса субъектов общественного контроля. В ближайшем будущем роль и характер деятельности общественника будут более заметными, а его социальный статус достаточно высоким и популярным. Однако для этого необходимо устранять недостатки правового статуса общественника. В статусе отсутствуют специальные гарантии, ответственность, императивные правовые средства и полномочия. Так, при рассмотрении гарантий не возлагаются привилегии, льготы иные преимущества как в организационно-правовой сфере, так и правовой жизни в целом.

Представленная классификация принципов общественного контроля позволяет увидеть современное состояние и допустимые направления развития общественного присутствия институтов гражданского общества в работе органов власти. При этом институт общественного контроля способен развивать первичные начала российской демократии, укреплять основы правового государства и создавать условия для установления стратегических направлений деятельности гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Ч. I), ст. 4213.

References

1. Federal'nyy zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ (red. ot 29.12.2017) «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law of 21.07.2014 No. 212-FZ (as amended on December 29, 2017) “On the Basics of Public Control in the Russian Federation”), *Sobraniye zakonodatel'stva RF,* 2014, No. 30 (CH. I), st. 4213.

Дата поступления: 14.10.2018 *Received: 20.10.2018*

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.1

О ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ САНКЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич
доктор юридических наук, профессор, профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия.
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

ON LEGAL AND TECHNICAL DESIGNS OF SANCTIONS OF CONSTITUTIONAL LIABILITY

LIPINSKY Dmitry Anatolyevich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Master's Studies Department of the Togliatti State University, Tolyatti, Russia.
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Конституционные санкции выступают средством обеспечения законности и правопорядка, а также стимулирования правомерного поведения, что обусловливает актуальность данной проблематики. В статье исследуются виды конституционных санкций в разграничении с иными мерами защиты права, анализируются их конструкции и основания применения. Санкции негативной конституционной ответственности безальтернативны и абсолютно определены, что обусловлено как особой юридической природой конституционных правонарушений, так и конституционной ответственности. Отличительной чертой конституционных санкций выступает их усложненный порядок реализации.

Ключевые слова: санкции, юридическая ответственность, конституционная ответственность, конструкции санкций, конституционное правонарушение, законность, правопорядок.

Constitutional sanctions are one of the means to ensure legality and order, as well as to encourage lawful behavior, which determines the relevance of this issue. The article examines the types of constitutional sanctions in delineation with other measures to protect law, analyzes their designs and the basis for their application. It is substantiated that sanctions of negative constitutional liability are non-alternative and absolutely defined, which is conditioned by both the special legal nature of constitutional offenses and by constitutional liability. A distinctive feature of constitutional sanctions is their complicated order of implementation.

Key words: sanctions, legal liability, constitutional liability, sanctions design, constitutional offense, legality, law and order.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности»

Прежде чем рассматривать конструкции санкций конституционной ответственности необходимо обратиться к понятию конституционного правонарушения, так как наказуемость является его признаком, а как известно санкции являются формальным выражением того или иного юридического наказания**.** В юридической науке существует два подхода к определению конституционного правонарушения «узкий» и «широкий». По мнению К.С. Скифского, любое правонарушение – это разновидность конституционного правонарушения, так как оно

нарушает общую конституционную обязанность соблюдать Конституцию и законы [1, с. 12]. В связи с чем, обратим внимание на общеизвестное научное положение, которое не оспаривается учеными, а звучит как правовая аксиома: правонарушение – это фактическое основание негативной юридической ответственности.

Такое понимание конституционного правонарушения может привести к весьма неординарному выводу: нарушение норм Конституции порождает правоотношения уголовной, гражданско-правовой, административной и других видов юридической ответственности. Широкое понимание конституционного правонарушения ведет к смешению различных видов юридической ответственности, а их перечень конституционных правонарушений становится безграничным. Кроме того, в юридической литературе с большим трудом отграничивают саму конституционную ответственность от иных видов юридической ответственности, при подобном же понимании конституционного правонарушения любое отграничение конституционной ответственности от иных видов юридической ответственности становится практически невозможным. Определение конституционного правонарушения, исходя из широких позиций, может привести к выводу, что обычный субъект (физическое лицо), который не наделен властными полномочиями, может являться субъектом конституционной ответственности. Между тем, в основе выделения конституционной ответственности в самостоятельный вид юридической ответственности находятся несколько взаимосвязанных критериев: нормативная основа (формальное основание); конституционное правонарушение (фактическое основание, связанное с формальным основанием); особенности применяемых мер; усложненный порядок применения мер конституционной ответственности; особый субъектный состав лиц, наделенных полномочиями применять меры конституционной ответственности; специальный круг субъектов, к которым применяются меры конституционной ответственности.

Мы придерживаемся «узкого», классического понимания конституционного правонарушения, основанного на совокупности перечисленных выше критериев. При этом отграничивать конституционную ответственность от иных видов юридической ответственности необходимо не на основе одного критерия, а именно в совокупности указанных выше признаков. Особое внимание должно отводиться перечню объектов конституционных правонарушений, который не должен приводить к смешению конституционной ответственности, конституционных санкций с иными видами ответственности, в том числе и не юридического характера. Поэтому сложно согласиться с мнением А.А. Гогина, что нравственность выступает в качестве объекта конституционного деликта [2, с. 77]. Мы не отрицаем того, что многие правовые нормы наполнены моральным содержанием, в том числе и конституционные, но как с позиции теории, так и с практической точки зрения это ничего не дает в вопросах отграничения конституционных правонарушений от иных разновидностей деликтов, а на основе видовых отношений нравственности сделать это не представляется возможным. Да и сам А.А. Гогин, не привел в своей статье примерный перечень отношений нравственности (а они очень многообразны), на которые может посягать конституционное правонарушение, ограничившись в заключение работы весьма абстрактным выводом о том, что «нравственность как объект конституционного деликта необходимо рассматривать с разных сторон, с учетом прямого и косвенного воздействия моральных норм на все стороны социальной действительности» [2, с. 83]. Возможно, так автором своеобразно трактуется ч. 3 ст. 55 Конституции: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», но в ней устанавливаются основы охраны нравственности при помощи норм с иной отраслевой принадлежностью и пределы их ограничения.

Перейдем непосредственно к вопросу о санкциях конституционной ответственности. В юридической литературе приводится их различный перечень. Н.М. Колосова к ним относит: «досрочное лишение (изменение) конституционного статуса государственного органа,

должностного лица, общественного объединения; признание неконституционным акта или отдельных положений, приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ; ограничение специального или общего статуса физического лица (ограничение прав и свобод в условиях чрезвычайного положения)» [3, с. 90]. Н.М. Савин считает, что конституционными санкциями являются: отрешение Президента от должности; роспуск Государственной Думы, лишение депутатской неприкосновенности, отставка Правительства, признание нормативных правовых актов в целом или в какой-то части не соответствующими конституции [4, с. 16]. Некоторые авторы идут еще дальше, считая практически любое правоограничение формой конституционной санкции. Иначе просто невозможно объяснить определение И.Н. Барцицом и В.Н. Савиным введение режима чрезвычайного положения, как меры конституционной ответственности [5, с. 89; 6, с. 67]

В этих перечнях «конституционных санкций» происходит смешение двух самостоятельных правовых средств, а именно: санкций и мер защиты. Признание нормативного правового акта не соответствующим Конституции РФ, приостановление действия правового акта, введение режима чрезвычайного положения – это меры защиты, признаки которых не совпадают с мерами юридической ответственности, они могут применяться и без юридического факта правонарушения, или в случае совершения объективно-противоправных деяний, а также в отношении лиц, которые вообще не совершали каких-либо юридически значимых фактов. И сами ученые, относящие данные правовые средства к санкциям конституционной ответственности, не задаются вопросом об их отграничении от мер защиты, что и приводит к подобного рода выводам. Между тем, меры защиты и критерии их отграничения от мер юридической ответственности достаточно подробно разработаны в юридической литературе, в том числе и в работах автора этой статьи [7, 8, 9, 10]. Так, в ст. 2 Федерального конституционного закона РФ от 30 мая 2005 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» прямо указано, что целями его введения являются: «устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации» [11]. Меры, которые вводятся, носят временный характер, и сам законодатель не относит их к мерам юридической ответственности. Результатом введения режима чрезвычайного положения выступают ограничения прав граждан, но сам режим вводится не ввиду их действий, в противном случае необходимо было бы признать, что все граждане, чьи права ограничены, несут безвиновную конституционную ответственность, но это противоречит как самой Конституции РФ, так и положениям теории юридической ответственности, а также многочисленным решениям Конституционного Суда РФ.

В литературе можно встретить мнение, когда целый гражданско-правовой институт возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействиями) органов государственной власти и их должностных лиц относят к мерам конституционной ответственности, ссылаясь на ст. 53 Конституции, закрепляющей право каждого «на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностных лиц» [12, с. 50]. По своей юридической природе такая ответственность носит гражданско-правовой характер, а ст. 53 Конституции предопределяет содержание гражданского законодательства и выступает основой для закрепления соответствующих мер гражданско-правового характера. Безусловно, ввиду прямого действия Конституции в самих исках граждане вправе ссылаться и на Основной Закон нашего государства, но нести ответственность органы государственной власти будут на основе норм Гражданского кодекса РФ, а также на основе норм, закрепленных в иных нормативных актах.

Спорным представляется и суждение М.Н. Колосовой, считающей отмену решения о приеме в гражданство мерой конституционной ответственности [3, с. 88]. Отмена решения о принятии в гражданство по своим последствиям влечет возращение субъекта в прежний правовой статус, здесь нет правоограничений характерных для юридической ответственности.

Полагаем, что конституционная ответственность характеризуется следующими санкциями:

- отрешение Президента от должности;
- отставка Правительства;
- отставка отдельных министров;
- выражение недоверия Правительству РФ;
- роспуск Государственной Думы;
- досрочное прекращение полномочий законодательного (представительного) органа субъекта федерации;
- выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации;
- отрешение от должности Президентом Российской Федерации высшего должностного лица субъекта в связи с утратой доверия;
- вынесение предупреждения законодательному органу или руководителю субъекта РФ;
- досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта РФ;
- досрочное прекращение полномочий соответствующего органа местного самоуправления;
- досрочное прекращение полномочий Уполномоченного по правам человека;
- освобождение от должности Председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов;
- отзыв высшего должностного лица субъекта РФ избирателями;
- предупреждение законодательному органу субъекта РФ, вынесенное Президентом РФ;
- роспуск законодательного органа субъекта РФ, Президентом РФ;
- отзыв избирателями депутатов законодательных органов субъектов РФ.

Считаем необходимым пояснить, почему отдельные санкции мы отнесли к мерам конституционной ответственности. Так, ответственность ряда должностных лиц обусловлена их особым статусом и специальным порядком досрочного прекращения их полномочий и кругом субъектов, наделенных правом принятия решения о досрочном освобождении от должности. В Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» [13] указано, что Председатель Счетной палаты освобождается от должности решением Государственной Думы, которое оформляется постановлением ГД по представлению Президента РФ. Среди оснований для досрочного прекращения полномочий следует назвать: нарушение законодательства РФ или совершения злоупотребления по службе, если за такое решение проголосует большинство от числа депутатов ГД; в связи с утратой доверия в случаях, которые предусмотрены Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 7). Особый порядок отстранения от должности предусмотрен также для заместителя Председателя Счетной палаты и для аудиторов Счетной Платы. Особый порядок прекращения полномочий предусмотрен также для Уполномоченного по правам человека, который закреплен в Федеральном Конституционном законе от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [14]. Прекращение полномочий также предусмотрено Федеральным Конституционным законом от 21 июня 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [14] в отношении Судьи Конституционного Суда РФ. Среди оснований, порождающих правоотношения юридической ответственности, следует отметить: продолжение судьей, несмотря на предупреждение со стороны Конституционного Суда РФ, занятий или совершения действий, не совместимых с его должностью; совершение судьей поступка, порочащего честь и достоинство судьи; неучастие в заседаниях Конституционного Суда РФ или уклонения его от голосования свыше двух раз подряд (ст. 18). В последние годы получила распространение практика объявления Президентом РФ выговоров отдельным министрам, а также отстранения их от должности. Актом применения юридической ответственности в данном случае выступает Указ Президента РФ, но проанализированные нами указы содержат ссылки, на основе какого нормативного акта он выносится. По мнению ряда ученых такие полномочия вытекают из правового статуса Президента [15, с. 45].

Анализ санкций негативной юридической ответственности показывает, что все они безальтернативны и абсолютно определены. Они не предоставляют возможности правоприменителю выбрать ту или иную меру юридической ответственности. Возникает вопрос, а верно ли в данном случае поступил законодатель, который должен руководствоваться принципом дифференциации, создавая тем самым основы для реализации индивидуализации на уровне применения норм права. Отвечая на поставленный вопрос, следует подчеркнуть, что отраслевые институты юридической ответственности многообразны и в них по-разному реализуется принцип индивидуализации. В одних отраслевых институтах существует широкий спектр различных наказаний, в других он сведен к минимальному перечню. Или институт гражданско-правовой ответственности в целом основан на том, что предоставляет возможность участникам гражданско-правовых отношений самим в договоре индивидуализировать меры гражданско-правовой ответственности. Конструкции санкций конституционной ответственности исключают какую-либо альтернативу, так как законодатель дифференцировал ряд правонарушений как конституционные. Это обусловлено особым местом как конституционного права, так и конституционной ответственности в правовой системе общества, а также особой важностью круга отношений, которые регулируются при помощи норм конституционного права. В самом обобщенном виде – это конституционный строй, его важнейшие элементы, конституционная законность с правопорядком. Отличительной чертой санкций конституционной ответственности является также усложненный порядок их реализации, что обусловлено особым статусом субъектов, к которым они могут применяться.

В развитии теории конституционной ответственности можно указать еще на один ее отличительный признак – безальтернативный и абсолютно определённый характер санкций.

Ранее мы неоднократно указывали, что придерживаемся концепции существования в праве поощрительных санкций, которые являются одной из форм выражения позитивной юридической ответственности [16, 17]. В связи с чем возникает вопрос о существовании поощрительных санкций в конституционном праве и их юридико-технических конструкциях. А.С. Автономов отмечает, что в Конституции содержатся ориентиры для законодателя, которые предопределяют дальнейшее направление его действия. В частности, указывается на положения ч. 3 ст. 39, устанавливающие ориентиры для поощрения добровольного социального страхования, благотворительности и ч. 2 ст. 41 в которой закреплено: «поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию» [18, с. 251]. Однако в строгом смысле данные положения Конституции не являются поощрительными санкциями, они не содержат конкретные объем и меру позитивного воздействия в отношении субъектов, но обязывают законодателя и другие органы принимать нормативные акты, направленные на стимулирование данных видов деятельности. А.С. Автономов отмечает, что «сегодня по закону от необходимости сбора подписей на выборах в Государственную Думу освобождены партии, уже представленные в ней, те, кто на предыдущих выборах набрал не менее 3% голосов избирателей, а также имеющие фракции хотя бы в одном законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ» [18, с. 258].

Действительно, одной из разновидностей поощрительной санкции является освобождение от обязанностей или уменьшение объема обязанностей в случае совершения субъектом положительных социально-активных действий, которые приводят к социально-значимым результатам. Конечно, с небольшой долей условности освобождение от данной обязанности можно отнести к поощрительной санкции. Условность обусловлена тем, что «размыты» сами социальные основания поощрения. Оно должно применяться за социально-значимые результаты. Социальность того, что некоторые партии набрали больше 3% голосов или имеют фракцию в представительном органе не очевидна. Можно набрать необходимое количество голосов, но не действовать в интересах избирателей. Сказанное не означает, что в Конституционном праве не должен формироваться полноценный институт поощрения.

Обращает на себя внимание Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [19]. Ввиду того, что перечень оснований (заслуг), за которые лицо может быть представлено к государственной награде, очень широк, в целом данный нормативный акт сложно отнести к конституционному законодательству, скорее всего, он носит комплексный характер. Наградное законодательство О.Ю. Кокурина относит к комплексной отрасли законодательства [20, с. 96]. Безусловно, награждение государственной наградой за достижения в области государственного строительства, укрепление законности (в том числе и конституционной) следует рассматривать как поощрительную конституционно-правовую санкцию. Однако возникает вопрос, а награждение любой государственной наградой – это применение конституционной поощрительной санкции или санкции, относящейся к иной отрасли законодательства? Думается, что если в целом государственное наградное законодательство относится к комплексному нормативному образованию, то и не любую награду можно рассматривать как форму конституционного поощрения, несмотря на то, что исходит оно от государства. Если обратиться к парной категории – наказанию, оно аналогично исходит от государства, но мы не считаем его конституционной санкцией. Проведенный анализ данного указа показывает, что государственные награды перечисляются в зависимости от степени их значимости от наивысшей к менее значимой. В представлении о поощрении указывается, к какой награде представляется субъект, но наградная Комиссия может принять решение об изменении вида или степени государственной награды, к награждению которой представлено лицо. При этом Указ не содержит положений, определяющих, как может быть изменен вид или степень государственной награды в сторону увеличения или уменьшения ее значимости. Следовательно, возможен как первый, так и второй варианты. Поэтому можно сделать вывод, что санкция в виде награждения государственной наградой носит альтернативный характер.

Итак, в завершении статьи можно сделать ряд выводов.

1. Санкции негативной конституционной ответственности безальтернативны и абсолютно определены, что обусловлено как особой юридической природой конституционных правонарушений, так и конституционной ответственности. Отличительной чертой конституционных санкций выступает их усложненный порядок реализации.

2. В развитии теории конституционной ответственности можно указать еще на один ее отличительный признак – безальтернативный и абсолютно определённый характер санкций.

3. В конституционном законодательстве практически не представлены поощрительные санкции, оно содержит лишь ориентиры для формирования мер поощрения в других нормативных правовых актах

Библиографические ссылки

1. Скифский Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения. Тюмень : Тюм. юрид. ин-т, 1998.
2. Гогин А.А. Нравственность как объект конституционного деликта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия. Право. 2009. № 1. С. 77-83.
3. Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 1997. № 12. С. 86-91.
4. Назаров Д.И., Назарова И.С. Ответственность в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2000. № 1. С. 14-21.
5. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. 2000. № 12. С. 86-91
6. Барциц И.Н. Федеративная ответственность: конституционно-правовые аспекты. М. : Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 1990.

7. Липинский Д.А., Бессолицын А.Г. О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности // Современное право. 2013. № 4. С. 12-14.
8. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность санкции и меры защиты. М. : Риор, 2013.
9. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 67-79.
10. Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права. Саратов, 2005.
11. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
12. Краснов М.А. Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6. С. 48-52.
13. Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
14. Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
15. Собрание законодательства РФ. 1994. № 138. Ст. 1447.
16. Крысанов А.В. Конституционно-правовая ответственность Правительства Российской Федерации и его должностных лиц: основания и порядок реализации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 45-49.
17. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 40-49.
18. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Меры позитивной юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 33-44.
19. Автономов А.С. Поощрительные санкции в конституционном праве // Поощрительные санкции в праве: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016.
20. Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.
21. Кокурина О.Ю. О юридических системных функциях института наград государства в Российском праве // Государство и право. 2017. № 11. С. 96-99.

References

1. Skifskiy F.S. Otvetstvennost' za konstitutsionnyye pravonarusheniya (Responsibility for constitutional offenses). Tyumen', Tyum. yurid. in-t, 1998.
2. Gogin A.A. Nravstvennost' kak ob"yekt konstitutsionnogo delikta (Morality as an object of constitutional delict), *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya. Pravo*, 2009, No. 1, pp. 77-83.
3. Kolosova N.M. Konstitutsionnaya otvetstvennost' – samostoyatel'nyy vid yuridicheskoy otvetstvennosti (Constitutional responsibility is an independent type of legal responsibility), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 12, pp. 86-91.
4. Nazarov D.I., Nazarova I.S. Otvetstvennost' v konstitutsionnom prave (Responsibility in constitutional law), *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2000, No. 1, pp. 14-21.
5. Savin V.N. Otvetstvennost' gosudarstvennoy vlasti pered obshchestvom (Responsibility of state power to society), *Gosudarstvo i pravo*, 2000, No. 12, pp. 86-91.
6. Bartsits I.N. Federativnaya otvetstvennost': konstitutsionno-pravovyye aspekty (Federal responsibility: constitutional and legal aspects). Moscow, Izd-vo nauchno-obrazovatel'noy literatury REA, 1990.
7. Lipinskiy D.A., Bessolitsyn A.G. O razgranichenii mer zashchity i mer yuridicheskoy otvetstvennosti (On the delimitation of protection measures and legal liability measures), *Sovremennoye pravo*, 2013, No. 4, pp. 12-14.
8. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Yuridicheskaya otvetstvennost' sanktsii i mery zashchity (Legal liability sanctions and protection measures), Moscow, Rior, 2013.
9. Vedyakhin V.M., Shubina T.B. Zashchita prava kak pravovaya kategoriya (Protection of law as a legal category), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 1998, No. 1 (220), pp. 67-79.

10. Fomin A.A. Yuridicheskaya bezopasnost' sub"yektov rossiyskogo prava (Legal security of subjects of Russian law). Saratov, 2005.
11. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2001, No. 23, st. 2277.
12. Krasnov M.A. Publichno-pravovaya otvetstvennost' predstavitel'nykh organov za narusheniye zakona (Public liability of representative bodies for violation of the law), *Gosudarstvo i pravo*, 1993, No. 6, pp. 48-52.
13. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2013, No. 14, st. 1649.
14. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 1997, No. 9, st. 1011.
15. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 1994, No. 138, st. 1447.
16. Krysanov A.V. Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i yego dolzhnostnykh lits: osnovaniya i poryadok realizatsii (Constitutional and legal responsibility of the Government of the Russian Federation and its officials: the grounds and procedure for implementation), *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2013, No. 5, pp. 45-49.
17. Lipinskiy D.A., Shishkin A.G. Ponyatiye mery yuridicheskoy otvetstvennosti (The concept of legal liability), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2013, No. 6 (198), pp. 40-49.
18. Lipinskiy D.A., Shishkin A.G. Mery pozitivnoy yuridicheskoy otvetstvennosti (Measures of positive legal responsibility), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2013, No. 1 (306), pp. 33-44.
19. Avtonomov A.S. Pooshchritel'nyye sanktsii v konstitutsionnom prave (Incentive sanctions in constitutional law), *Pooshchritel'nyye sanktsii v prave: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty*, pod red. A.V. Mal'ko. Moscow, Yurlitinform, 2016.
20. Sobraniye zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation). 2010, No. 37, st. 4643.
21. Kokurina O.Yu. O yuridicheskikh sistemnykh funktsiyakh instituta nagrad gosudarstva v Rossiyskom prave (On the legal system functions of the institute of state awards in Russian law), *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 11, pp. 96-99.

Дата поступления: 27.09.2018 *Received: 27.09.2018*

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.2

ДОГОВОР АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ГРАЖДАНСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА ПО СТАДИЯМ РАЗВИТИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ

ВЛАДИМИРОВ Николай Николаевич
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия.
E-mail: nik1811@mail.ru

Межотраслевые связи гражданского и земельного права по стадиям развития обязательственного отношения, возникающего на основании договора аренды земельного участка, имеют свои особенности. На стадии заключения договора аренды земельного участка выявлено отсутствие общего терминологического поля в части ограничений оборотоспособности такого объекта гражданских прав. Гражданское законодательство не использует категорию «изъятые из оборота объекты гражданских прав». На стадии изменения договора аренды земельного участка, диспозитивные возможности существенно сужены по сравнению с «классической» договорной конструкцией аренды. На стадии расторжения договора аренды земельного участка, земельным законодательством преду-смотрены дополнительные основания для его прекращения, что заметно усиливает проявление публичной направленности гражданско-правового регулирования соответствующих отношений.

Ключевые слова: земельный участок, договор аренды, договорная конструкция, правовые запреты, правовые ограничения.

LAND LEASE CONTRACT: INTER-BRANCH RELATIONS OF CIVIL AND LAND LAW AT VARIOUS DEVELOPMENT STAGES OF THE OBLIGATION RELATIONSHIP

VLADIMIROV Nikolay Nikolaevich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.
E-mail: nik1811@mail.ru

The inter-branch relations of civil law and land law at various development stages of the obligation relationship arising on the basis of the land lease contract, have their own features. At the stage of concluding the land lease contract, the author detects the lack of a common terminology in the field of restrictions of the turnover of a land plot. Civil legislation, unlike land legislation, does not use the concept of "objects of civil rights withdrawn from turnover". At the stage of changing the land lease contract, dispositive possibilities are much narrowed in comparison with "classical" contractual design of the land lease. At the stage of termination of the land contract, land legislation provides additional grounds for its termination, which reinforces the manifestation of the public orientation of civil regulation of the relevant relations.

Key words: land plot, lease contract, contractual design, legal prohibitions, legal restrictions.

Межотраслевые связи отраслей права – это, в первую очередь, проблематика соотношения и скоординированности норм разной отраслевой принадлежности в местах пересечения предмета правового регулирования. Научная концепция о межотраслевых связях была

разработана профессором-цивилистом Казанского университета М.Ю. Челышевым [12]. Тесные межотраслевые связи позволяют создать наиболее эффективные регуляторы (подробнее о регуляторах в праве [8]) и средства правового воздействия. Не является исключением и сфера земельно-имущественных отношений, куда попадает и договор аренды земельного участка. Проанализируем отдельно стадии заключения, изменения и прекращения договора аренды земельного участка на предмет согласованности и соотношения норм гражданского и земельного законодательства.

На стадии заключения договора аренды земельного участка (выделено мной. – Н.В.) существенное значение имеет оборотоспособность рассматриваемого объекта гражданских прав. Из содержания ч. 1 ст. 129 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) следует, что объекты гражданских прав могут быть либо свободными в обороте, либо ограниченными в обороте. Категория «изъятые из оборота объекты» были исключены из рассматриваемой статьи Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1]. Получается, что с 2013 г. термин «изъятые из оборота» не содержится в ст. 129 ГК РФ. Однако это совсем не означает, что в самом ГК РФ нет объектов, которые неотчуждаемы и непередаваемы (Похожая научная позиция представлена в статье Луневой Е.В. [7]). К таковым относятся результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которые не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому (ст. 1225 ГК РФ). Аналогично, право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Отказ от этих прав ничтожен (ст. 1228 ГК РФ).

В отличие от гражданского законодательства п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее ЗК РФ) предусматривает земельные участки, изъятые из оборота, подразумевая под ними такие участки, которые не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок предусмотренных гражданским законодательством. Стало быть, нормы ГК РФ и ЗК РФ в части изъятых из оборота объектов гражданских прав не согласованы. Полагаем, что в целях обеспечения системности законодательства в ст. 129 ГК РФ следует восстановить «изъятые из оборота объекты гражданских прав».

Какое значение для договора аренды земельного участка имеет категория «изъятые из оборота земельные участки»? Исходя из п. 2 ст. 22 и п.2 ст. 27 ЗК РФ, на первый взгляд, может показаться, что изъятые из оборота земельные участки не могут быть объектом договора аренды. Однако практически из любого правила существуют свои отступления. Так, в п. 11 ст. 22 ЗК РФ закреплено, что «Изъятые из оборота земельные участки не могут быть переданы в аренду, за исключением случаев, установленных федеральными законами» (во многих научных сообщениях по праву обращается внимание на указанную правовую норму [1; 2; 3; 6; 10; 11]). В частности, п. 5 ст. 10, п. 1 и 3 ст. 17 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об особо охраняемых природных территориях»[2] разрешено предоставлять в аренду изъятые из оборота земельные участки в составе национального парка и биосферного полигона государственного природного биосферного заповедника [5, с. 46].

В судебной практике особенно подчеркивается, что, «Предусмотренный п. 11 ст. 22 ЗК РФ запрет передачи земельных участков в аренду касается земельных участков, изъятых из оборота, а не ограниченных в обороте»[3]. Ограниченные в обороте земельные участки предоставляются именно во временное владение и пользование по договору аренды.

Таким образом, на стадии заключения договора аренды земельного участка, не обеспечены межотраслевые связи гражданского и земельного законодательства. Отсутствует общее терминологическое поле в сфере ограничений оборотоспособности земельных участков. Гражданское законодательство, в отличие от земельного, не использует категорию «изъятые из оборота объекты гражданских прав».

На стадии изменения договора аренды земельного участка (выделено мной. – Н.В.) происходит модификация содержания рассматриваемой двусторонней сделки. Законодателем

установлен запрет на изменение условий договора аренды земельного участка без согласия его арендатора (п. 9 ст. 22 ЗК РФ). Указанная норма находится в полном системном взаимодействии с положениями ГК РФ. В гражданском законодательстве установлена общая норма о том, что изменение договора возможно либо в силу дополнительного соглашения, либо на основании решения суда (при существенном нарушении условий договора и по иным основаниям, прямо предусмотренными законами или самим договором).

Обратим внимание на базовую гражданско-правовую норму, связанную с изменением договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Указанное законоположение направлено на распределение рисков между сторонами [4]. В отличие от гражданского законодательства, основывающегося на диспозитивном подходе, земельное законодательство не предусматривает такой возможности. Такая логика законодателя объясняется преобладанием публичных начал в гражданско-правовом регулировании земельно-имущественных отношений. Системное применение норм (как один из способов обеспечения межотраслевого взаимодействия), содержащихся в п. 3 ст. 614 ГК РФ и в п. 3 ст. 39.7 ЗК РФ, позволило судам выработать правовую позицию по поводу изменения арендной платы находящегося в публичной собственности земельного участка. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015)[4] было сформулировано, что арендная плата по договору аренды рассматриваемого земельного участка изменяется с момента вступления в силу нормативного акта, меняющего размер платы или методику ее расчета. При этом заключения дополнительного соглашения к договору аренды земельного участка не требуется.

В практике встречаются случаи, когда стороны хотят внести изменения в само дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка. Очевидно, что цель изменения дополнительного соглашения состоит в трансформации основного договора. В такой ситуации обязательно должен быть достигнут консенсус по спорным условиям, в противном случае, дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка изменить не получится. Например, по требованию о внесении изменений в дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка суды правомерно пришли к выводам об отсутствии оснований для включения в дополнительное соглашение не согласованного сторонами условия, содержание которого законом или иным правовым актом не предусмотрено[5].

В области изменения вида разрешенного использования земельного участка, следует четко осознавать правовые последствия от применения частных и публичных правовых средств. В настоящее время изменение вида разрешенного использования земельного участка возможно только путем обращения к публично-правовой процедуре. Дополнительным соглашением этого сделать не получится. Так судами соглашение об изменении условий договора аренды в части изменения разрешенного использования земельного участка было признано недействительным, так как действия сторон по его заключению были направлены на обход установленной законом процедуры предоставления земельного участка в аренду для строительства[6], в том числе процедуры аукциона.

Показательным здесь представляется и Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2018 № 306-ЭС18-3008 по делу № А12-8348/2017[7] о признании недействительной сделки по изменению условий договора аренды земельного участка в части об обязании исключить из Единого государственного реестра недвижимости записи о виде разрешенного использования земельного участка. При определении кадастровой стоимости земельного участка ошибочно был использован вид его разрешенного использования не соответствующий фактическому, что было установлено судами и послужило преюдицией. В удовлетворении требований было отказано, поскольку ответчики стороны оспариваемой сделки не являлись, действия по внесению соответствующих сведений в кадастр недвижимости были осуществлены ими на основании декларации, а не в рамках сделки по изменению договора аренды.

На стадии изменения договора аренды земельного участка, противоречий между гражданским и земельным законодательством не выявлено. Земельное законодательство намного сузило диспозитивные возможности по изменению договора аренды (применительно к специфическому объекту – земельный участок) по сравнению с гражданским законодательством.

На стадии расторжения договора аренды земельного участка (выделено мной. – Н.В.) имеются свои особенности в соотношении норм гражданского и земельного законодательства, которые выражены в основаниях прекращения рассматриваемого договора. Они закреплены в ст. 46 ЗК РФ в которой имеются как отсылка к общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (ст.ст. 619, 620 ГК РФ), так и дополнительные основания. К последним законодатель относит следующие:

1) земельный участок изымается для публичных нужд (п. 2 ст. 46, пп. 2 п. 2 ст. 45 ЗК РФ);

- арендатор использует земельный участок с нарушением законодательства, в частности (п. 2 ст. 46, пп. 1 п. 2 ст. 45 ЗК РФ) не по целевому назначению или таким образом, что приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель, либо наносит вред окружающей среде.

Прекращение аренды по этим основаниям не допускается в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 46 ЗК РФ:

- не выполняет обязанность по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению;

- не использует участок, предназначенный для сельскохозяйственного производства, либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение трех лет, если более длительный срок не установлен федеральным законом (с учетом исключений, предусмотренных пп. 1 п. 2 ст. 45 ЗК РФ).

Кроме того, законодателем предусмотрены и основания прекращения аренды «публичных» земельных участков. Например, аренда земельного участка может быть прекращена при расторжении договора комплексного освоения территории, который заключен в отношении такого земельного участка (п. 2.1 ст. 46 ЗК РФ).

Наличие дополнительных оснований для прекращения договора аренды земельного участка усиливает проявление публичной направленности гражданско-правового регулирования земельно-имущественных отношений. В юридической науке их называют средствами, которые устремлены на пресечение ненадлежащих использования и (или) охраны земельных участков [9]. Дополнительные основания прекращения исследуемой двухсторонней сделки добавляют новые элементы в систему правовых ограничений.

Специфика наблюдается и в применении общих норм о расторжении договора аренды по требованию арендодателя на основании решения суда при существенном нарушении арендатором условий договора. Указанная норма не распространяется на договоры аренды земельных участков, заключенные на неопределенный срок. Так в Определении Верховного Суда РФ от 27.06.2017 по делу № 305-ЭС17-2608, А41-13398/2016[8] содержится вывод о том, что реализация предоставленного законом арендодателю права на отказ от договора аренды, возобновленного на неопределенный срок, не ставится в зависимость от каких-либо специальных ограничений. Арендодателя нельзя ограничить в реализации им права на отказ от договора и установить бессрочный режим аренды.

Перечень оснований для расторжения договора аренды земельного участка является закрытым. Поэтому по иным основаниям, не закрепленным соответствующим законодательством, договор аренды земельного участка прекращен быть не может. Даже если это решение об отмене или приостановлении действия ранее изданных муниципальных правовых актов. Аналогичного вывода придерживается и судебная практика. Так в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015)[9] указано, что «единственным основанием для расторжения договоров аренды являлась отмена органом местного самоуправления «в порядке само-

контроля» постановления о предоставлении земельных участков в аренду, что по существу представляет собой расторжение договора по требованию одной из сторон. Между тем данное основание расторжения договора аренды нормами гражданского и земельного законодательства не предусмотрено, а «…решение об отмене или приостановлении действия ранее изданных муниципальных правовых актов не может носить произвольный характер, а должно быть законным и обоснованным».

Таким образом, на стадии расторжения договора аренды земельного участка имеются особенности соотношения норм гражданского и земельного законодательства. Выражены они в дополнительных основаниях прекращения такой сделки. Наличие дополнительных оснований для прекращения договора аренды земельного участка усиливает проявление публичной направленности гражданско-правового регулирования земельно-имущественных отношений.

В результате проведенного исследования в области межотраслевых связей гражданского и земельного права по стадиям развития обязательственного отношения, возникающего на основании договора аренды земельного участка, следует сделать следующие выводы:

1. На стадии заключения договора аренды земельного участка не обеспечены межотраслевые связи гражданского и земельного законодательства. Отсутствует общее терминологическое поле в сфере ограничений оборотоспособности земельных участков. Гражданское законодательство, в отличие от земельного, не использует категорию «изъятые из оборота объекты гражданских прав».

2. На стадии изменения договора аренды земельного участка, противоречий между гражданским и земельным законодательством не выявлено. На рассматриваемом сегменте правового регулирования диспозитивные возможности намного сужены по сравнению с «классической» договорной конструкцией аренды.

3. На стадии расторжения договора аренды земельного участка имеются особенности соотношения норм гражданского и земельного законодательства. Выражены они в дополнительных основаниях прекращения такой сделки. Наличие дополнительных оснований для прекращения договора аренды земельного участка усиливает проявление публичной направленности гражданско-правового регулирования земельно-имущественных отношений.

Примечания

[1] Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
[2] Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2017 № 09АП-55467/2017 по делу № А40-236751/16, которое Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2018 № Ф05-1270/2018 оставлено без изменения. Документы официально опубликованы не были. Доступ СПС «КонсультантПлюс».
[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9, сентябрь, 2016 (извлечение).
[5] Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 304-ЭС18-5642 по делу № А03-11258/2017. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[6] Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2018 № 309-ЭС17-23136 по делу № А76-27371/2016. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[7] Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[8] Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[9] Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки

1. Воронцова А.А. Гармонизация законодательства Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях с нормами международного экологического права как одно из направлений российской государственной экологической политики // Экологическое право. 2016. № 4. С. 33-37.

2. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов и др. ; под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
3. Кособродов В.М. К вопросу о предмете договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения // Законодательство и экономика. 2011. № 9. С. 35-38.
4. Логинова А.С., Синицына М.А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения договора // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 78-82.
5. Лунева Е.В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях : монография. М. : Статут, 2018.
6. Лунева Е.В. Проблема разграничения ограниченных и изъятых из гражданского оборота земельных участков в особо охраняемых природных территориях // Правовые вопросы недвижимости. 2016. №1. С. 23-27.
7. Лунева Е.В. Соотношение изъятых, ограниченных и запрещенных в обороте объектов гражданских прав // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 200-205.
8. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 6. С. 133-141.
9. Нарышева Н.Г. Особенности применения инструментального метода в земельно-правовых исследованиях // Экологическое право. 2017. № 2. С. 11-18.
10. Настольная книга нотариуса : учеб. пос. для вузов : в 4 т. / Е.А. Белянская и др. ; под ред. И.Г. Медведева. Т. 2. Правила совершения отдельных видов нотариальных действий. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2015.
11. Право собственности: актуальные проблемы : монография / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М. : Статут, 2008.
12. Челышев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права : монография. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008.

References

1. Vorontsova A.A. Garmonizatsiya zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ob osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh s normami mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava kak odno iz napravleniy rossiyskoy gosudarstvennoy ekologicheskoy politiki (Harmonization of the legislation of the Russian Federation on specially protected natural territories with the norms of international environmental law as one of the directions of the Russian state environmental policy), *Ekologicheskoye pravo*, 2016, No. 4, pp. 33-37.
2. Kommentariy k Zemel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) (Comment to the Land Code of the Russian Federation (itemized). S.A. Bogolyubov i dr. ; pod red. S.A. Bogolyubova. 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt, 2017.
3. Kosobrodov V.M. K voprosu o predmete dogovora arendy zemel'nogo uchastka sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya (To the issue of the lease contract for land for agricultural purposes), *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2011, No. 9, pp. 35-38.
4. Loginova A.S., Sinitsyna M.A. Sushchestvennoye izmeneniye obstoyatel'stv kak osnovaniye dlya izmeneniya dogovora (Significant change of circumstances as a basis for changing the contract), *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2018, No. 1, pp. 78-82.
5. Luneva Ye.V. Pravovoy rezhim zemel'nykh uchastkov v osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh (Legal regime of land plots in specially protected natural territories), monografiya. Moscow, Statut, 2018.
6. Luneva Ye.V. Problema razgranicheniya ogranichennykh i iz"yatykh iz grazhdanskogo oborota zemel'nykh uchastkov v osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh (The problem of delimitation of land plots restricted and withdrawn from civil turnover in specially protected natural territories), *Pravovyye voprosy nedvizhimosti*, 2016, No.1, pp. 23-27.

7. Luneva Ye.V. Sootnosheniye iz"yatykh, ogranichennykh i zapreshchennykh v oborote ob"yektov grazhdanskikh prav (The ratio of seized, restricted and prohibited in the turnover of objects of civil rights), *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava*, 2014, № 1 (29), pp. 200-205.
8. Mikhaylov A.V. Regulyatory v sfere deystviya predprinimatel'skogo prava (Regulators in the field of business law), *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 2015, T. 157, Kn. 6, pp. 133-141.
9. Narysheva N.G. Osobennosti primeneniya instrumental'nogo metoda v zemel'no-pravovykh issledovaniyakh (Features of the use of the instrumental method in land law studies), *Ekologicheskoye pravo*, 2017, No. 2, pp. 11-18.
10. Nastol'naya kniga notariusa (Handbook of a notary), ucheb. pos. dlya vuzov, v 4 t. Ye.A. Belyanskaya i dr., pod red. I.G. Medvedeva. T. 2. Pravila sovershenia otdel'nykh vidov notarial'nykh deystviy. 3-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Statut, 2015.
11. Pravo sobstvennosti: aktual'nyye problemy (Ownership: actual problems), monografiya, otv. red. V.N. Litovkin, Ye.A. Sukhanov, V.V. Chubarov. Moscow, Statut, 2008.
12. Chelyshev M.YU. Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava (Fundamentals of inter-branch relations of civil law), monografiya. Kazan', Izd-vo Kazan. gos. un-ta im. V.I. Ul'yanova-Lenina, 2008.

Дата поступления: 20.09.2018 *Received: 20.09.2018*

УДК 347.61/64

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ДУБРОВСКАЯ Татьяна Валерьевна
аспирант кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: rina905@yandex.ru

MARRIAGE IN MODERN RUSSIA: SOME FEATURES OF LEGAL REGULATION

DUBROVSKAYA Tatyana Valerievna
Postgraduate Student of the Department of Civil law, International Private Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: rina905@yandex.ru

В России семья в соответствии с Конституцией РФ находится под защитой государства. Осуществлять такую защиту необходимо с момента заключения брака, поскольку несовершенство в данной сфере правового регулирования, связанное с неупорядоченностью содержания понятий «уважительные причины» и «особые обстоятельства», а также с отсутствием четко определенной нижней границы брачного возраста, может предопределить непродолжительность семейных отношений и развод. Поэтому некоторые право-

In the modern Russian state, the family, according to the Constitution of the Russian Federation, is under the state protection. To exercise this kind of protection is necessary from the moment of marriage, as imperfect law regulation in this sphere, associated with disorder of the content of notions “good reasons” and “special circumstances”, as well as absence of clearly determined lower limit of marriage age, can predetermine short term of family relations and divorce. Some legal norms, in their turn, related to the divorce process, also need to be

вые нормы, связанные с процессом расторжения брака, нуждаются в пересмотре. В качестве мер, способствующих укреплению семьи и брака, предлагается внести изменения в Семейный кодекс РФ, позволяющие упорядочить процесс заключения брака при наличии уважительных причин и избежать правовых коллизий при применении норм федерального и регионального законодательств, а также принимать все меры для сохранения семьи при желании супругов расторгнуть брак в судебном порядке.

reviewed. As for measures contributing to the strengthening of family and marriage, the author offers to make amendments into the Family Code of the Russian Federation. Such measures would order the process of getting married for good reasons and avoid legal collisions, while applying norms of federal and regional legislation; she also offers to undertake any actions in order to save the family if a couple wants to dissolve the marriage in a judicial proceeding.

Ключевые слова: семейное право, заключение брака, расторжение брака, брачный возраст, уважительная причина, особые обстоятельства, законодательство субъектов РФ.

Key words: family law, marriage, dissolution of marriage, age of marriage, good reason, special circumstances, legislation of the subjects of the Russian Federation.

Важнейший институт – семья – в соответствии со ст. 38 Конституции РФ находится под защитой государства. От того, насколько эффективно законодательство страны стимулирует такую защиту, зависит устойчивость семейных отношений и будущее государства. Большую роль в защите семьи и семейных прав играет правовое регулирование заключения брака. В современном российском семейном законодательстве признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния. При этом согласно ст. 11, 12 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) для заключения брака требуется выполнение следующих условий:

1) личное присутствие лиц, вступающих в брак;

2) взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак;

3) достижение вступающими в брак брачного возраста.

В Семейном кодексе брачный возраст по общему правилу устанавливается в 18 лет. Однако при наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет. При этом в СК РФ не дается даже примерный перечень уважительных причин, в связи с чем признание причины уважительной становится исключительной компетенцией органа местного самоуправления. Необходимо также отметить, что беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза жизни одной из сторон определяются законодателем в ст. 11 СК РФ как особые обстоятельства, хотя и в ином, чем в ст. 13 СК РФ контексте. Иными словами, для заключения брака в день подачи заявления достаточно наличия особых обстоятельств, для разрешения на заключение брака лицам в возрасте от 16 до 18 лет требуются уважительные причины, а для заключения брака между лицами в возрасте до 16 лет в виде исключения – вновь особые обстоятельства. Следует подчеркнуть, что законодатель оставляет перечень особых обстоятельств в ст. 11 СК РФ открытым, используя конструкцию «и другие особые обстоятельства»).

Поскольку семейное право находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, могут устанавливаться законами субъектов РФ. Так, в ч. 4 ст. 10 Семейного кодекса Республики Татарстан определен закрытый и исчерпывающий (в отличие от СК РФ) перечень особых обстоятельств: беременность, рождение общего ребенка (детей) у граждан, желающих вступить в брак, непосредственная угроза жизни одной из сторон. Аналогичный перечень

установлен в Законе Московской области от 30 апреля 2008 г. № 61/2008-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не достигших возраста шестнадцать лет» и законодательных актах других субъектов РФ.

Таким образом, законодатель в СК РФ в части заключения брака использует понятия «уважительная причина» и «особые обстоятельства», и здесь возникают два вопроса:

1) нужен ли перечень уважительных причин и особых обстоятельств и какой перечень – открытый или закрытый – предпочтительнее;

2) каково соотношение понятий «уважительная причина» и «особые обстоятельства».

Как уже отмечалось, применительно к заключению брака перечень уважительных причин полностью отсутствует, а перечень особых обстоятельств представлен, но является открытым благодаря конструкции «и другие особые обстоятельства». Такое положение приводит к тому, что, например, определение наличия уважительной причины в случаях, предусмотренных семейным законодательством, полностью находится в компетенции соответствующего органа местного самоуправления или органа записи актов гражданского состояния. При этом указанные органы, принимая решение о том, следует ли считать причину уважительной, не могут руководствоваться нормами закона, поскольку последних просто нет. По этому поводу Я.В. Наумов совершенно справедливо пишет: «…в связи с многообразием жизненных ситуаций СК РФ расширяет в этом отношении возможности органов местного самоуправления, предоставив им право разрешать заключение брака лицам, достигшим 16 лет, не только в особенных случаях, но и при наличии любых причин, которые органы местного самоуправления сочтут уважительными. Полагаем, что свобода органов местного самоуправления в таких случаях не должна быть безграничной» [1, с. 32]. В семейно-правовой доктрине вполне традиционно уважительными причинами считают: беременность, предстоящую длительную командировку, призыв на службу в армию, необходимость госпитализации, скорый переезд в другой город и аналогичные [2, с. 124]. Сложившаяся практика работы органов записи актов гражданского состояния показывает, что к уважительным причинам, в силу которых брак может быть заключен до истечения месяца, в частности, относят следующие: призыв вступающего в брак лица на срочную военную службу; краткосрочный отпуск военнослужащего, находящегося на военной службе; срочный выезд в длительную командировку одного из будущих супругов; выезд на постоянное место жительства в другой регион.

В случае с особыми обстоятельствами решение принимать гораздо легче, однако и здесь открытость перечня оставляет вопросы, хотя можно предположить, что таким образом для субъектов оставлена возможность установить собственные особые обстоятельства, исходя из специфики региона. В то же время, как уже отмечалось, в семейном законодательстве субъектов РФ, как правило, перечень особых обстоятельств является закрытым. Это порождает проблему соответствия законов субъектов РФ федеральному законодательству, ведь закрытость перечня в законодательстве субъектов РФ не допускает расширительного толкования особых обстоятельств, что может ущемлять права лиц, желающих вступить в брак.

Вопрос о том, как соотносятся понятия «уважительная причина» и «особые обстоятельства», также представляется немаловажным. Очевидно, что особые обстоятельства являются уважительной причиной, т.е. понятие «уважительная причина» шире и включает в себя понятие «особые обстоятельства». Действительно, если особое обстоятельство, например беременность, является основанием для возможного заключения брака в день подачи заявления, то оно же в качестве уважительной причины однозначно дает возможность заключить брак до истечения месяца. По нашему мнению, все изложенное говорит о нагромождении понятий в современном семейном законодательстве России и о неоправданном усложнении правового регулирования порядка заключения брака. Необходимо при этом отметить, что последние изменения в СК РФ, внесенные Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 319-ФЗ (увеличение до 12 месяцев периода со дня подачи заявления до дня заключения брака, право лиц,

вступающих в брак, определять дату и время заключения брака), безусловно, улучшают положение лиц, желающих вступить в брак. Однако это не снимает поставленной проблемы.

Невозможность четкого разграничения уважительных причин и особых обстоятельств, на наш взгляд, делает ненужным их разделение в семейном законодательстве в части заключения брака. Действительно, любая причина, признаваемая уважительной в практике органов записи актов гражданского состояния, может очень просто стать особым обстоятельством: например, лицо, желающее заключить брак, срочно командировано в местность, где идут или возможны боевые действия, т.е. возникает угроза его жизни, и т.д. В связи с этим представляется возможным и нужным объединить абз. 2 и 3 СК РФ и изложить новый абзац в следующей редакции: «При наличии уважительных причин (беременности; рождения ребенка; непосредственной угрозы жизни одной из сторон; призыва вступающего в брак лица на срочную военную службу; краткосрочного отпуска военнослужащего, находящегося на военной службе; срочного выезда в длительную командировку одного из будущих супругов; выезда на постоянное место жительства в другой регион, фактически сложившихся брачных отношений и других) орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации заключения брака может разрешить заключение брака до истечения месяца со дня подачи заявления о заключении брака или в день подачи заявления».

Правовое регулирование брачного возраста в современном семейном законодательстве также требует некоторой коррекции. Как уже отмечалось, брачный возраст в СК РФ устанавливается в 18 лет независимо от пола лица, желающего заключить брак. Следует отметить, что брачный возраст совпадает с возрастом достижения гражданином полной дееспособности, что, на наш взгляд, вполне логично. Однако далее нормы СК РФ, как представляется, порождают множество вопросов. Так, при наличии уважительных причин, как отмечалось, орган местного самоуправления может разрешить заключение брака лицам, достигшим 16 лет, а в исключительных случаях при наличии особых обстоятельств – лицам, не достигшим этого возраста. В последнем случае условия и порядок такого разрешения регулируются законодательством субъектов РФ. Именно из этого положения СК РФ проистекают определенные сложности. В частности, отсутствие нижнего возрастного предела в федеральном законодательстве обусловило разные подходы законодателей субъектов к регулированию данного вопроса: в некоторых регионах (Рязанская, Челябинская, Мурманская области и другие субъекты РФ) установлен возраст, при достижении которого и при наличии особых обстоятельств возможно заключение брака, в 15 лет; в других (Самарская, Калужская области и другие) – в 14 лет; в Республике Башкортостан такой возраст, как и в СК РФ, не установлен. Думается, такое положение дел способствует и будет способствовать возникновению правовых коллизий, поскольку нижний возрастной предел, определенный законами субъектов, выбирался произвольно, без учета исторической, культурной, национальной специфики региона, а также психофизиологических особенностей подростков на той или иной территории.

Как отмечают авторы учебника «Семейное право», «отсутствие в федеральном законодательстве и соответствующих нормативных актах субъектов РФ нижней возрастной границы, препятствующей заключению брака лицами, не достигшими определенного возраста, следует считать явным недостатком российского правового регулирования, таящим в себе угрозу нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц» [3, с. 83]. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в СК РФ нижний предел брачного возраста, оставив субъектам РФ право разрешения брака в исключительных случаях при наличии особых обстоятельств.

Сложно не согласиться с мнением А.А. Василенко и А.В. Лошкарева, согласно которому «брачный возраст во всех странах мира должен быть установлен не ранее чем с 18 лет. Дети, не достигшие этого возраста, в редких случаях смогут обеспечить себя и свою семью, а следовательно социальный уровень стран может падать. В юном возрасте молодые люди не понимают всей ответственности возложенного на них ранним браком. Парни еще не готовы

стать опорой семьи, а девушки матерями. Брак – это ежедневный труд, с которым не всегда справляются даже взрослые люди» [4, с. 65]. Вместе с тем с помощью законодательного регулирования невозможно исключить случаи, когда брак становится единственным способом защиты прав и интересов несовершеннолетних и, возможно, их будущих или уже родившихся детей. В связи с этим существование в СК РФ норм, допускающих заключение брака до 18 лет представляется вполне оправданным.

На наш взгляд, необходимо четко обозначить причины, наличие которых позволит разрешить брак лицам, не достигшим 16-летнего возраста: беременность; рождение ребенка; непосредственная угроза жизни одной из сторон. В этом случае абз. 2 п. 2 ст. 13 СК РФ будет выглядеть следующим образом: «Порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом беременности, рождения ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон может быть разрешено лицам в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации».

Полагаем, что предложенные новеллы в семейное законодательство позволят упорядочить процесс заключения брака и избежать правовых коллизий при применении норм федерального и регионального законодательств. Еще одним аспектом изложенных выше проблем является расторжение брака. Действительно, браки, заключаемые в спешке или до достижения установленного брачного возраста, как правило, недолговечны. По данным Росстата, количество разводов в последние десятилетия катастрофически растет: в частности, на 1049725 браков, заключенных в 2017 году пришлось 611428 разводов, т.е. количество разводов составило 58,24 %. Многочисленные социологические опросы показывают, что наиболее распространенными причинами развода становятся, в частности, следующие: алкоголизм и наркомания (41 %), отсутствие собственного жилья (26 %), постоянное вмешательство родственников в личную жизнь (14 %). Указанные причины характерны прежде всего для семей, которые созданы слишком молодыми людьми, в том числе не достигшими брачного возраста. Изложенные выше предложения, на наш взгляд, существенно ограничат самодеятельность органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, органов записи актов гражданского состояния в части определения уважительных причин, позволяющих вступать в брак в день подачи заявления, заключать брак между лицами, не достигшими 18 лет, а это в свою очередь приведет, как представляется к сокращению количества расторжений брака.

Еще одним способом сокращения разводов видится возвращение к практике, закрепленной в Кодексе о браке и семье РСФСР в части принятия судом мер к примирению супругов. В современном семейном законодательстве, по нашему мнению, целесообразно закрепить обязанность суда принимать указанные меры в любом случае, а не только тогда, когда отсутствует согласие на расторжение брака одного из супругов. При этом повышенное внимание суд должен обращать на супругов, заключивших брак при наличии уважительных причин или особых условий до достижения ими брачного возраста. Таким образом, предложенные изменения в СК РФ призваны не только упорядочить порядок заключения брака, но и способствовать уменьшению числа разводов в Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Наумов Я.В. Новые модели и подходы к реформированию условий заключения брака в России // Культура. Наука. Интеграция. 2016. № 2 (34).
2. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. О.Н. Низамиева. М., 2010.
3. Семейное право : учебник для академического бакалавриата / Е.А. Чефранова [и др.] ; под ред. Е.А. Чефрановой. 5-е изд., пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018.
4. Василенко А.А., Лошкарев А.В. Возраст для вступления в брак. Ранние браки // ACADEMY. 2016. № 11 (14).

References

1. Naumov Ya.V. Novye modeli i podhody k reformirovaniyu uslovij zaklyucheniya braka v Rossii (New models and approaches to reforming the conditions of marriage in Russia), *Kul'tura. Nauka. Integraciya*, 2016, No. 2 (34).
2. Kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) (Comment to the Family Code of the Russian Federation (itemized), otv. red. O.N. Nizamieva. Moscow, 2010.
3. Semejnoe pravo (Family law), uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata, E.A. Chefranova [i dr.], pod red. E. A. Chefranovoj, 5-e izd., per. i dop. Moscow, Izdatel'stvo Yurajt, 2018.
4. Vasilenko A.A., Loshkarev A.V. Vozrast dlya vstupleniya v brak. Rannie braki (Age for marriage. Early Marriages), *ACADEMY*, 2016, No. 11 (14).

Дата поступления: 01.10.2018 *Received: 01.10.2018*

УДК 347.45/47

СТРАХОВАНИЕ РИСКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА

INSURANCE OF THE RISK OF LIABILITY FOR THE BREACH OF THE CONTRACT

РОМАНОВА Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Филиала Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани, г. Рязань, Россия. E-mail: universitet62@yandex.ru

ROMANOVA Irina Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Ryazan Branch of the Moscow University named after S.Yu. Vitte, Ryazan, Russia. E-mail: universitet62@yandex.ru

Сегодня исследование специфики и основных проблемных аспектов страхования вероятного риска наступления ответственности за нарушение договорных условий имеет особую актуальность. На основе анализа действующего законодательства и научных точек зрения автором формулируется вывод, что риск ответственности за нарушение договора считается застрахованным в пользу выгодоприобретателя, даже если договор страхования заключен в пользу другого лица либо в нем не сказано, в чью пользу он заключен. В рассматриваемой ситуации страховым случаем является факт неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, повлекший расходы страхователя, необходимые и достаточные для восстановления нарушенных прав третьих лиц.

Ключевые слова: договор страхования, договорная ответственность, нарушение договора, наступление ущерба, страхование риска ответственности, страховой случай.

Today, the research of the specifics and the main problematic aspects of insurance of the probable risk of liability for the breach of contract terms is of particular relevance. Based on the analysis of the legislation in effect and scientific points of view, the author concludes that the risk of liability for the breach of the contract is considered insured in favor of the beneficiary, even if the insurance contract is made in favor of another person, or it not said in whose favor it has been made. It is proved that in the situation under consideration, the insured event is the fact of non-performance or improper performance of the contract, which caused the expenses of the insurer, necessary and sufficient to restore the violated rights of third parties.

Key words: insurance contract, contractual liability, breach of contract, loss, liability insurance, insurance case.

Несовершенство действующего законодательства не позволяет реализовать потенциал, заложенный в страховании ответственности по договору. Вопросы вызывает даже используемое законодателем понятие «нарушение договора» для характеристики страхового случая, поскольку его системное толкование в контексте других норм ГК РФ может непосредственно отразиться на возможности применения данного средства защиты интересов субъектов предпринимательства. Еще П.И. Пыловым было высказано мнение о том, что при толковании положений ст. 932 ГК РФ «страхование риска ответственности за нарушение договора следует понимать дословно», следовательно, «если иное не предусмотрено законом, то не допускается страхование ответственности за нарушение договорных обязательств, которое покрывает меры ответственности, предусмотренные главой 23 ГК РФ… Указанное не стоит смешивать с очень на первый взгляд схожим страхованием – страхованием риска неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств» [1]. Данная точка зрения была подвергнута критике со ссылкой на устоявшуюся в российской цивилистике трактовку нарушения договора как любого его неисполнения или ненадлежащего исполнения [2], обусловленной, в том числе невозможностью их разграничения с абсолютной последовательностью [3].

При этом не было учтено, что действующий ГК РФ в ряде случаев различает правовые последствия неисполнения и ненадлежащего исполнения, что может иметь значение для страхования риска возникающей в подобных случаях ответственности. В частности, ст. 396 ГК РФ предусматривает разные последствия для ненадлежащего исполнения обязательства в натуре, для его неисполнения или просрочки исполнения, но некоторые страховые компании не распространяют страховое покрытие на отказ грузополучателя от груза, который, согласно п. 3 ст. 396 ГК РФ может последовать в случае утраты кредитором интереса к исполнению. Кроме того, нельзя не обратить внимание на новую редакцию ч. 3 ст. 17.6 Закона об основах туристской деятельности, из которой были исключены нормы о страховании ответственности за причинение реального ущерба в случае ненадлежащего исполнения обязательств туроператором, что в совокупности с привязкой к факту прекращения его деятельности влечет за собой серьезные правовые последствия: незащищенность туристов в случае нарушения их прав и законных интересов в текущей деятельности туристической компании. При том, что и добровольное страхование такой ответственности законом в настоящее время не допускается. Как представляется, во избежание разногласий следует обеспечить соответствие ст. 932 ГК РФ нормам ГК РФ, регламентирующим как последствия неисполнения, так и ненадлежащего исполнения договора.

Вместе с тем, не имеет под собой достаточных оснований рассмотрение нарушения договора с позиций деликтной ответственности, предполагающей выделение таких элементов состава правонарушения, как субъект, объект, субъективная и объективная сторона, учитывая тенденцию переосмысления сущности договорной ответственности, которая видится не в возмещении причиненного ущерба, а в предоставлении эквивалента исполнения [4], в том числе посредством страхования. Их необходимо рассматривать отдельно от понятия нарушения договора, для констатации которого достаточно установления факта противоречия поведения должника его условиям, что применительно страхованию означает определение обстоятельств, не признаваемых страховыми случаями. Так, страховое покрытие традиционно не распространяется на ущерб, возникший вследствие умысла страхователя, военных действий, забастовок, воздействия ядерного взрыва, действия непреодолимой силы или стихийного бедствия. Некоторые компании к этому добавляют эксплуатацию технически неисправных транспортных средств и оборудования.

Законодательным пробелом следует признать существующую неопределенность в вопросе определения объема страхуемой ответственности. Прежде всего, в литературе дискутируется возможность распространения страхового покрытия на неустойку, учитывая ее двойственную правовую природу как меры ответственности и способа обеспечения обязательства. Как правило, препятствий для этого специалисты не видят, хотя и отмечают, что страхование

неустойки не может не быть ограниченным из-за неготовности многих российских страховщиков и перестраховщиков предоставлять страховое и перестраховочное покрытие в этой части, а также невозможности размещения таких рисков за рубежом [5]. Впрочем, правилами страхования некоторых компаний уточняется, что под убытками (расходами) страхователя понимаются те расходы, которые он несет в связи с необходимостью полного восстановления нарушенного права третьих лиц, что подразумевает и покрытие неустойки.

А.А. Ножкина обращает внимание и на проблему страхования ответственности за невозврат аванса по договору при его расторжении. По ее мнению, страховое покрытие на эти случаи распространяться не должно, учитывая, что неосновательное удержание аванса должником следует квалифицировать как неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК), что делает невозможным рассмотрение его как договорной ответственности. Следует заметить, что Президиум ВАС РФ в свое время пришел к другому выводу, отметив, что вывод нижестоящих судов о том, что застрахованной является только собственно ответственность за неисполнение контракта, не соответствует условиям договора страхования, которым предусмотрено, что объектом страхования являются не противоречащие законодательству имущественные интересы общества, связанные с его обязанностью в порядке, установленном гражданским законодательством, возместить убытки, причиненные выгодоприобретателю нарушением (неисполнением или ненадлежащим исполнением) обязательств по контракту. По его мнению, размер страхового возмещения определяется не только исходя из размера понесенных выгодоприобретателем убытков, но и расходов, в частности, связанных с невозвратом (частичным невозвратом) авансированных страхователю в соответствии с контрактом средств. Другое толкование договора привело бы к констатации бессмысленности страхования в качестве предоставленного обеспечения исполнения контракта и возможности уклонения от выплаты страхового возмещения [6]. Позиция ВАС РФ представляется более обоснованной, учитывая, что расторжение договора лишь прекращает обязательства на будущее, не отменяя факт его заключения и не лишая стороны права требовать защиты нарушенных данным обстоятельством интересов.

Проблемой для правоприменителя иногда является и определение страхового случая, прежде всего, тогда, когда он достаточно отчетливо законодателем не сформулирован, хотя, как отмечает С.В. Дедиков, законодательное регулирование в этой части тоже далеко от идеала [7]. В тех случаях, когда законодатель не ограничивается простым упоминанием возможности страхования риска ответственности по договору, он преимущественно опирается на концепцию страхования факта установления ответственности, который увязывается с вступлением в законную силу решения арбитражного суда или признанием страховщиком факт причинения ущерба (ст. 24.7 Закона об оценочной деятельности), что скорее характерно для деликтной ответственности. При страховании ответственности по договору правильнее было бы устанавливать факт наступления страхового случая посредством признания его самим страхователем, а при отказе в этом – решением суда. Проблемы возникают и в ситуации, когда характеристика страхового случая дается в правилах страхования, что может создавать предпосылки для злоупотреблений, в том числе последующего произвольного толкования событий как охватываемого либо не охватываемого страхованием.

Перечень страховых случаев законодателем, как правило, не устанавливается. Исключение составляет Закон об основах туристкой деятельности, последняя редакция которого ограничила практику страхового покрытия ущерба, причиненного неисполнением туроператором своих обязательств по договору о реализации туристского продукта случаями прекращения деятельности туроператором (ч. 3 ст. 17.6).

Обоснованную критику вызывает отсутствие универсального законодательного решения проблемы отсроченного наступления ущерба, который, во-первых, может не сразу проявиться (например, при оценочной, аудиторской деятельности), оказавшись за пределами срока действия договора страхования, во-вторых, может требовать подтверждения решением

арбитражного суда, вступившим в законную силу (ч. 2 ст. 24.7 Закона об оценочной деятельности). Эту проблему предлагается решить с помощью включения трехлетнего расширенного периода, в течение которого выгодоприобретатель исходя из общего срока исковой давности может предъявить претензии по качеству оказанных ему услуг в общий срок действия договора страхования [7]. Пример его реализации можно найти в действующем законодательстве. Так, в Основах законодательства о нотариате закреплено положение о том, что договор страхования гражданской ответственности нотариуса заключается на срок не менее чем один год с условием возмещения имущественного вреда, причиненного в период действия данного договора, в течение срока исковой давности, установленного российским законодательством для договоров имущественного страхования. Кроме того, оговаривается, что договор может предусматривать более продолжительные сроки и иные не противоречащие закону условия возмещения такого вреда (абз. 4 ст. 18). Как представляется, подобные положения должны носить более универсальный характер.

В судебной практике вопрос о действительности исследуемого договора решается поразному. При этом сложно говорить о некой эволюции взглядов на данную проблему, поскольку суды нередко демонстрируют диаметрально противоположные позиции. В одном случае, суд признал ошибочным довод ответчика о недействительности заключенного договора в силу несоответствия его требованиям ст. 932 ГК РФ, указав на то, что в силу ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, которое в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Из буквального толкования положений спорного договора, признававшим страховым случаем возникновение обязанности у страхователя, осуществляющего деятельность в качестве экспедитора, возместить реальный ущерб, нанесенный перевозимому грузу в силу причин внезапного, непредвиденного и непреднамеренного характера и подтвержденных фактом предъявления страхователю обоснованных имущественных претензий (исков) со стороны лиц, имеющих имущественный интерес в перевозимом грузе, следовало, что объектом страхования по спорному договору является не риск ответственности за нарушение договора, а риск ответственности за убытки, причиненные третьим лицам в процессе осуществления деятельности страхователя в качестве перевозчика при организации перевозок [8].

Впрочем, пространство для подобного маневра реально существует, как правило, только при использовании в наименовании договора общей формулировки «страхования гражданской ответственности». Так, оценивая договор страхования общегражданской ответственности, предусматривавшем в качестве страхового случая причинение убытков в результате инцидента, аварийного и иное события, повлекших убытки третьих лиц, арбитражный суд пришел к выводу о том, что он является договором страхования ответственности за причинение вреда согласно ст. 931 ГК РФ. В силу этого возражения ответчика относительно того, что произошедшая авария не является страховым случаем по смыслу договора страхования при наличии между истцом и собственниками помещений договора на содержание и обслуживание жилого фонда, ненадлежащим образом исполненного истцом, были судом отклонены, поскольку подобное толкование договора страхования противоречит цели договора и волеизъявлению сторон, направленным на страхование рисков при причинении вреда, причиненного имуществу третьих лиц, что имело место по настоящему спору [9].

Впрочем, в другом деле, суд, установив, что заключенный сторонами договор по своей правовой природе является договором страхования риска ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств перевозчика по договору перевозки констатировал его ничтожность в силу ст. 168 ГК РФ и п. 1 ст. 932 ГК РФ, поскольку страхование ответственности по договору перевозки законом не предусмотрено [10]. Аналогичную позицию занял Арбитражный суд Уральского округа, который пришел к выводу, что исходя из положений ст. 929, 932 ГК РФ, ст. 6,7 Закона № 87-ФЗ, договор добровольного страхования, признавший страховым риском

ответственность экспедитора перед владельцем груза (клиентом, грузоотправителем) за его утрату, гибель и /или повреждение (кроме утраты груза в результате противоправных действий третьих лиц (кражи, грабежа, разбоя) на территории СНГ), по своей правовой природе относится к договорам страхования ответственности по договору. Было обращено внимание на то, что действующим законодательством возможность страхования договорной ответственности экспедиторов, осуществляющих деятельность по организации перевозок грузов автомобильным транспортом, не предусмотрена, а имущественный интерес в сохранении груза мог быть застрахован экспедитором путем заключения договора страхования груза, принятого к перевозке, но доказательства наличия соответствующих правоотношений, вытекающих из договора страхования, отсутствуют [11].

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам.

Риск ответственности за нарушение договора считается застрахованным в пользу стороны, перед которой по условиям этого договора страхователь должен нести соответствующую ответственность, – выгодоприобретателя, даже если договор страхования заключен в пользу другого лица либо в нем не сказано, в чью пользу он заключен.

Страховым случаем при страховании гражданской ответственности по договору является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страхователем факт неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, повлекший расходы страхователя, необходимые и достаточные для восстановления нарушенных прав третьих лиц.

Библиографические ссылки

1. Пылов К.И. Почему страхование риска ответственности за нарушение договора возможно только в случаях, предусмотренных законом? // Нормативное регулирование страховой деятельности. Документы и комментарии. 2007. № 1. С. 59-60.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 1998.
3. Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М. : Высшая школа, 1985.
4. Синявская М.С. Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.
5. Дедиков С.В. Основные проблемы страхования ответственности по договору // Цивилист. 2010. № 2. С. 58-64.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.11.2012 N 7884/12 по делу N А51-8184/2010 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 3.
7. Лебединов А.П. Соотношение страхования ответственности договорной и за причинение вреда // Юридическая и правовая работа в страховании. 2008. № 2. С. 47-55.
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2014 г. по делу № А32-5572/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/2x1eO18afBYX/.
9. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан (АС Республики Татарстан) от 19 ноября 2014 г. по делу № А65-22340/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/ PPi5iJpKPDog/.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа (ФАС СЗО) от 9 сентября 2011 г. по делу № А56-20729/2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41060042/.
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 ноября 2016 г. по делу № А07-24931/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/S5Zy3HLZwBYa/.

References

1. Pylov K.I. Pochemu strakhovaniye riska otvetstvennosti za narusheniye dogovora vozmozhno tol'ko v sluchayakh, predusmotrennykh zakonom? (Why is liability insurance for the breach of contract possible only in cases stipulated by law?), *Normativnoye regulirovaniye strakhovoy deyatel'nosti. Dokumenty i kommentarii*, 2007, No. 1, pp. 59-60.
2. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo (Contract law). Kn. 1: Obshchiye polozheniya. Moscow, 1998.
3. Sovetskoye grazhdanskoye pravo (Soviet civil law). T. 1, pod red. O.A. Krasavchikova. Moscow, Vysshaya shkola, 1985.
4. Sinyavskaya M.S. Narusheniye dogovornogo obyazatel'stva i yego pravovyye posledstviya: osnovnyye tendentsii v svete sravnitel'no-pravovogo analiza (Breach of contractual obligation and its legal consequences: the main trends in the light of the comparative legal analysis), avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moscow, 2007.
5. Dedikov S.V. Osnovnyye problemy strakhovaniya otvetstvennosti po dogovoru (The main problems of liability insurance under the contract), *Tsivilist*, 2010, No. 2, pp. 58-64.
6. Postanovleniye Prezidiuma VAS RF ot 20.11.2012 N 7884/12 po delu N A51-8184/2010 (Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 20, 2012 No. 7884/12 in case No. A51-8184 / 2010), *Vestnik VAS RF*, 2013, No. 3.
7. Lebedinov A.P. Sootnosheniye strakhovaniya otvetstvennosti dogovornoy i za prichineniye vreda (The ratio of liability insurance contractual and for causing harm), *Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii*, 2008, No. 2, pp. 47-55.
8. Postanovleniye Pyatnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 6 oktyabrya 2014 g. po delu № A32-5572/2014 (Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of October 6, 2014 in case No. A32-5572 / 2014). URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/2x1eO18afBYX/.
9. Resheniye Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan (AS Respubliki Tatarstan) ot 19 noyabrya 2014 g. po delu № A65-22340/2014 (The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan (AC of the Republic of Tatarstan) of November 19, 2014 in case No. A65-22340 / 2014). URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/ PPi5iJpKPDog/.
10. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga (FAS SZO) ot 9 sentyabrya 2011 g. po delu № A56-20729/2007 (Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District (FAC NWD) of September 9, 2011 in case No. A56-20729/2007). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41060042/.
11. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 24 noyabrya 2016 g. po delu № A07-24931/2015 (Resolution of the Arbitration Court of the Ural District on November 24, 2016 in case No. A07-24931/2015). URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/S5Zy3HLZwBYa/.

Дата поступления: 02.11.2018 *Received: 02.11.2018*

УДК 347.61/64

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

СКУЛОВА Ирина Александровна
аспирант кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: rina905@yandex.ru

Актуальной проблемой в российском обществе остается исполнение алиментных обязательств гражданами, которые в соответствии с законом обязаны выплачивать такое содержание. Принимаемые государством различные меры по борьбе с уклонением от исполнения алиментных обязательств дают результаты, но количество неплательщиков алиментов все еще высоко. На современном этапе в России остается неэффективным такой институт, как соглашение об уплате алиментов, хотя порядок заключения, исполнения, расторжения и признания недействительным данного соглашения четко регламентируется в Семейном кодексе РФ. Это связано, в том числе, с нежеланием лица, обязанного платить алименты, исполнять эту свою обязанность. Одним из способов изменения ситуации является внесение изменений в Семейный кодекс РФ, связанных с обязыванием обращаться в суд родителя, с которым остался ребенок и который отказывается от заключения соглашения об уплате алиментов или от обращения в суд о взыскании алиментов, а также делает вывод о необходимости создания государственного алиментного фонда, обеспечивающего поддержку тех получателей содержания, которым оно не поступает из-за уклонения от исполнения алиментных обязательств лиц, обязанных выплачивать алименты на содержание несовершеннолетних и совершеннолетних недееспособных граждан.

Ключевые слова: семейное право, алиментные обязательства, государственный, соглашение, уклонение, исполнение.

ALIMENTARY OBLIGATIONS IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE: LEGAL ASPECT

SKYLOVA Irina Alexandrovna
Postgraduate Student of the Department of Civil Law, International Private Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: rina905@yandex.ru

The actual problem in the modern Russian society is the fulfillment of alimentary obligations by citizens who, in accordance with the law, are obliged to pay such maintenance. In recent years, the state has taken various measures to combat alimentary obligations evasion, but the number of alimentary non-payers is still high. At the present stage, such an institution as an agreement on alimentary payment remains ineffective in the Russian Federation, although the procedure for entering into, enforcing, terminating and invalidating this agreement is clearly regulated in the Family Code of the Russian Federation. This situation is connected also to the unwillingness of the person obliged to alimentary payments to fulfill this duty. The author mentions making amendments to the Family Code of the Russian Federation as one of the ways to change the situation. These amendments are based on scientific proposals and related to binding to apply to court the parent with whom the child lives and who refuses to make an agreement on alimentary payment or to apply to court to recover maintenance. The author concludes that it is necessary to create a state alimentary fund, which provides support to those recipients of maintenance who do not receive it because of alimentary obligations evasion by persons obliged to alimentary payments to support minors and adult incapable citizens.

Key words: family law, alimentary obligations, state, agreement, evasion, execution.

Согласно ст. 80 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. При этом семейное законодательство предоставляет родителям свободу определения порядка и формы предоставления содержания своим несовершеннолетним детям. Одним из способов является предусмотренное законом соглашение об уплате алиментов, которое позволяет лицу, обязанному выплачивать алименты, и их получателю найти взаимовыгодные решения, связанные с предоставлением содержания детям. Соглашению об уплате алиментов посвящена отдельная глава 16 СК РФ. В соответствии со ст. 100 СК РФ к указанному соглашению предъявляются повышенные требования: оно заключается только в письменной форме, требует нотариального удостоверения и имеет силу исполнительного листа. Несоблюдение установленного законодательством порядка заключения такого соглашения влечет за собой признание его ничтожным, в том числе по основанию, предусмотренному п. 3 ст. 163 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Как следует из ст. 101 СК РФ, к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы ГК РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок. Изменить или расторгнуть соглашение об уплате алиментов можно в любое время, но только по взаимному согласию сторон и в той же письменной форме с нотариальным удостоверением. Законодатель особо подчеркнул, что односторонний отказ от исполнения рассматриваемого соглашения или одностороннее изменение его условий не допускаются. Отдельно в СК РФ предусмотрена возможность изменения или расторжения соглашения об уплате алиментов в судебном порядке, когда материальное или семейное положение сторон изменилось и они не могут договориться об изменении или о расторжении соглашения.

Посредством норм ст. 102, 103 СК РФ в СК РФ устанавливаются дополнительные гарантии прав получателей алиментов по рассматриваемому соглашению. Так, соглашение об уплате алиментов может быть признано недействительным в судебном порядке, в случае если интересы несовершеннолетнего ребенка или совершеннолетнего недееспособного члена семьи существенно нарушены. При этом в ст. 103 СК РФ особо выделяется предусмотренный соглашением размер алиментов: он не может быть ниже размера алиментов, которые получатель мог бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке в соответствии со ст. 81 СК РФ, т.е. одной четверти на одного ребенка, одной трети на двух детей, половины заработка и (или) иного дохода родителей на трех и более детей. Как видно из сказанного, правовое регулирование порядка заключения, изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов можно считать эффективным, поскольку законодателем учтены интересы сторон и обеспечены гарантии защиты прав и законных интересов получателей алиментов.

Таким образом, соглашение об уплате алиментов, на наш взгляд, является оптимальным решением вопроса о содержании несовершеннолетних детей или совершеннолетних недееспособных членов семьи, поскольку обеспечивает реализацию принципов добровольности и добросовестности сторон. Необходимо отметить, что в случае возникновения затруднений в процессе заключения соглашения, связанных с недостижением сторонами компромисса они могут обратиться к процедуре медиации, порядок проведения которой регулируется Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». К сожалению, на практике соглашение об уплате алиментов встречается крайне редко, что, очевидно, во многих случаях связано с изначальным желанием лица, обязанного платить алименты, уклониться от выполнения этой обязанности. Принимаемые в последние годы меры по борьбе с уклонением от исполнения алиментных обязательств, безусловно, дают положительные результаты, но количество неплательщиков алиментов все еще высоко. В данном контексте трудно не согласиться с А.А. Васильевым, считающим, что «отсутствие осознания долга родителей перед ребенком никогда нельзя будет решить только мерами принудительного исполнения» [1, с. 20]. В связи с этим целесообразно внести в семейное законодательство некоторые изменения, которые позволят повысить защиту

получателей и ответственность плательщиков алиментов. Нужно отметить, что предложения таких изменений неоднократно озвучивались специалистами.

В частности, Н.В. Кравчук в работе «Обеспечение права детей на получение алиментов: проблемы и пути их решения» [2] выступила с предложением следующих новелл в СК РФ:

1. Заменить закрепленное в ст. 106 СК РФ право обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов на обязанность. При этом автор приводит в пользу своего предложения весьма убедительные аргументы: «В настоящее время обращение в суд в целях взыскания алиментов, предусмотренное Семейным кодексом РФ, не является обязанностью родителя. Это приводит к тому, что матери/отцы зачастую не обращаются в суд, с тем чтобы избежать конфликта со вторым родителем ребенка в надежде заключить с ним соглашение об алиментах в будущем» [2, с. 41]. Однако заключение соглашения об уплате алиментов, как уже отмечалось, – явление в современной России очень редкое.

2. «Необходимо предусмотреть в законодательстве меру ответственности узконаправленного характера, не связанную с ограничением или прекращением общения ребенка с родителем, а именно: закрепить положение о том, что в случае отказа родителя, проживающего совместно с ребенком от средств, предназначенных для содержания ребенка или уклоняющегося от составления соглашения об алиментах или от обращения в суд, родитель несет ответственность, предусмотренную законодательством» [2, с. 41–42].

Н.В. Кравчук, не ограничиваясь общими рассуждениями, предлагает новые редакции соответствующих статей СК РФ [2, с. 42–43].

Полагаем, что приведенные выше предложения заслуживают самого пристального внимания законодателя, поскольку они позволяют стимулировать родителя, оставшегося с ребенком, на отстаивание интересов последнего. Отказ от обращения в суд при отсутствии содержания от лица, обязанного по закону платить алименты, нарушает права ребенка или недееспособного человека на получение установленного законодательством содержания.

Однако реализация указанных предложений – лишь часть проблемы, которую необходимо решать комплексно. По справедливому замечанию Л.К. Рашитовой и Т.В. Георгиади, «главное в обеспечении детей алиментами не их назначение, а реальное получение. Среди тех женщин, которым после развода алименты назначались судом, 56% получали их, а 44% – нет» [3, с. 35]. Эти же авторы считают, что «сделать систему комплексной и эффективной способна объединительная структура – государственный алиментный фонд (ГАФ). Основная функция ГАФ – специальная выплата по заявлениям разведенных супругов об уклонении от уплаты алиментов в период розыска неплательщика» [3, с. 36], а «в идеале – обеспечение всем семьям государственного минимального стандарта алиментов» [4, с. 46]. Как представляется, в сложившихся условиях российской действительности в сфере исполнения алиментных обязательств создание указанного фонда значительно облегчит положение лиц, имеющих право на получение содержания, но не получающих его.

Таким образом, действующее семейное законодательство в части алиментных обязательств требует совершенствования. В частности, необходимо исключить из практики взаимоотношений бывших супругов факультативность выплат на содержание ребенка. Мотивация поведения родителя, с которым остался ребенок (чаще всего это мать) и который отказывается от заключения соглашения об уплате алиментов или от обращения в суд о взыскании алиментов, не имеет значения, поскольку в этом случае ущемляются права и законные интересы ребенка. В связи с этим необходимо обязать такого родителя обращаться в суд, если нет соглашения об уплате алиментов или содержание не выплачивается (независимо от наличия указанного соглашения). Не исключаем также возможности возложения на разводящихся супругов обязанности (именно обязанности) заключения соглашения об уплате алиментов, в том числе с помощью процедуры медиации, а в случае отсутствия такого соглашения возложения на суд обязанности назначать алименты, независимо от желания сторон.

В области практической реализации права на получение алиментов поддерживаем идею создания государственного алиментного фонда, который будет обеспечивать поддержку тех получателей содержания, которым оно не поступает из-за уклонения от исполнения алиментных обязательств лиц, обязанных выплачивать алименты на содержание несовершеннолетних и совершеннолетних недееспособных граждан.

Библиографические ссылки

1. Васильев А.А. Проблемные вопросы принудительного взыскания алиментов и альтернативные пути сохранения благополучия детей // Практика исполнительного производства. 2014. № 3. С. 14-25.
2. Кравчук Н.В. Обеспечение права детей на получение алиментов: проблемы и пути их решения / АНО «Совет по вопросам управления и развития». М. : ООО «Деловые и юридические услуги “ЛексПраксис”», 2014.
3. Рашитова Л.К., Георгиади Т.В. Правовые проблемы получения алиментов на детей в Российской Федерации // Перспективы науки. 2017. № 12(99). С. 35-37.
4. Рашитова Л.К. Проблемы правового регулирования алиментных обязательств родителей // Наука Красноярья. 2016. № 3-2 (26). С. 39–48.

References

1. Vasil'yev A.A. Problemnyye voprosy prinuditel'nogo vzyskaniya alimentov i al'-ternativnyye puti sokhraneniya blagopoluchiya detey (Problem issues of enforcing recovery of alimony and alternative ways to preserve the well-being of children), *Praktika ispolnitel'nogo proizvodstva*, 2014, No. 3, pp. 14-25.
2. Kravchuk N.V. Obespecheniye prava detey na polucheniye alimentov: problemy i puti ikh resheniya (Ensuring the right of children to receive alimony: problems and their solutions), ANO «Sovet po voprosam upravleniya i razvitiya». Moscow, OOO «Delovyye i yuridicheskiye uslugi “LeksPraksis”», 2014.
3. Rashitova L.K., Georgiadi T.V. Pravovyye problemy polucheniya alimentov na detey v Rossiyskoy Federatsii (Legal problems of child support getting in the Russian Federation), *Perspektivy nauki*, 2017, No. 12(99), pp. 35-37.
4. Rashitova L.K. Problemy pravovogo regulirovaniya alimentnykh obyazatel'stv rod-teley (Problems of legal regulation of alimentary obligations of parents), *Nauka Krasnoyar'ya*, 2016, No. 3-2 (26), pp. 39–48.

Дата поступления: 02.10.2018 *Received: 02.10.2018*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

БЫКОВА Энже Фаузелевна
аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия. E-mail: contur-garant@yandex.ru

PROBLEMS AND THEIR SOLUTIONS WHILE APPOINTING LEGAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

BYKOVA Enzhe Fauselevna
Postgraduate Student of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: contur-garant@yandex.ru

УПК РФ и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяются основания и порядок назначения судебных экспертиз по уголовным делам. Они устанавливают права и ответственность лиц, принимавших участие в производстве судебной экспертизы, их правоотношения, содержание процессуальных документов, регламентируют вопросы, связанные с порядком назначения и производства экспертиз. Назначение экспертизы по уголовным делам регламентируется ст. 283 УПК РФ. Необходимость назначения судебной экспертизы в ходе производства по делу в суде существенно зависит от процессуальной ситуации. Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Уже с определения понятия судебного эксперта начинаются проблемы с назначением судебной экспертизы, и ошибки при производстве судебных экономических экспертиз. В законодательстве, регламентирующем назначение и производство судебных экспертиз, не установлены требования о наличии высшего профессионально-профильного образования для всех (государственных, негосударственных) судебных экспертов. Требование к образованию распространяется только на сотрудников государственных экспертных учреждений. В уголовном судопроизводстве судебный эксперт должен иметь не

CPC (Criminal Procedure Code) of the Russian Federation and Federal Law "On State Forensic Activities in the Russian Federation" set out the grounds and order for the appointment of forensic expertise in criminal cases. These normative documents establish the rights and responsibilities of persons participating in forensic expertise, their legal relations, the content of the main procedural documents; they regulate issues concerning the order of appointment and production of expertise. The appointment of expertise in criminal cases is regulated by article 283 of CPC RF. The necessity to appoint a forensic expertise during the proceedings in court depends mainly on the procedural situation. According to part 3, art. 240 of CPC RF, the court verdict can be based only on the evidence investigated in court. Already from the definition of the concept of forensic expert, problems connected with the appointment of forensic expertise, and errors, in particular in the production of forensic economic expertise, occur. The legislation, regulating appointment and production of forensic expertise, does not establish qualifications of higher professional education for all (state, non-state) forensic experts. The education qualifications apply only to employees of state expert institutions. In criminal proceedings, a forensic expert must have not only special knowledge, but also higher economic education, since a specialist with the qualification and experience in the position of accountant having no higher economic

только специальные знания, но и высшее экономическое образование, поскольку специалист, имеющий квалификацию и опыт работы в должности бухгалтера и не имеющий высшего экономического образования, при рассмотрении уголовного дела, например, о банкротстве, не сможет провести всестороннее и полное экспертное исследование.

education, when dealing with a criminal case, for example, bankruptcy, will not be able to conduct a comprehensive and complete expert investigation.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экономическая экспертиза, экспертные методики, уголовное судопроизводство.

Key words: forensic expertise, forensic economic expertise, expert techniques, criminal proceedings.

Судебная экономическая экспертиза назначается для решения задач, касающихся финансовой деятельности организации, определения финансового состояния, соблюдения законодательных актов, регулирующих финансовые отношения между контрагентами, с государственным бюджетом и иными участниками финансового рынка. Р.С. Белкин подчеркивал, что «доказательственное значение заключения эксперта зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования» [2, с. 51]. Однако, как показывает практика, при проведении судебно-экономических экспертиз нередко допускаются экспертные ошибки. По данным статистики, результаты каждого пятого экономического экспертного исследования документов затрудняли выявление или раскрытие преступления, результаты каждой шестой судебной экономической экспертизы не способствовали установлению причастности лиц к совершению преступления [2, с. 52].

Основания и порядок назначения судебных экспертиз по уголовным делам определяются УПК РФ и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данные нормативные документы устанавливают права и ответственность лиц, принимавших участие в производстве судебной экспертизы, их правоотношения, содержание основных процессуальных документов, регламентируют вопросы, связанные с порядком назначения и производства экспертиз. Как отмечают Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина, сущность судебной экспертизы состоит в анализе по заданию суда сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела [6, с. 6]. Назначение экспертизы по уголовным делам регламентируется ст. 283 УПК РФ. Потребность назначения судебной экспертизы в ходе производства по делу в суде значительно зависит от процессуальной ситуации. Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан только на доказательствах, исследованных в судебном заседании. Судебные экспертизы, в частности судебно-экономические экспертизы, могут проводиться государственными и негосударственными экспертами. Государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей (ст. 11, 12 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»). Негосударственные судебно-экспертные учреждения – это некоммерческие организации, созданные в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с положениями собственного устава [3, с. 6].

Согласно Постановлению Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» к негосударственным (или иным) экспертам относятся лица, которые обладают специальными знаниями и не работают в судебно-экспертных учре-

ждениях, а также сотрудники негосударственных судебно-экспертных учреждений. Следует отметить, что уже с определения понятия судебного эксперта начинаются проблемы с назначением судебной экспертизы, и ошибки в частности при производстве судебных экономических экспертиз. А.А. Савицкий выделяет следующие ошибки при производстве судебных экономических экспертиз:

- процессуальные;
- гносеологические;
- деятельностные (операционные) [4, с. 493].

Л.П. Климович отмечает отсутствие типовых и стандартизированных методик, единства нормативно-правового обеспечения в судебно-экспертных учреждениях, а также делает вывод о несовершенстве существующих нормативных основ производства судебных экономических экспертиз [3, с. 120]. Следует согласиться с выводами А.А. Савицкого и Л.П. Климович. Однако экспертная практика показывает, что наличие типовых и стандартизированных методик не решит проблемы, возникающие при проведении судебно-экономической экспертизы, т.к. на практике встречаются «нетиповые» финансово-хозяйственные операции.

Автору нередко приходилось сталкиваться с исследованиями, проведенными лицами, обладающими специальными знаниями. Так, одно из исследований было назначено в рамках расследования преступления в сфере экономики, а именно необходимо было рассчитать рыночную стоимость чистых активов хозяйствующего субъекта. Экспертное исследование, которое проводило лицо, обладающее специальными знаниями, со слов лица, назначившего экспертизу, привело в тупик само расследование. Важным моментом в решении поставленной задачи являлось то, что это был не типовой расчет рыночной стоимости активов. Задача включала в себя несколько финансовых периодов, в которых выводились активы, заключались контракты без согласования с собственниками хозяйствующего субъекта, менялась форма ведения бухгалтерского учета и т.д. По результатам повторного исследования было установлено, что лицо, обладающее специальными знаниями, которое проводило экспертное исследование, допустило ряд существенных ошибок. Первая заключалась в том, что при расчете рыночной стоимости активов хозяйствующего субъекта эксперт применил подходы, обычно используемые в оценочной деятельности, которые недопустимы в судебной экспертной деятельности: доходный, основанный на предположениях; сравнительный; затратный. А поскольку доказательственное значение заключения эксперта зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, то никакие предположения в судебно-экспертной деятельности недопустимы. Кроме того, при производстве судебно-экономической экспертизы сравнительный подход может использоваться с существенными ограничениями. Эксперт не в праве самостоятельно собирать объекты для исследования, принимать допущения, делать вероятностные выводы и т.д. Поэтому, было установлено, что общепринятые подходы, применяемые в оценочной деятельности, были недопустимо применены при проведении судебной экспертизы.

Вторая ошибка заключалась в том, что в экспертном исследовании отсутствовали вопросы, характеризующие особенности ведения бухгалтерского учета: организационно правовую форму хозяйствующего субъекта, порядок ведения бухгалтерского учета в исследуемом периоде и др.

Третья ошибка – отсутствие в экспертном исследовании указания методики его проведения. Как отмечает А.А. Савицкий, использование неподтвержденных методик при проведении исследования ведет к недостоверным выводам [3, с. 508]. Также следует отметить, что в законодательстве, регламентирующем назначение и производство судебных экспертиз, не установлены требования о наличии высшего профессионально-профильного образования для всех (государственных, негосударственных) судебных экспертов. Требование к образованию распространяется только на сотрудников государственных экспертных учреждений.

По нашему мнению, в уголовном судопроизводстве судебный эксперт должен иметь не только специальные знания, но и высшее экономическое образование, поскольку специалист, имеющий квалификацию и опыт работы в должности бухгалтера и не имеющий высшего экономического образования, при рассмотрении уголовного дела, например о банкротстве, не сможет провести всестороннее и полное экспертное исследование.

Следует согласиться с Ф.Г. Аминевым [1, с. 6], который предлагает следующее определение понятия специальных знаний – это система знаний в определенной узкой области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате соответствующего образования и профессионального опыты работы, необходимых для решения вопросов, возникших в ходе уголовного, гражданского, арбитражного судопроизводства, а также при проверке сообщения о преступлении. Добавим, что эксперт-экономист должен иметь не только знания в определенной узкой области науки, полученные в результате соответствующего экономического образования, но и профессиональный опыты работы не менее 5 лет. Считаем, что 5 лет практики – это срок, соразмерный обучению в высшем учебном заведении.

Следующая проблема при назначении судебно-экономической экспертизы заключается в отсутствии общепризнанной утвержденной единой квалификации судебных экспертиз, для производства которых требуется применение специальных экономических знаний.

Известно, что основанием при назначении экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве служит потребность в применении специальных экономических знаний для оказания содействия органам следствия, суда в решении вопросов. К сожалению, в настоящее время отсутствуют общепризнанные утвержденные единые квалификации судебных экспертиз, что приводит к типичным ошибкам при назначении экспертизы. Например, перед экспертом-экономистом при назначении экспертизы нередко ставятся вопросы, которые выходят за рамки специальных знаний, что противоречит п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Это вопросы о причинении материального ущерба [5, с. 494]. А.А. Савицкий утверждает, что вопросы к эксперту-экономисту, касающиеся определения ущерба, являются позволительными, потому что значительный ущерб – это исключительно оценочный признак.

На практике часто появляются вопросы, носящие правовой характер, например, о нарушении действующего законодательства, нормативных актов и т.п. Современные правовые и экономические реалии в России с трудом позволяют установить виновность лица в совершении экономических преступлений. Следовательно, участие высококвалифицированных специалистов-экспертов в сфере экономики при расследовании уголовных дел обязательно. Однако нередко (и это следующая проблема) суды не прибегают к помощи указанных специалистов, несмотря на то, что назначение экспертизы – основная форма использования специальных познаний при расследовании преступлений, а заключение эксперта является одним из ключевых документов, лежащих в основе обвинения по уголовным делам о преступлениях в налоговой и экономической сфере [7, с. 67]. Следовательно, актуальна проблема обязательного назначения и проведения судебно-экономической экспертизы при расследовании уголовных дел.

Обобщая теорию и практический опыт, следует отметить, что проблемы методического обеспечения в судебно-экономической экспертизе остаются актуальными и требуют скорейшего решения. Также актуальной остается проблема компетентных специалистов, лиц, обладающих специальными знаниями и опытом при проведении судебной экономической экспертизы. В заключение отметим, что, к сожалению, в российском законодательстве еще присутствуют так называемые черные дыры при назначении судебно-экономических экспертиз. Радует, что сообщество квалифицированных судебных экспертов в сфере экономики растет, проблемы, с которыми сталкиваются эксперты, обсуждаются и, следовательно, остается надежда на реформирование судебно-экспертной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебной деятельности в Российской Федерации // Юристъ-правоведъ. 2016. № 3 (76). С. 5–12.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001.
3. Виноградова М.М. Заключение судебного эксперта-экономиста : методические рекомендации по составлению и оформлению. М. : СУДЭКС, 2015.
4. Галкин Д.В. О классификации и проблемах назначения экономических экспертиз при расследовании преступлений, связанных с уплатой налога на добавленную стоимость // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспеченния, стандпртизация судебно-экспертной деятельности : материалы науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2016.
5. Климович Л.П. Научные основы современной судебной экономической экспертизы : монография. М., 2015.
6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика. Типичные вопросы и нестандартные ситуации. М. : Проспект, 2016.
7. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2016.

References

1. Aminev F.G. O nekotorykh problemakh integratsii nauchno-metodicheskogo i organizatsionnogo obespecheniya sudebnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii (On some problems of the integration of scientific, methodological and organizational support of judicial activities in the Russian Federation), *Yurist"-pravoved*", 2016, No. 3 (76), pp. 5–12.
2. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki (Forensics course). 3-ye izd., dop. Moscow, 2001.
3. Vinogradova M.M. Zaklyucheniye sudebnogo eksperta-ekonomista (The conclusion of the forensic expert economist), Metodicheskiye rekomendatsii po sostavleniyu i oformleniyu. Moscow, SUDEKS, 2015.
4. Galkin D.V. O klassifikatsii i problemakh naznacheniya ekonomicheskikh ekspertiz pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s uplatoy naloga na dobavlennuyu stoimost' (On the classification and problems of the appointment of economic examinations in the investigation of crimes related to the payment of value added tax), *Problemy klassifikatsii sudebnykh ekspertiz, sertifikatsii i validatsii metodicheskogo obespechenniya, standprtizatsiya sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti*, materialy nauch.-prakt. konf. Moscow, Prospekt, 2016.
5. Klimovich L.P. Nauchnyye osnovy sovremennoy sudebnoy ekonomicheskoy ekspertizy (The scientific basis of modern judicial economic expertise), monografiya. Moscow, 2015.
6. Rossinskaya Ye.R., Galyashina Ye.I. Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya ekspertiza. Teoriya i praktika. Tipichnyye voprosy i nestandartnyye situatsii (Handbook of the judge. Forensic examination. Theory and practice. Typical questions and non-standard situations). Moscow, Prospekt, 2016.
7. Sudebnaya ekspertiza: tipichnyye oshibki (Forensic examination: typical mistakes), pod red. Ye.R. Rossinskoy. Moscow, Prospekt, 2016.

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 343

ШТРАФ – САМОЕ МЯГКОЕ НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

IS THE FINE THE MILDEST PUNISHMENT FOR A CRIME?

САГИТДИНОВА Зульфия Индусовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: 13101980@mail.ru

SAGITDINOVA Zulfia Indusovna
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: 13101980@mail.ru

Успешная борьба с преступлениями предполагает не только привлечение виновного лица к уголовной ответственности и назначение ему справедливого наказания, но и эффективность последнего, то есть обеспечение достижения целей уголовного наказания. Штраф в ст. 44 Уголовного кодекса РФ предусмотрен в качестве самого мягкого вида наказания. Проведенный автором анализ показал, что штраф по своему карательному содержанию не может быть отнесен к самому мягкому виду наказания за преступление, вследствие чего эффективность (исполнимость) данного вида наказания весьма низка. Автором предлагаются пути повышения эффективности уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания.

Ключевые слова: штраф, наказание, эффективность, достижение целей наказания.

Successful crime fighting includes bringing the guilty person to criminal responsibility and giving him a fair punishment as well as the effectiveness of this punishment. This means the ensuring the achievement of purposes of criminal punishment. In the Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation a fine is provided as the mildest punishment. However, the analysis carried out by the author shows that the fine in its punitive content cannot be attributed to the mildest punishment for a crime, as a result of which the effectiveness (feasibility) of this punishment is very low. The author proposes some ways to increase the efficiency of paying the fine, appointed as the main punishment.

Key words: fine**,** punishment, effectiveness, achievement of purposes of punishment.

Гуманизация уголовной политики государства продолжает оставаться «трендом» современности. При этом основанием для выбора этого направления развития уголовной политики выступает не только гуманное отношение к человеку, но также признание государством неэффективности традиционных мер противодействия преступности, связанных с лишением свободы (неэффективности как в плане недостижения целей уголовного наказания, так и в разрезе затратности бюджетных средств на исполнение наказаний, связанных с изоляцией от общества). Поэтому вполне логично, что Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала государствам-участникам разрабатывать «меры, не связанные с тюремным заключением, в рамках своих правовых систем с целью обеспечения других возможностей, сокращая тем самым применение тюремного заключения, и с целью рационализации политики в области уголовного правосудия с учетом необходимости соблюдения прав человека, требований социальной справедливости и потребностей правонарушителя в отношении возвращения к нормальной жизни в обществе» [1]. Во исполнение данной рекомендации в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [2] в качестве одной из поставленных задач указано расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы.

Тем не менее, статистика свидетельствует об обратном. За последние 5 лет (2012–2017 гг.) «лидером» по количеству осужденных продолжает оставаться лишение свободы:

оно однозначно занимает первое место среди наказаний, назначенных лицам, совершившим преступления. Если же количество осужденных к реальному лишению свободы суммировать с количеством осужденных к лишению свободы условно, то получится, что каждый год более 50% осужденных было назначено лишение свободы в той или иной форме. Проиллюстрируем наши выводы на основе статистических данных[1].

Год	Количество осужденных всего, чел.	Количество осужденных к лишению свободы, чел.	Количество осужденных к лишению свободы условно, чел.	Общее количество осужденных к лишению свободы (реально + условно), чел.	Общее количество осужденных к лишению свободы (реально + условно), % от общего числа осужденных
2012	739 278	206 254	221 908	428 162	58
2013	735 590	209 709	201 550	411 259	56
2014	719 305	207 095	197 407	404 502	56
2015	733 607	211 170	170 657	381 827	52
2016	740 380	206 134	185 095	391 229	53
2017	697 174	200 204	177 048	377 252	54

Таким образом, более 50% осужденных ежегодно суды продолжают назначать лишение свободы в той или иной форме. Что же касается наказаний, не связанных с лишением свободы, то лидером среди них до последнего времени оставался штраф: в 2012 г. к штрафу (в качестве основного наказания) было осуждено 113358 человек, в 2013 г. – 116214 человек, в 2014 г. – 112160 человек, в 2015 г. – 86320 человек соответственно. Но с 2016 г. штраф начал уступать свои «лидерские» позиции обязательным работам: к последним было осуждено 142 084 человек, в то время как к штрафу – 100348 человек. В 2017 г. такое соотношение между обязательными работами и штрафом сохранилось: 90425 человек, осужденных к штрафу в качестве основного наказания, против 128279 осужденных к обязательным работам.

Стоит только приветствовать назначение судами штрафа. И не столько потому, что штраф de jure самый мягкий вид наказания (de facto, к сожалению, вряд ли можно считать его таковым, но об этом ниже), сколько по экономическим причинам. Штраф – один из немногих видов наказаний, которые могут в той или иной мере компенсировать затраты государства и общества в лице налогоплательщиков на привлечение виновного к уголовной ответственности и исполнение приговора. По мнению экономистов, наказания с «экономическим» содержанием, являясь на первый взгляд, мягкими, оказываются весьма действенными: «Полезность штрафов как метода наказания сводится к тому, что доход преступника сокращается, но доход непреступников (имеются ввиду правопослушные граждане – налогоплательщики – прим. З.С.) не снижается либо даже увеличивается» [3]. Совсем иная ситуация с лишением свободы: как правило, издержки непреступников на отправление правосудия и исполнение приговора (читай: содержание осужденного в местах лишения свободы) превышают издержки преступников. Об этом писал еще нобелевский лауреат Г. Беккер: «… Домашний надзор (пробация) и лишение свободы поглощают ресурсы общества, а штрафы – нет, поскольку штрафы – это, по сути, просто трансфертные платежи, тогда как прочие виды наказаний требуют использования общественных ресурсов в виде охранников, надзирателей, участковых, да и времени самого правонарушителя» [4]. Следовательно, государство и общество должны быть экономически заинтересованы в широком применении штрафа в качестве наказания.

Штраф предусмотрен в Уголовном кодексе РФ [5] (далее – УК РФ) в качестве уголовного наказания. Им открывается система уголовных наказаний России (ст. 44 УК РФ), тем

самым, штраф de jure считается самым мягким видом наказания. В то же время является ли штраф таковым de facto, а также какова эффективность данного наказания, в том числе с экономической точки зрения – ответы на эти вопросы мы постараемся дать ниже. В соответствии со ст. 46 УК РФ штраф – это денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных УК РФ. В уголовном законе закреплены шесть способов исчисления штрафа:

1) штраф, исчисляемый в твердо денежной сумме, не зависимой от дохода осужденного;

2) штраф, исчисляемый в размере заработной платы осужденного за определенный период;

3) штраф, исчисляемый в размере иного дохода осужденного за определенный период;

4) штраф, исчисляемый в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки;

5) штраф, исчисляемый в величине, кратной сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов;

6) штраф, исчисляемый в величине, кратной сумме подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [6] при любом способе исчисления штраф должен быть определен в виде денежного взыскания. В резолютивной части приговора следует указывать способ исчисления штрафа и сумму штрафа в денежном выражении. Законодатель для каждого из способов исчисления предусмотрел в ст.46 минимальный и максимальный пределы штрафа в твердой денежной сумме: при первых трех способах – от 5 тыс. до 5 млн руб., при трех последних – от 25 тыс. до 500 млн руб.

За двадцать один год действия УК РФ отношение законодателя к штрафу изменялось.

Во-первых, расширился и продолжает расширяться список способов исчисления штрафа: от трех вначале (в размере, соответствующем определенному количеству минимальных размеров оплаты труда, установленных законодательством РФ на момент назначения наказания, либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период) до шести сейчас (с возможной перспективой дополнения еще одним способом: «в величине, кратной сумме незаконного обогащения» [7]).

Во-вторых, увеличиваются минимальный и максимальный размеры штрафа. На момент вступления в законную силу УК РФ минимальный и максимальный размеры штрафа исчислялись в МРОТах: штраф устанавливается в размере от двадцати пяти до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда. На 1 января 1997 г. один МРОТ составлял 83490 (неденоминированных [8]) руб. [9]. Таким образом, с учетом деноминации минимальный размер штрафа составлял 2087, 25 деноминированных рублей, а максимальный – 83490 деноминированных рублей. Если же за основу взять действующий минимальный размер оплаты труда, а именно – 9489 руб. [10], то минимальный размер штрафа составил бы 237225 руб. (25∗9489), а максимальный – 9489000 руб. (1000∗9489). В сравнении с размерами штрафа, предусмотренными в действующей редакции ст.46 УК РФ, законодатель сократил пределы штрафа, за исключением штрафа, исчисляемого в величине, кратной сумме кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, сумме подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Конечно, данное сравнение не совсем корректно, поскольку изначально необходимо учитывать уровень инфляции рубля [11], а потому насколько «подешевел» или «подорожал» штраф можно узнать, только рассчитав какова «стоимость» на данный момент 2087, 25 (неденоминированных) руб. и 83490 (неденоминированных) руб. (минимального и максимального размеров штрафа на 01 января 1997 г.). Согласно

калькулятору ценности денег (покупательной способности денег), размещенном на сайте «Инфляция в России», 2087, 25 руб. в 1997 г. соответствуют 0,12 руб. в 2018 г., 83490 (неденоминированных) руб. в 1997 г. соответствуют 4,86 руб. в 2018 г. [11]. Таким образом, увеличение размеров штрафа вполне логично с позиции роста инфляционных процессов в России.

В-третьих, увеличилось количество составов, наказуемых самым мягким видом наказания. Мы проанализировали все основные составы преступлений, предусмотренные в Особенной части УК РФ. На 1 января 1997 г. всего 155 преступлений были наказуемы штрафом. На данный момент таких преступлений почти в два раза больше – 281.

Казалось бы, данное законодательное расширение списка преступлений, за совершение которых можно назначить самое мягкое наказание, нельзя не оценить положительно: прослеживается явная попытка законодателя сориентировать суды на назначение наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Однако назначить мягкое наказание – это полдела. Более важно его исполнение, которое и отражает суть эффективности назначенного уголовного наказания [12, с. 228]. Порядок исполнения штрафа предусмотрен ст. 46 УК РФ, ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса РФ [13] (далее – УПК РФ), главой 5 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [14] (далее – УИК РФ), главой 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [15].

Если судом не предоставлена отсрочка уплаты штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ) либо рассрочка штрафа (ч. 3 ст. 46 УК РФ), то штраф подлежит уплате в течение 60 дней с момента вступления приговора суда в законную силу. В случае неуплаты штрафа в указанный выше срок, осужденный признается в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Правовым последствием признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ является замена штрафа иным наказанием, кроме лишения свободы. Это правило не распространяется на осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа назначенного в размере исчисляемом, исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки: в данном случае суд заменяет штраф наказанием в пределах санкции, предусмотренной статьей Особенной части УК РФ, при обязательном условии, что назначенное наказание не должно быть условным.

Эффективность применения штрафа, назначенного в качестве основного наказания, можно оценить, только обратившись к статистике выплаты в доход государства суммы назначенного штрафа.

Год	Суммы штрафов, руб.		Доля уплаченных добровольно и взысканных сумм штрафов в общей суммы наложенных штрафов, %
	Наложено	Уплачено добровольно и взыскано принудительно	
2012	4 686 671 208	834 960 504	18
2013	3 576 880 136	985 009 688	28
2014	3 957 726 343	1 233 258 791	31
2015	4 689 421 652	1 026 173 261	22
2016	4 521 782 186	1 345 996 695	30
2017	3 924 445 147	1 277 062 576	32

Как видно из таблицы, исполняемость приговоров к штрафу, назначенного в качестве основного наказания (то есть взыскание присужденных денежных сумм в доход государства), не превысила одной трети от общей суммы всех штрафов, наложенных судом в отчетном периоде. Следовательно, две трети наложенных штрафов не поступят в бюджет государства, а

осужденным к ним лица, будучи признанными злостно уклоняющимися, суд должен заменить штраф иным видом наказания.

Однако статистика ходатайств о замене штрафа иными видами наказаний, не связанными с лишением свободы (в случае замены штрафа, не кратного стоимости предмета или сумме взятки или коммерческого подкупа), не свидетельствует о «популярности» таковой замены: в среднем удовлетворяется не более 30% подобных ходатайств. Еще меньше удовлетворенных ходатайств о замене «кратного» штрафа лишением свободы (менее 20%) [16].

Таким образом, весьма низкий процент добровольной уплаты и взыскания в доход государства штрафа, назначенного в качестве основного наказания, свидетельствует о неэффективности данного уголовного наказания – самого мягкого из предусмотренных в действующем уголовном законе. Во-первых, нивелируется сама суть штрафа, обозначенного законодателем в качестве денежного взыскания. Если сумма штрафа не может быть взыскана – в чем тогда карательная сущность наказания? Во-вторых, штраф перестает быть «компенсаторным» видом наказания: снижается уровень возмещения государственных затрат на судопроизводство. А в случае с заменой штрафа иным видом наказания – расходы государства еще и увеличиваются. В-третьих, при невозможности заменить штраф злостно уклоняющемуся от его уплаты иным видом наказания, в том числе лишением свободы, наказание в принципе остается неисполненным, а цели наказания недостигнутыми. В-четвертых, при сохранении такой тенденции осуждение к штрафу за преступление станет выгодным лицам, совершившим преступление, в отличие от лиц, подвергнутых административному наказанию в виде штрафа (поскольку неуплата административного штрафа в срок влечет привлечение к административной ответственности с назначением либо административного штрафа в двойном размере либо более строгого административного наказания, при этом обязанность по уплате суммы первоначально назначенного административного штрафа сохраняется).

Нельзя не вспомнить слова знаменитого философа эпохи Просвещения Чезаре Беккариа, который еще в 1764 г. писал, что наказание «должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах» [17]. Для уголовного наказания в виде штрафа как самого мягкого из видов наказаний самыми главными должны стать неотвратимость и исполнимость. Поэтому полагаем вполне обоснованным предусмотреть механизм стимулирования добровольной уплаты суммы назначенного штрафа, аналогичный предусмотренному административным законодательством: при уплате штрафа, назначенного в качестве основного наказания, не позднее сорока дней со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного штрафа.

Примечание

1 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=1776 (дата обращения: 28.02.2018); Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2013 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 &item=2362 (дата обращения: 28.02.2018); Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2883 (дата обращения: 28.02.2018); Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2015 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3418 (дата обращения: 28.02.2018); Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12

месяцев 2016 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 28.02.2018); Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2017 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4477 (дата обращения: 10.04.2018).

Библиографические ссылки

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (с посл. изм. и доп. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Сухарев О.С. Институциональная экономика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд. испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018.
4. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 19 февраля 2018 г. №35-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. Постановления от 29 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Законопроект № 157763-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=157763-7 (дата обращения: 20.03.2018).
8. Согласно Указу Президента РФ от 04 августа 1997 г. № 822 «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» произошла замена обращающихся рублей на новые по соотношению 1000 рублей в деньгах старого образца на 1 рубль в новых деньгах [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 09 января 1997 г. № 6-ФЗ «О повышении минимального размера оплаты труда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).
10. Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28.12.2017) «О минимальном размере оплаты труда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Уровень инфляции рубля с 1997 г. по 2018 г. составил 1617,56%. // Уровень инфляции в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B.aspx (дата обращения: 01.04.2018).
12. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права / под общей редакцией М.Б. Костровой. 2-е издание, перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 19 февраля 2018 г. №31-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 20 декабря 2017 г. №410-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2, ст. 198.
15. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с посл. изм. и доп. от 07 марта 2018 г. №48-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41, ст. 4849.
16. Раздел 4 «Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц)» Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2012-2017 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 13.04.2018).
17. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

References

1. Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij v otnoshenii mer, ne svyazannyh s tyuremnym zaklyucheniem (Tokijskie pravila) (The United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (the Tokyo Rules)), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14 oktyabrya 2010 g. No 1772-r (s posl.izm. i dop. ot 23.09.2015) «O Koncepcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» (Decree of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 No. 1772-r (as amended and added on 09/23/2015) "On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020"), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Suharev O.S. Institucional'naya ehkonomika (Institutional economy), uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury, 3-e izd. ispr. i dop., Moscow, Izdatel'stvo Yurajt, 2018.
4. Bekker G. Chelovecheskoe povedenie, ehkonomicheskij podhod (Human behavior, economic approach), Izbrannye trudy. Moscow, GU VSHEH, 2003.
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. No 63-FZ (s posl. izm. i dop. ot 19 fevralya 2018 g. No35-FZ) (Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended of February 19, 2018 No. 35-FZ)), Sobranie zakonodatel'stva RF, 1996, No. 25, st. 2954.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. No58 (v red.Postanovleniya ot 29 noyabrya 2016 g.) «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugolovnogo nakazaniya» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 (as amended by the Resolution of November 29, 2016) "On the practice of criminal punishment by the courts of the Russian Federation"), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Zakonoproekt No157763-7 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti vvedeniya ponyatiya nezakonnogo obogashcheniya i inyh mer, napravlennyh na protivodejstvie korrupcii», Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti (Bill No. 157763-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the introduction of the concept of illicit enrichment and other measures aimed at countering corruption"), URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=157763-7 (accessed date: 20.03.2018).
8. Soglasno Ukazu Prezidenta RF ot 04 avgusta 1997 g. No822 «Ob izmenenii naricatel'noj stoimosti rossijskih denezhnyh znakov i masshtaba cen» proizoshla zamena obrashchayushchihsya rublej na novye po sootnosheniyu 1000 rublej v den'gah starogo obrazca na 1 rubl' v novyh den'gah (According to the Decree of the President of the Russian Federation of August 4, 1997 No. 822 "On the change in the representative value of Russian banknotes and the scale of prices", there was a replacement of circulating rubles with new ones at a ratio of 1000 rubles in old money to 1 ruble in new money), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. Federal'nyj zakon ot 09 yanvarya 1997 g. No 6-FZ «O povyshenii minimal'nogo razmera oplaty truda» (Federal law of January 9, 1997 No. FZ "On increasing the minimum wage"), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (utratil silu).
10. Federal'nyj zakon ot 19 iyunya 2000 g. No 82-FZ (s posl. izm. i dop. ot 28.12.2017) «O minimal'nom razmere oplaty truda» (Federal Law of June 19, 2000 No. 82-FZ (as amended and added on 12/28/2017) "On the minimum wage"), Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Uroven' inflyacii rublya s 1997 g. po 2018 g. sostavil 1617,56% (The inflation rate of the ruble from 1997 to 2018 was 1617.56%), *Uroven' inflyacii v Rossijskoj Federacii*, URL: http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B.aspx (accessed date: 01.04.2018).
12. Vzaimosvyaz' ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo prava (The relationship of criminal and criminal procedural law), pod obshchej redakciej M.B. Kostrovoj, 2-e izdanie, pererab. i dop, Moscow, Prospekt, 2017.
13. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. No 174-FZ (s posl. izm. i dop. ot 19 fevralya 2018 g. No1-FZ) (Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended and added February 19, 2018 No. 31-FZ)), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2001, No. 52 (ch. I), st. 4921.
14. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08 yanvarya 1997 g. No 1-FZ (s posl. izm. i dop. ot 20 dekabrya 2017 g. No410-FZ) (The Penal Code of the Russian Federation dated January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended and added on December 20, 2017 No. 410-FZ)), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1997, No. 2, st. 198.
15. Federal'nyj zakon ot 02 oktyabrya 2007 g. No 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» (s posl. izm. i dop. ot 07 marta 2018 g. No48-FZ) (Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings" (as amended and added March 07, 2018 No. 48-FZ)), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2007, No. 41, st. 4849.
16. Razdel 4 «Rassmotrenie predstavlenij, hodatajstv i zhalob (po chislu lic)» Otcheta o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugolovnyh del po pervoj instancii za 2012-2017 gg. (Section 4 "Consideration of submissions, petitions and complaints (by number of persons)" of the Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2012-2017), *Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF*: oficial'nyj sajt, Dannye sudebnoj statistiki, URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (accessed date: 13.04.2018).
17. Bekkaria Chezare. O prestupleniyah i nakazaniyah (On crimes and Punishments). Moscow, 1995.

Дата поступления: 20.01.2018 *Received: 20.01.2018*

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98.067

СТРУКТУРА ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. ЧАСТЬ I

МАКАРЕНКО Илона Анатольевна
доктор юридических наук, профессор, директор Института права, заведующая кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ilona475@mail.ru

ЭКСАРХОПУЛО Алексей Алексеевич
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович
кандидат юридических наук, заместитель директора по научной деятельности Института права, доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

THE STRUCTURE OF PRIVATE FORENSIC METHODOLOGY: HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS. PART I

MAKARENKO Ilona Anatolievna
Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law, Head of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: ilona475@mail.ru

EKSARHOPULO Alexey Alekseevich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

ZAYNULLIN Ruslan Ildarovich
Candidate of Sciences (Law), Deputy Director for Science, Institute of Law, Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

Криминалистическая методика завершает курс криминалистики, адресуя свои рекомендации исключительно субъектам предварительного расследования и занимая свое место в системе науки со своим относительно обособленным предметом и познавательными средствами. Среди ее базовых положений можно выделить, прежде всего, структуру частной криминалистической методики**.** Очевидна актуальность изучения и анализа исторических достижений юридической науки и практики борьбы с преступностью, ставших базой в решении задач предварительного следствия, и, на этой основе, определение перспектив развития частной криминалистической методики. Базовым элементом любой

Contemporary forensic methodology completes the course of forensics, giving its recommendations exclusively to the subjects of preliminary investigation and taking its own place in the system of science with its relatively isolated subject and cognitive means. Among its basic provisions, first of all one can distinguish the structure of private forensic methodology. Today, it is obvious that the study and analysis of legal science historical achievements and the practice of fighting crime, which have become the basis for solving preliminary investigation tasks, and, on this basis, the definition of prospects for the private forensic methodology development are urgent. The basic element of any private (typical) method of investigation is its

частной (типовой) методики расследования является ее структура, ибо в ней выражена последовательность работы следователя по уголовному делу. Структура имеет практический смысл, она способствует реализации теоретических положений и практических рекомендаций науки, обеспечивающих максимально эффективную организацию следственной работы.

structure, because it expresses the most rational sequence of the investigator's work in a criminal case. The structure has a direct practical meaning; it assists the implementation of theoretical provisions and practical recommendations of science, ensuring the most effective organization of investigative work.

Ключевые слова: Криминалистическая методика, исторические предпосылки, структура частной криминалистической методики, расследование отдельных видов преступлений, становление криминалистической методики, этапы расследования.

Key words: forensic methodology, historical background, structure of private forensic methodology, investigation of certain types of crimes, formation of forensic methodology, investigation stages.

Криминалистическая методика, завершающая курс криминалистики, представляет собой систему сведений о технических средствах собирания и исследования доказательств, а также тактических приемах производства следственных действий, используемых в специфических условиях расследования преступлений определенной разновидности. То есть конкретно убийств, грабежей, краж, террористических актов, должностных злоупотреблений и т.д. В этом адресном приложении теоретических разработок и практических рекомендаций всех предшествующих разделов криминалистики выражен прикладной характер криминалистической науки, призванной удовлетворять потребности правоохранительной практики. Однако, в отличие от средств, приемов и методов криминалистической техники и тактики, носящих универсальный характер и пригодных для использования не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в гражданском, арбитражном или ином правоприменительном процессе, рекомендации криминалистической методики были и остаются предназначенными исключительно для субъектов, которых закон уполномочивает вести расследование преступлений.

Несмотря на особую практическую значимость рекомендаций, объединенных в последнем разделе криминалистики, представление о самостоятельности методики расследования отдельных видов преступлений сформировалось сравнительно недавно. До этого в советской криминалистике, как писал Р.С. Белкин, вопросы методики *«освещались преимущественно в особенной части уголовной тактики»* [1, с. 298]. И лишь к середине 30-х годов прошлого века криминалистическая методика начинает развиваться как самостоятельный раздел криминалистики, который стали обозначать термином «частная методика» [1, с. 299]. Тогда же ученые предприняли первые попытки систематизировать методические рекомендации для последовательного их применения в условиях ведения расследования преступлений конкретного вида (разновидности), понимая, что только упорядоченные, приведенные в некую стройную систему методические рекомендации криминалистики могли отвечать своему предназначению. Решение задачи их систематизации с самого начала было ориентировано на разработку некоей унифицированной структуры частной криминалистической методики. А поскольку в структуре любой деятельности должно найти отражение взаимное расположение и связь ее составных частей [2, с. 328], постольку и структуру следственной работы по уголовному делу предлагалось строить по принципу сменяющих друг друга этапов, начиная с получения сведений о совершении преступления и до передачи дела в суд.

Такая структура частных криминалистических методик изначально и разрабатывалась как оптимальная последовательность действий следователя на определенных этапах расследования дела. За десятилетия проведенных исследований эта структура претерпела заметные

изменения, пройдя путь от общей *«схемы расследования преступлений»*, предложенной И.Н. Якимовым в 1929 г., до унифицированной структуры, разработанной А.Н. Колесниченко (1967 г.) с четко выделенными в ней этапами, среди которых центральное место занимали первоначальный и последующий этапы расследования уголовных дел [1, с. 299-301, 303-339].

Затем в структуру частной методики был добавлен третий – завершающий этап расследования [3, с. 34; 4, с. 184 и др.]. Все эти три этапа и сегодня, при известном разнообразии мнений о задачах, решаемых на каждом из них, составляют основу общепризнанной структуры частной криминалистической методики[1]. Между тем, методические разработки вообще, и разработки структуры частной криминалистической методики, в частности, как показывает история, не стали заслугой исключительно советских и российских ученых, проводивших свои исследования, начиная с 30-х годов прошлого века и до настоящего времени.

Весьма обстоятельно изучив историю становления методики расследования отдельных видов преступлений, Н.П. Яблоков пришел к выводу о том, что *«первые значимые элементы методического характера в расследовании стали появляться … на Руси в XIII веке»* [5, с. 42]. Однако, по данным Н.П. Яблокова вплоть до 30-х гг. XX в. методика расследования развивалась бессистемно, оставаясь на уровне *«отдельных методических разработок»* и рекомендаций [5, с.43-50]. И даже Гансу Гроссу, как считает Н.П. Яблоков, несмотря на его несомненные заслуги в разработке первых *«научно продуманных методических рекомендаций сугубо криминалистического характера»*, не удалось *«структурировать принципиальные теоретические и общеметодические подходы к разработке методов расследования…»* [5, с. 55].

Насколько этот последний вывод известного ученого был обоснован, можно судить по первоисточнику, то есть по фундаментальному труду самого основоположника криминалистики, известному под названием «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», изданному в русском переводе в 1908 г. [6]. Оценивая работу судебных следователей, Ганс Гросс не случайно обратился к идеям *Людвига Гюго Франца фон Ягеманна*, который еще в 40-х гг. XIX в. высказался по поводу того, что бессистемно проводимое предварительное расследование неизбежно будет представлять собой *нагромождение материала на материал*, накапливаемого *«без подбора и без всякого порядка»*. Из этих беспорядочно собранных актов, – воспроизводит Ганс Гросс далее слова Ягеманна, – *«большинство следователей … по своему усмотрению, сообразно минутным настроениям, выбирают известные данные, на которые обвиняемый должен представить объяснения»*. Не понимая, как действовать дальше, – продолжает свою мысль Л. Ягеманн, – и, будучи *«не в состоянии более ничего придумать нового, они признают дело законченным»* [6, с. 16-17].

Все эти упущения и недостатки работы следователя, по мнению Ягеманна, неизбежно приводили к случайным результатам следственной работы. Ганс Гросс так воспроизводит слова своего предшественника: *«Редко, однако, … встречается предварительное следствие, которое во всех отношениях удовлетворило бы* ***требованиям науки и закона****, и как редко в состоянии судебный следователь оправдывать свои действия,* ***шаг за шагом****, и каждое из них надлежащим образом мотивировать.* ***Как редко по ходу дела, видно соблюдение строгой системы****, без каковой невозможна научная оценка труда … При таких условиях, каждый успех, достигнутый следствием, является или случайностью, или естественным продолжением показаний вызванных лиц (которые к счастью, своим природным умом в состоянии были дать бездарному следователю хороший совет) и отнюдь не составляет заслуги следователя, весьма часто пораженного совершенно неожиданным для него успехом следствия»* [6, с. 17] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.).

Необходимость вести предварительное следствие в соответствии с «*требованиями науки и закона»,* придерживаясь при этом *«строгой системы»* и *«шаг за шагом»* исследуя обстоятельства каждого конкретного уголовного дела, и сегодня воспринимаются как обязательные условия методически обоснованной работы следователя. Нетрудно заметить, что именно эти базовые положения, сформулированные Ягеманном еще в 40-х гг. XIX в., и на ко-

торые Ганс Гросс обратил внимание, нашли свою конкретизацию в современной структуре частной криминалистической методики, выраженной оптимальной последовательностью действий на определенных этапах расследования уголовного дела. Как видим, потребность в методическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, осознаваемая многими предшественниками научной криминалистики, не только привлекла внимание, но получила вполне адекватную оценку со стороны Ганса Гросса. Во всяком случае, его оценочные суждения по поводу высказываний Ягеманна представляются, вопреки мнению Н.П. Яблокова, достаточными, чтобы назвать их удачной попыткой развивать *принципиальные теоретические и общеметодические подходы к разработке методов расследования*.

Читая «Руководство для судебных следователей», нетрудно убедиться, что и сам его автор предпринимал, причем не безуспешно, попытки *структурировать* рекомендации, которые ориентировали бы следователя на планомерное изучение обстоятельств уголовного дела. При этом бывший австрийский судебный следователь, разумеется, руководствовался не только собственным опытом, но и знанием истории развития следственного производства. Выясняется, например, что еще в конце XIX в. Ганс Гросс первым среди криминалистов выделил в структуре расследования уголовных дел *первоначальный* и *последующий* его этапы, обозначив для каждого из них свои специфические задачи. Описывая действия судебного следователя в *«самом начале следствия»,* Ганс Гросс подчеркивал, что на этом начальном этапе судебный следователь принимает все *«только к сведению, как губка впитывая ... в себя все отдельные капли»* [6, с. 18]. То есть, собирая в самом начале расследования отдельные сведения о *«виновнике преступления», о «причиненном вреде», «о мотивах»* преступления и т.д., судебный следователь получает лишь первичную, предположительную информацию о фактах и эпизодах дела. Как выразился Ганс Гросс, все эти *«равномерно сообщаемые данные»* должны иметь лишь значение *«слухов»* [6, с. 18-19], которые надлежало проверять, планируя последующие следственные действия.

Раскрывая суть первого этапа расследования и его связь с последующими действиями, Ганс Гросс предупреждал судебного следователя: *«не следует составлять определенного мнения о событии в самом начале следствия», ... «сообщения полиции, заявления частных лиц должны иметь для следователя значение лишь установления известного факта в таком виде: «говорят, что там-то совершилось такое-то преступление»* [6, с. 19-20].

Чтобы с достоверностью установить преступный характер события, Ганс Гросс рекомендовал судебному следователю *«постоянно иметь в виду, что* ***«убеждение о деле»*** *не может появиться в готовом виде, ... что он должен дойти до этого убеждения,* ***шаг за шагом****, на почве, которую он сам подготовляет путем осторожных и основательных отдельных «убеждений» по поводу фактов и эпизодов дела…».* И только, *«когда известные взгляды на отдельные моменты преступления сложились,* – продолжает Г. Гросс, – *является возможность установить между ними связь, хотя бы в самых общих чертах, так что можно сказать так: ... складывается положительное убеждение, что* ***в данном случае совершилось такое или иное преступление»*** [6, с. 20] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.). Этим своим высказыванием Г. Гросс обозначил главную задачу первоначального этапа расследования дела, а именно: убедиться в криминальном характере проверяемого события. И лишь решив ее, то есть, убедившись в совершении именно преступления, судебный следователь переходит к последующему этапу расследования. Или, как пишет далее Ганс Гросс, получает возможность *«установить в самых общих чертах и* ***план последующих следственных действий»*** [6, с. 17-18] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.). В этих рассуждениях основоположника научной криминалистики нетрудно заметить авторскую попытку, причем достаточно перспективную, *«структурировать» принципиальные подходы к разработке методов расследования*, несправедливо, на наш взгляд, признанные Н.П. Яблоковым неудачными, правда, уже в наше время.

Помимо идей Ганса Гросса, в истории следствия можно обнаружить и другие факты, свидетельствующие об осознании необходимости подчинить расследование конкретных дел

некоей общей структуре, представленной этапами, сменяющимися по мере достижения поставленных перед ними главных целей. Для этого достаточно вспомнить историю российского уголовного судопроизводства с его *предварительным* и *формальным* следствием. Об этих сменяющих друг друга досудебных стадиях расследования уголовных дел говорилось в Своде Законов Российской Империи (в редакции 1832 г.) [7, с. 5]. Стоит только вникнуть в их суть, как сразу станет понятно, что именно такое разграничение следствия было вполне успешно заимствовано не только советской и российской уголовно-процессуальной наукой,[2] но и криминалистикой. Прежде всего, методикой расследования отдельных видов преступлений, где *предварительное* и *формальное* следствие без принципиальных изменений их сущности перевоплотилось в *первоначальный* и *последующий* этапы расследования. Такому заимствованию не стоит удивляться, поскольку как верно заметил И.М. Лузгин, *«подразделение расследования на эти два этапа соответствует… не только процессуальной регламентации расследования, но и его познавательной сущности»* [8, с. 91].

Из истории уголовного судопроизводства видно, что не только сами этапы расследования преступлений, но и условная граница между ними также была заимствована из законов Российской Империи почти двухсотлетней давности. Об этом свидетельствует тот факт, что в современной структуре частной криминалистической методики эта граница многими авторами определена аналогично тому, как разграничивалось предварительное и формальное следствие в первой трети XIX в., а именно, моментом появления в процессе обвиняемого [1, с. 337; 9, с. 414; 10, с. 153-155]. Про такую «линию разграничения» писал, например, В.А. Линовский, указав, чем должно завершаться предварительное следствие: *«согласно с системой, принятой в Своде Законов»*, *… «все те действия, которые предпринимаются* ***до формального допроса обвиняемого****…, могут быть причислены* ***к предварительному следствию***» [11, с. 129] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.). Автор четко обозначил и те задачи, которые призван был решать следователь на предварительном следствии. *«… в предварительном следствии,* – писал В.А. Линовский, – *кроме* ***уяснения поводов*** *к уголовному суду, необходимо* ***привести в известность*** *или возможно* ***большую вероятность*** *действительность того обстоятельства, на котором основывается* ***деяние, кажущееся преступлением****, раскрыть свойство преступного деяния,* ***собрание улик****, изобличающих в известном лице виновника его, и наконец, собрание всех доказательств дела, которые или сами собой представляются на виде, или суть такого свойства, что впоследствии нельзя уже будет их получить, а должно отыскивать их и собирать* ***по горячим следам****»* [11, с. 128] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.).

Таким образом, по законам Российской Империи цель предварительного следствия, в отличие от формального, была четко обозначена еще в XIX в. и состояла в установлении признаков преступления (события), собирании улик, изобличающих конкретное лицо, а также всех иных доказательств, которые в случае промедления с их отысканием «*по горячим следам*», нельзя уже будет обнаружить. Вероятно, именно потребность в быстром реагировании на «*повод*» к расследованию преступлений и необходимость принятия незамедлительных мер к отысканию улик, осознаваемые криминалистами XIX в., дали основание И.А. Возгрину представить *неотложность* действий (их *безотлагательность*) в качестве главного отличительного признака первоначального этапа расследования. *«Таким образом*, – писал И.А. Возгрин, – *первоначальный этап расследования представляет собой систему следственных действий, характеризующихся* ***безотлагательностью (неотложностью)****, непрерывностью и сравнительной краткостью времени их проведения в целях решения общих и специфичных для этого периода задач»* [10, с. 154] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.). По мнению автора, именно безотлагательность следственных и оперативно-розыскных действий должна была стать критерием разграничения первоначального и последующего этапов расследования: *«Первоначальный этап работы по уголовному делу,* – писал позже И.А. Возгрин, – *заканчивается вместе с исчезновением безотлагательного характера проводимых в это время следственных действий, розыскных и превентивных мер»* [12, с. 63].

Вряд ли, однако, предложенный автором критерий разграничения первоначального и последующего этапов расследования может быть принят безоговорочно. Хотя бы потому, что требование неотложности может возникнуть и стать обязательным для любого следственного действия, независимо от того, на каком этапе расследования его планируют проводить. То, что безотлагательность вполне может характеризовать в зависимости от складывающейся следственной ситуации любые проводимые следственные и оперативно-розыскные действия и даже их комплексы, вряд ли следует возводить в ранг критерия разграничения этапов следственной работы по уголовному делу. Если в вопросе о границе между первоначальным и последующим этапами руководствоваться исключительно неотложностью проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, то нельзя исключать, что первоначальный этап затянется вплоть до полного завершения расследования.

Что касается формального следствия, как прообраза последующего этапа расследования, представленного в современной структуре частной криминалистической методики, то его характеристика также была дана еще в первой половине XIX в. В.А. Линовский, в частности, охарактеризовал формальное следствие, как *«… совокупность всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания или, напротив, это лицо должно быть освобождено от лежащего на нем подозрения…»* [11, с. 144]. Сравнивая задачи формального следствия, обозначенные В.А. Линовским более полутора веков назад, с формулировкой задач последующего этапа расследования преступлений, приводимого в описаниях современной структуры частной криминалистической методики, мы вряд ли найдем сколько-нибудь существенные отличия. Например, И.М. Лузгин, формулируя их для последующего этапа расследования, оказался по сравнению с В.А. Линовским просто более лаконичным. *«Главная задача этого этапа,* – писал И.М. Лузгин, – *состоит в исследовании и оценке доказательств с учетом показаний обвиняемого и принятии окончательных решений по делу»* [8, с.89].

Несмотря на вполне очевидное заимствование структуры частной криминалистической методики из законов Российской Империи начала XIX в., в истории уголовного судопроизводства остается еще вполне надежный резерв, чтобы и дальше совершенствовать научные основы методики расследования отдельных видов преступлений. В том числе для совершенствования типовой структуры частной криминалистической методики как базы для разработки новых и совершенствования сформировавшихся методик расследования отдельных видов преступлений.

Примечания

[1] Предлагались и иные дополнения элементов структуры частной методики. Например, в 1975–1976 гг. она была дополнена криминалистической характеристикой преступлений (см. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в трех томах. Т. 3. М., 1997. С. 305). Этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и требует отдельного рассмотрения.

[2] Многие советские процессуалисты также выделяли два этапа расследования: первый с принятия дела следователем к своему производству и до предъявления обвинения; и второй – от привлечения в качестве обвиняемого до окончания расследования (см., например: *Строгович М.С.* Уголовный процесс. М., 1938. С. 129; *Элькинд П.С*. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ. Л., 1965. С. 53 и др.).

Библиографические ссылки

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: общая теория криминалистики. В 3 т. Т. 1. М. : Юристъ, 1997.
2. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М. : «Аст-Пресс книга», 2014.
3. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М. : Изд-во Московского университета, 1978.

4. Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // в кн. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М. : «Юридическая литература». 1978.
5. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы : монография. М. : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016.
6. Д-р Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд., доп. СПб: 1908.
7. История органов следствия России : хрестоматия для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / сост. А.К. Аверченко и др. М. : ЮНИТИДАНА, 2015.
8. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М. : «Юридическая литература», 1973.
9. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А. Криминалистика : учеб. для бакалавриата. М. : «Юрлитинформ», 2014.
10. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983.
11. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М. : «ЛексЭст», 2001.
12. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2004.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: obshchaya teoriya kriminalistiki (Forensics course: general theory of forensics). V 3 t. T. 1. Moscow, Yurist", 1997.
2. Krysin L.P. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov (Modern dictionary of foreign words). Moscow, «Ast-Press kniga», 2014.
3. Vasil'yev A.N. Problemy metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy (Problems of investigation of certain types of crimes). Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1978.
4. Tanasevich V.G. Problemy metodiki raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy (Problems of methods of disclosure and investigation of crimes), *v kn. Sovetskaya kriminalistika. Teoreticheskiye problemy*. Moscow, «Yuridicheskaya literatura». 1978.
5. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i problemy (Forensic investigation methodology: history, current state and problems), monografiya. Moscow, Yur. Norma, NITS INFRA-M, 2016.
6. D-r Gans Gross. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki (Manual for forensic investigators as a forensic system). 4-ye izd., dop. St. Petersburg, 1908.
7. Istoriya organov sledstviya Rossii : khrestomatiya dlya stud. vuzov, obuch. po spets. «Yurisprudentsiya» (The history of the investigative bodies of Russia: reader for university students, training on specialty “Jurisprudence”), sost. A.K. Averchenko i dr. Moscow, YUNITIDANA, 2015.
8. Luzgin I.M. Metodologicheskiye problemy rassledovaniya (Methodological problems of the investigation). Moscow, «Yuridicheskaya literatura», 1973.
9. Makarenko I.A., Eksarkhopulo A.A. Kriminalistika : ucheb. dlya bakalavriata (Forensics: textbook for bachelor students). Moscow, «Yurlitinform», 2014.
10. Vozgrin I.A. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestupleniy (Forensic methodology of crime investigation). Minsk, 1983.
11. Linovskiy V.A. Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii (The experience of historical investigations into investigative criminal proceeding in Russia). Moscow, «LeksEst», 2001.
12. Kurs kriminalistiki (Forensics course). V 3 t. T. 2. Kriminalisticheskaya metodika: Metodika rassledovaniya prestupleniy protiv lichnosti, obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka, pod red. O.N. Korshunovoy i A.A. Stepanova. St. Petersburg, «Yuridicheskiy tsentr Press», 2004.

Дата поступления: 12.10.2018 *Received: 12.10.2018*

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИРОДЫ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

ISSUES OF DETERMINING THE NATURE OF FORENSIC SCIENCE

ГАРИФУЛЛИН Ильгиз Ринатович
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: garilrin@mail.ru

GARIFULLIN Ilgiz Rinatovich
Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: garilrin@mail.ru

В современной юридической литературе сложилось множество мнений в отношении определения природы науки криминалистика. Бесспорно, у всех авторов есть свои основания и аргументы, поэтому все эти мнения, имеют право на существование. Тем не менее, при определении природы науки криминалистика в качестве наиболее важных критериев представляется важным использовать такие критерии, как сущность и содержание предмета криминалистики как науки. При этом не менее важным является учет характерных особенностей криминалистики и ее роли в системе юридических наук, исходя из того, что криминалистика, безусловно, является юридической наукой.

In modern legal literature, various authors have developed many opinions regarding the definition of the nature of forensic science. Undoubtedly, all these authors have their own reasons and arguments, so all these opinions really have a right to exist. However, in determining the nature of forensic science, the most important criteria seem to be such criteria as the nature and content of the subject of forensic science as a science. At the same time, it is equally important to take into account the characteristic features of forensics and its role in the system of legal sciences, based on the fact that forensics, of course, is a science of law.

Ключевые слова: криминалистика, наука, предмет, объект криминалистики, расследование, раскрытие преступлений.

Key words: forensics, science, subject of forensics, object of forensics, investigation and detection of crimes.

Важность определения природы науки обусловлена необходимостью установления ее сущности и места в системе знаний. Природа криминалистики была объектом познания на протяжении всего своего существования. Вместе с тем, окончательное определение сущности криминалистики не произошло. Анализ дискуссий по данной проблеме позволяет классифицировать их суждения следующим образом – исходя из расположения объекта и предмета науки, содержания научных рекомендаций криминалистика является правовой наукой (А.Н. Васильев, А.И. Винберг, А.Г. Филиппов), исходя из аккумулирования в своем содержании переработанных и приспособленных данных естественных и технических наук в целях раскрытия и расследования преступлений была констатирована двойственная природа науки криминалистики (П.И. Тарасов-Родионов). Принимая во внимание, что криминалистика не изучает каких-либо правоотношений, соответственно, рассматривать ее возможно только лишь как условно-правовую науку или общественно-неправовую науку (О.В. Челышева) или неправовой-юридической наукой в связи с отсутствием своей системы норм права (С.В. Лаврухин). Учитывая, что аккумулируемые криминалистикой отдельные знания сливаются в единое целое, криминалистику следует признать наукой синтетической природы (Р.С. Белкин). Принимая во внимание основное предназначение криминалистики, заключаю-

щегося в непосредственном обслуживании правоприменительной практики, ее считают юридической наукой прикладного характера (Е.П. Ищенко) и т.д.

Не ставя под сомнение обоснованность ни один из вышеуказанных подходов к определению природы криминалистики, тем не менее, вынуждены констатировать, что практически все они даны по различным основаниям. Для определения природы криминалистики необходимо установитьее сущность посредством научной классификации. В этой связи, проведем анализ каждого из вышеперечисленных подходов.

По мнению П.И. Тарасова-Радионова криминалистика обладает двойственной природой, так, по его мнению, «…первым в криминалистике является направление о раскрытии и расследовании преступлений. В этом направлении криминалистика является правовой наукой, вооружающей следователя в его почетной и ответственной работе по борьбе с преступностью. Второе направление – о методах исследования отдельных вещественных доказательств, при чем эти исследования производятся на основе переработанных и приспособленных в этих целях данных естественных и технических наук. Это второе направление науки криминалистики носит технический, а не правовой характер» [1, с.10-11]. Аналогичной точки зрения придерживался А.А. Эйсман, называя криминалистику «пограничной наукой» [2, с. 29]. Полагаем, что определения пограничного критерия отношения криминалистики к правовым или техническим наукам необходимо вернуться к истокам данной классификации в основе которой лежит научное направление науки. Местоположение криминалистики при данной классификации затруднено лишь одним ее разделом – криминалистической техникой, в силу своей специфики включающих в себя научные положения естественных и технических наук. Однако, содержание отраслей криминалистической техники обусловлено в конечном итоге на возможность разрешения диагностических и идентификационных вопросов судебных экспертиз, тем самым предопределяя ее правовой характер. Другие разделы криминалистики, общие положения, криминалистические тактика и методика, безусловно, отнесены к общественным, юридическим наукам. Более того, криминалистика через призму одного из своих объектов – деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, безусловно, является юридической наукой.

При попытке анализа места криминалистики в классификации фундаментальных и прикладных наук можно согласиться с мнением Л.Я. Драпкина и В.Н. Карагодина, относящих науку криминалистику к юридическим наука прикладного характера [3, с. 7]. При этом необходимо отметить, что криминалистика не направлена на простое обслуживание правоприменительной практики, а ставит своей задачу и, порой успешно решает, разработку новых следственных действий, способов, средств для раскрытия и расследования преступлений. Безусловно, данное обстоятельство не выводит ее в ряд фундаментальных наук, но подчеркивает некоторую условность отнесения ее к прикладным наукам.

По мнению Р.С.Белкина криминалистика по своей природе является синтетической (множественной) наукой [4, с. 43]. Не вступая в глубокую полемику с автором, хотелось бы отметить, что любая наука не простая совокупность каких-то положений, а синтез знаний, являющихся порой предметом других наук. В данной связи мы полностью солидарны с мнением А.А. Эксархопуло, полагавшего, что «…синтетический характер криминалистических знаний не следует рассматривать как основание для изменения места криминалистики в системе наук – она должна оставаться в классификационном ряду наук юридического цикла. Место криминалистики в системе наук подтверждается и реальным существованием связей криминалистики, которые прослеживаются в ее взаимодействии с юридическими науками, и прежде всего уголовно-процессуальной наукой и наукой уголовного права» [5, с. 27-28].

По мнению С.В.Лаврухина «все юридические науки можно разделить на правовые и не правовые. Первые могут быть признаны лишь отраслевые юридические науки. Криминалистика относится к неправовым юридическим наукам, так как не имеет своей системы норм права, регламентирующих общественные отношения, возникающие в ее предметной сфере деятель-

ности» [6, с. 50-51]. Анализируя позицию С.В.Лаврухина, упрекающего криминалистику в отсутствии своей совокупности регулируемых общественных отношений, можно констатировать, что юридическая наука криминалистика, безусловно, отличается в ряду других традиционных юридических наук вышеуказанными показателями,но данное обстоятельство выделяет лишь ее особенность, не исключая ее местонахождение в системе юридических наук.

Подводя итог анализу, приходим к выводу, что в классификации научных знаний по основанию научного направления, принимая во внимание нахождения предмета и объекта науки в правовой сфере, обусловленностью целью самой науки – совершенствование процесса раскрытия и расследования преступления, взаимообусловленности криминалистики с уголовным правом и уголовным процессом, криминалистика, безусловно, является юридической наукой.

Библиографические ссылки

1. Тарасов-Радионов П.И. Советская криминалистика // Социалистическая законность. 1951. №7. С.10-11.
2. Эйсман А.А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук (в порядке обсуждения) // Сборник научных работ. Вильнюс: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1963, Вып. 1. С. 23-39.
3. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика : учебник. М. : ТК Велби, Проспект, 2007.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001..
5. Криминалистика : учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб. : Лань, 2001.
6. Лаврухин С.В. Природа криминалистики и вопросы правоприменения // Криминалистика в системе правоприменения : материалы конф. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 27-28 октября 2008 г. М. : МАКС Пресс, 2008. С. 50-51.

References

1. Tarasov-Radionov P.I. Sovetskaya kriminalistika (Soviet forensics), *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1951, No. 7, pp.10-11.
2. Eysman A.A. Kriminalistika v sisteme yuridicheskikh i yestestvennykh nauk (v poryadke obsuzhdeniya) (Forensics in the system of legal and natural sciences (as a discussion), *Sbornik nauchnykh rabot*. Vil'nyus: Gos. izd-vo polit. i nauch. lit., 1963, Vyp. 1. pp. 23-39.
3. Drapkin L.YA., Karagodin V.N. Kriminalistika (Forensics), uchebnik. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2007.
4. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnyye voprosy rossiyskoy kriminalistiki (Forensics: the problems of today. Topical issues of Russian forensics). Moscow, NORMA, 2001.
5. Kriminalistika (Forensics), uchebnik, pod red. T.A. Sedovoy, A.A. Eksarkhopulo. St. Petersburg, Lan', 2001.
6. Lavrukhin S.V. Priroda kriminalistiki i voprosy pravoprimeneniya (The nature of forensic science and law enforcement issues). *Kriminalitika v sisteme pravoprimeneniya*, materialy konf. Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 27-28 oktyabrya 2008 g. Moscow, MAKS Press, 2008, pp. 50-51.

Дата поступления: 20.01.2018 *Received: 20.01.2018*

УДК 343.85

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMES OF CRIME PREVENTION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

КАШИРСКИЙ Константин Витальевич
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: Kashirskiy.00@mail.ru

KASHIRSKIY Konstantin Vitalevich
Adjunct of the Faculty of Academic and Teaching Staff Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: Kashirskiy.00@mail.ru

В систему мер профилактики правонарушений в исправительных учреждениях входят следующие направления: выявление лиц, намеревающихся приобрести запрещенные предметы, в том числе наркотические средства; установление неконтролируемых каналов отправки и получения корреспонденции, склонение сотрудников и других лиц к реализации этих замыслов; организация воспитательной работы с лицами, поступающими на работу в исправительные учреждения, привитие им качеств профессиональной убежденности и преданности интересам службы; организация стажировки лиц, принятых на службу, закрепление за ними наставников из числа опытных сотрудников, предание гласности фактов изобличения сотрудников в доставке осужденным запрещенных предметов, принятие к ним мер дисциплинарного, административного, уголовно-правового воздействия; выявление лиц, подверженных профессиональной деформации, склонных к измене интересам службы, поведение которых имеет риск к незаконным связям с осужденными, и выработку оптимальных организационных, воспитательных и иных мер.

Ключевые слова: запрещенные предметы, исправительная колония, средства сотовой связи, осужденные, профилактика правонарушений, оперативная обстановка.

The system of crime prevention in correctional institutions comprises the following areas: the revelation of persons, intending to acquire prohibited articles, including drugs; the detection of uncontrolled channels of sending and receiving correspondence, as well as the driving of employees and other persons to fulfill these plans; the organization of educational work with the persons, arriving for work in a correctional institution; cultivating qualities of professional conviction and devotion to the interests of the service; organization of training for the persons recruited, assigning tutors for them out of experienced employees, wide publicity of the facts of exposure of employees in the delivery of prohibited articles to the convicted, imposing on them disciplinary, administrative, criminal and legal measures of impact; the revelation of persons more prone to professional regress, inclined to betray the interests of the service, whose behavior has a risk to illegal relations with prisoners, and working out optimal organizational, educational and other measures on this basis.

Key words: prohibited articles, penal colony, devices of cellular communication, convicted, crime prevention, operational environment.

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) по профилактике правонарушений в исправительных учреждениях (далее – ИУ) в настоящее время осуществляется в непростых условиях, для выполнения требований законодательства Российской Федерации требуется предельная концентрация усилий всех отделов и служб. По состоянию на 01.07.2018 среднесписочная численность лиц, отбывающих наказание в ИУ и

заключенных под стражу в СИЗО УИС, составила 589885 чел., что на 26292 чел. или 4,2% меньше, чем в аналогичном периоде прошлого года (АППГ – 616177 чел.), из них в ИУ – 489140 чел. (АППГ – 513079 чел.), в СИЗО – 100745 чел. (АППГ – 103098 чел.). За 1 полугодие 2018 г. в ИУ и СИЗО зарегистрировано 451 преступление, что на 8,1% больше чем в аналогичном периоде прошлого года (417), из них в ИУ – 405 (АППГ – 379, +6,8%), в СИЗО – 46 (АППГ – 38,+21%). Преступления зарегистрированы в учреждениях 72-х территориальных органов ФСИН России (АППГ – 70). Общий уровень преступности в уголовно-исполнительной системе на 1000 чел. в отчетном периоде составил 0,765, что на 12,9% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (0,677). В 34 территориальных органах ФСИН России значение данного показателя превысило среднероссийское (АППГ – 35) [1].

Организация профилактического учета осужденных это одно из важных направлений деятельности исправительных учреждений [2]. Постановка осуждённых на профилактический учёт преследует несколько целей. Во-первых, оперативными отделами ИУ постоянно изучается данная категория осуждённых с целью своевременного выявления замышляемых и подготавливаемых правонарушений. Во-вторых, сотрудниками отделов безопасности ИУ ведётся постоянное наблюдение за данной категорией осуждённых с целью предотвращения и своевременного пресечения правонарушений с их стороны. В-третьих, для того, чтобы осуждённые постоянно находились под бдительным контролем администрации учреждения УИС.

В текущем году количество преступлений, совершенных осужденными, состоящими на профилактических учетах, увеличилось на 27% с 62 до 79, из них побегов с 7 до 9. В разрезе учреждений УИС уровень преступности в расчете на 1000 подозреваемых, обвиняемых и осужденных в ИК увеличился на 12,1% и составил 0,83 (АППГ – 0,74), в воспитательных колониях – на 10,9% (с 0,64 до 0,71), в тюрьмах – на 71,7% (с 0,85 до 1,46), в СИЗО – на 21,6% (с 0,37 до 0,45). В результате проводимой профилактической работы, направленной на предотвращение противоправных действий, в отношении подозреваемых, ***обвиняемых*** и ***осужденных возбуждено*** 210 ***уголовных*** дел, что ***на*** 8,8% больше чем в аналогичном периоде 2017 года (АППГ – 193), в том числе: за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества – 81 (АППГ – 100), из них в ИУ – 72, в СИЗО – 9 (АППГ – в ИУ – 85, в СИЗО – 15); приобретение, сбыт наркотических средств – 129 (АППГ – 93), из них в ИУ – 118, в СИЗО – 11 (АППГ – в ИУ-88, в СИЗО-5).

По сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество возбужденных уголовных дел по ч. 3 ст. 321 УК Российской Федерации (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершенных организованной группой либо с применением насилия опасного для жизни и здоровья) не изменилось и составило 4 уголовных дела. Большая часть выявленных недостатков в организации работы по профилактике правонарушений и преступлений связана с невыполнением требований законодательства Российской Федерации, игнорированием нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность ИУ и СИЗО, низкой исполнительской дисциплиной.

В настоящее время во ФСИН России задача по пресечению попадания запрещенных предметов при поступлении осужденных в ИУ стоит на особом контроле. В результате принимаемых территориальными органами ФСИН России мер по пресечению поступления в учреждениях УИС запрещенных предметов в первом полугодии 2018 г. по сравнению с АППГ удалось достичь определенных результатов. Так количество изъятых денежных средств сократилось на 36% (с 4280,6 до 2738,5 тыс. руб.), в том числе в СИЗО и тюрьмах на 41,1% (с 3008,9 до 1771,7 тыс. руб.), в ИУ на 24% (с 1271,7 до 966,8 тыс. руб.).

Изъятие наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов увеличилось на 0,55% (с 27282,432 гр. до 27432,294 гр.), в том числе при их доставке на 0,77% (с 26896,363 гр. до 27103,877 гр.), из них в СИЗО изъято 1874,076 гр. (АППГ – 1434,454 гр.), в том числе при доставке 1873,027 гр. или 99,94% (АППГ – 1311,684 гр. или 91,4%), в ИУ

изъято – 25558,218 гр. (АППГ – 25847,978 гр.), в том числе при доставке 25230,85 гр. или 98,7% (АППГ – 25584,679 гр. или – 98,98%).

Количество изъятых средств мобильной связи сократилось на 12% (с 33057 до 29546 ед.), из них 16854 ед. или 57% изъято при доставке (АППГ – 21656 ед. 66%). Кроме того в первом полугодии 2018 г. в учреждениях УИС изъято 21282 ед. или 72% от общего числа обнаруженных средств мобильной связи, собственник которых не установлен (АППГ – 26510 или 73%). На 9 % (с 21656 ед. до 16854 ед.) снизилось количество изъятых средств мобильной связи при их доставке в учреждения. На 11,3% увеличилось количество средств связи изъятых в жилых и производственных зонах ИУ и в камерах СИЗО (с 11401 до 12692 ед.).

Указанные факты свидетельствуют об упущениях в работе, проводимой территориальными органами ФСИН России, по перекрытию каналов поступления запрещенных предметов в учреждения, некачественном проведении обыскных мероприятий сотрудниками подчиненных учреждений. Согласно представленным территориальными органами УИС сведениям в результате принятых мер в сравнении с АППГ в 1 полугодии 2018 г. в камерах ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах (далее – ОК) и камерах тюрем количество изъятых средств мобильной связи снизилось на 1,2% со 166 до 164 ед. Обеспечена надлежащая изоляция осужденных в 56 региональных управлениях УИС, в которых не допущено поступление средств мобильной связи к лицам, содержащимся в указанных помещениях (АППГ – 58).

Вместе с тем, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в 16 территориальных органах ФСИН России отмечается увеличение числа телефонов, изъятых в указанных помещениях, где в камерах ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК и тюрем сохраняется высокое количество изъятых мобильных телефонов – 64 ед. (АППГ – 104 ед.), что свидетельствует об упущениях в работе по исключению их использования осужденными в помещениях строгой изоляции. Кроме этого, в отрядах СУОН ИУ количество изъятых средств связи также увеличилось на 84% (со 113 до 208 ед.). Всего с начала текущего года в ИУ изъято 26435 средств мобильной связи (в том числе собственник которых не установлен 19730 ед. или 74,6%), из них при доставке 15147 ед. (57%). На наш взгляд, необходимо законодательно закрепить обязанность операторов мобильной связи прекращать свои услуги на режимных территориях ИУ. Для этого предлагаем дополнить ст. 82 «Режим в исправительных учреждениях и его основные требования» УИК РФ п. 11: «Операторы связи и владельцы сетей связи обязаны приостанавливать оказание услуг своей сети на территории учреждений уголовно-исполнительной системы, а также на границе территорий, прилегающих к ним».

Проводится работа с лицами, организующими доставку на территорию учреждений УИС запрещенных предметов. Так, по состоянию на 01.07.2018 ***на учете состояло*** 481 ***таких человек, из них*** 83% ***изолированы от общей массы*** осужденных. В 1 полугодии 2018 г. за передачу либо попытку передачи осужденным запрещенных предметов в пределах прилегающих режимных территорий учреждений задержано 2454 гражданина (АППГ – 2879) у которых изъято, в том числе 3374 ед. средств мобильной связи (АППГ – 3015). На 1745 человек наложен административный штраф по ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (АППГ – 2132), в отношении 123 человек возбуждены уголовные дела (АППГ – 133).

Ст. 19.12. Кодекса Российской Федерации «Об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.02.2018) предусмотрена ответственность в виде штрафа, однако размер штрафа несоизмеримо мал по сравнению с размерами сумм, которые на этом зарабатывают правонарушители. С нашей точки зрения, единственным эффективным способом борьбы с подобными фактами должна стать криминализация передачи либо попытки передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС.

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность подразделений и служб по проведению профилактических мероприятий в отношении осужденных, поставленных на

профилактический учет, должна осуществляться комплексом методов направленных на организацию профилактической работы с осужденными, взятыми на профилактический учет, использование отдельных методов, как самостоятельных компонентов единой системы воздействия на осужденных повлечет за собой ошибки в применении профилактических мер.

В целом, профилактический учет подозреваемых, обвиняемых и осужденных, это комплекс мероприятий, включающий в себя оперативные, режимные, воспитательные и др. приемы, направленные на осуществление профилактики преступлений и правонарушений в местах лишения свободы.

Библиографические ссылки

1. Обзор ФСИН России от 21.08.2018 г. «О состоянии режима и надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориальных органов ФСИН России в I полугодии 2018 года» // Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: http:// фсин.рф/news/ (дата обращения: 12.09.2018).
2. Приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Obzor FSIN Rossii ot 21.08.2018 g. «O sostoyanii rezhima i nadzora v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i sledstvennykh izolyatorakh territorial'nykh organov FSIN Rossii v I polugodii 2018 goda» (Overview of the Federal Penitentiary Service of Russia dated August 21, 2018 “On the status of the regime and supervision in correctional institutions and pre-trial detention centers of the territorial agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the first half of 2018”), *Ofitsial'nyy sayt FSIN Rossii*. URL: http:// fsin.rf/news/ (accessed date: 12.09.2018).
2. Prikaz Minyusta Rossii ot 20 maya 2013 g. № 72 «Ob utverzhdenii Instruktsii po profilaktike pravonarusheniy sredi lits, soderzhashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy» (Overview of the Federal Penitentiary Service of Russia dated August 21, 2018 “On the status of the regime and supervision in correctional institutions and pre-trial detention centers of the territorial agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the first half of 2018”). Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

Дата поступления: 03.10.2018 *Received: 03.10.2018*

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 342

ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

ВАЛИКАРАМОВ Денис Джалилович
ассистент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: valikaramovdenis@mail.ru

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна
старший преподаватель кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lmgazizova@mail.ru

FINANCING THE ACTIVITIES OF LEGAL ENTITIES OF PUBLIC LAW: CONFLICT-LEGAL ASPECTS

VALIKARAMOV Denis Jalilovich
Teaching Assistant of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: valikaramovdenis@mail.ru

GAZIZOVA Leisan Makhmutovna
Senior Instructor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: lmgazizova@mail.ru

Сегодня идет дискуссия о так называемых юридических лицах публичного права, статус которых в российском законодательстве не определен. Эта неопределенность порождает немало проблем, связанных с определением форм и источников финансирования их деятельности. С 2007 года в России стало активно практиковаться создание государственных корпораций (ранее в Российской Федерации продолжительное время существовала только одна государственная корпорация – Агентство по страхованию вкладов). Легальное определение понятия «государственная корпорация» содержится в ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях», согласно которой ею признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная РФ на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных функций.

Ключевые слова: коллизия, государственная корпорация, юридическое лицо, публичное право.

Today there is a discussion about the so-called legal entities of public law, the status of which is not defined in Russian legislation. This uncertainty, in its turn, raises many problems associated with determining the forms and sources of funding for their activities. Since 2007, the creation of state corporations has been actively practiced in the Russian Federation (previously, only one state corporation existed in the Russian Federation for a long time, it was the Deposit Insurance Agency). The legal definition of the term "state corporation" is contained in Art. 7.1 of the Federal Law "On Non-Profit Organizations", according to which it is recognized as a non-profit organization that does not have membership, established by the Russian Federation on the basis of a property contribution and established to perform social, managerial or other socially useful functions.

Key words: conflict, state corporation, legal entity, public law.

Каждая госкорпорация создается на основании самостоятельного федерального закона. Например, в 2007 г. были созданы такие госкорпорации, как «Роснано» [1], «Росатом», «Ростех» [2], «Внешэкономбанк» [3] и ряд других. С точки зрения финансирования госкорпорации имеют ряд особенностей. В частности, они наделяются финансовыми ресурсами государством в силу федерального закона, и эти финансовые ресурсы по своей природе являются публично-правовыми [4, с. 139]. Госкорпорации могут увеличивать объем финансовых средств также посредством осуществления экономической деятельности с целью извлечения прибыли и привлечения внешних заимствований. Но все же одним из главных источников финансирования госкорпораций являются средства государства. С этим связаны, с одной стороны, основные преимущества госкорпораций, но, с другой стороны, и их недостатки.

Первая проблема. Если мы рассмотрим деятельность одной из госкорпораций, а именно – «Ростеха», то сможем увидеть, что подробные данные о результатах ее деятельности в открытых источниках отсутствуют. Не являясь акционерным обществом, «Ростех» не обязан согласно гражданскому законодательству представлять отчетность о своей деятельности в системе раскрытия информации. «Ростех» в своих годовых отчетах указывает одну только выручку и прибыль. Поэтому невозможно узнать ни источников поступлений, ни баланса активов, ни объема задолженности. Но оценивать результат деятельности «Ростеха» только по размеру годовой выручки и прибыли было бы не совсем объективно, так как за последние годы эта госкорпорация приобрела огромное количество новых активов (скажем, с 2009 по 2017 гг. количество предприятий, входящих в структуру «Ростех», увеличилось с 437 до более чем 700 ед.) [5]. Когда у организации есть множество направлений деятельности, как у «Ростеха» в частности, очень легко создать картину общей позитивной отчетности, но при этом отдельные направления деятельности организации могут оставаться крайне убыточными.

Вторая проблема касается отсутствия адекватной статистики и того, в каком объеме и форме «Ростех» получает государственное финансирование. Усугубляет эту ситуацию и то, что Министерство финансов РФ может перечислить деньги как непосредственно самому «Ростеху», так и напрямую предприятиям, входящим в структуру «Ростеха», по федеральным целевым программам. Как было сказано самим главой «Ростеха» Сергеем Чемезовым в одном из выступлений в прессе, только в 2016 г. на инвестиционные проекты госкорпорации было выделено почти 100 млрд руб. бюджетных средств [6].

Все эти факты могут свидетельствовать лишь о том, что государственные деньги на поддержку «Ростеха» тратятся не так прозрачно и эффективно, как могли бы при должном государственном контроле. Примерно схожая ситуация образуется и вокруг других госкорпораций. Например, согласно годовым отчетам «Росатома» только в 2009-2014 гг. он получил под свои проекты 826 млрд руб. бюджетных средств [7]. Еще в более плохом экономическом положении находится «Внешэкономбанк», убыток которого в 2016 г. составил рекордные 111 млрд руб. Для устранения негативных последствий неэффективного управления данной госкорпорацией также были выделены огромные денежные средства в виде 200 млрд руб. [8].

Таким образом, мы отчетливо можем наблюдать, что в настоящий момент существуют серьезные проблемы, касающиеся источников и форм финансирования госкорпораций в Российской Федерации. Из-за неэффективного управления этими организациями государству приходится выделять огромные денежные средства для их поддержки за счет своих налогоплательщиков. При всем этом, госкорпорации практически не прибегают к другим видам внешних заимствований, кроме бюджетных субсидий. Решением данной проблемы может выступить законодательное определение четких критериев эффективности деятельности российских госкорпораций и усиление внешнего контроля за их деятельностью, что позволит частично снизить степень неэффективности использования государственного имущества и различных злоупотреблений. На данном же этапе, к сожалению, следует констатировать, что практически ни одна госкорпорация не может осуществлять свою деятельность без постоянных бюджетных вливаний со стороны государства. Для обеспечения стабильного правового

положения публичных юридических лиц их экономическая деятельность должна строиться на принципах возвратности и срочности финансирования, а также на ликвидности объектов данной деятельности. В ряде случаев законодатель устанавливает ограничения в отношении выбора объектов осуществления данной деятельности.

Еще одним видом юридических лиц публичного права являются государственные компании. Согласно ст. 7.2 ФЗ «О некоммерческих организациях», ей признается некоммерческая организация, не имеющая членства и созданная Российской Федерацией на основе имущественных взносов для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления. Государственная компания создается на основании федерального закона.

Одной из крупнейших таких компаний сегодня является акционерное общество «Российские железные дороги» (далее – АО «РЖД»), единственным акционером которой является Российская Федерация. При осуществлении своей деятельности АО «РЖД» пользуется не только собственными имеющимися средствами, но и разными источниками внешнего финансирования, такими как вклады в имущество, прибыль, ценные бумаги, кредиты и займы, бюджетные ассигнования. На сегодняшний день у АО «РЖД» доля собственного капитала сокращается и увеличивается доля заемного капитала. Справедливости ради скажем, что использование заемного капитала является нормальной практикой, тем не менее, быстрое увеличение доли заемного капитала может снижать финансовую устойчивость компании и рыночную стоимость публично обращающихся акций. В настоящее время российская экономическая действительность такова, что прибыль компании не может рассматриваться как серьезный и, тем более, основной источник финансирования ее деятельности в ближайшей перспективе. Мониторинг отчетных показателей свидетельствует о том, что у АО «РЖД» нет продуманной детальной дивидендной стратегии: выплаты дивидендов ее акционерам за последние отчетные периоды даже в условиях получения высокой прибыли организации носили чисто символический характер и составляли 86 копеек на одну обыкновенную акцию в год [9, с. 15]. Поэтому государство регулирует в ручном режиме ценовую политику компании, что приводит к снижению прибыли и к сокращению источников финансирования.

Естественно, что данная ситуация ослабляет стимулы к развитию государственной компании. Для увеличения заемного капитала используют облигационные займы и банковские кредиты. В настоящее время, по аналогии с предыдущими примерами, сложилась ситуация неэффективности деятельности АО «РЖД». Решением данных проблем могло бы выступить внедрение в существующее законодательство системы строгого взаимоконтроля с последующим возложением мер ответственности как на распорядителя, так и на получателя бюджетных средств. Необходимо создать некое подобие так называемой системы «сдержек и противовесов», которая позволила бы посредством контроля максимально сократить хищение финансовых средств в процессе движения капитала от распорядителя к получателю [10, с. 19].

Согласно существующему в России правопорядку, юридические лица публичного права финансируются напрямую РФ, либо субъектами РФ, либо муниципальными образованиями из их бюджетов. Это объясняется характером возложенных на данных субъектов функций, – исполнение публичных полномочий. По мнению некоторых ученых, к юридическим лицам публичного права относятся, кроме других, и государственные образования на территории РФ и сами субъекты РФ [11, с. 97].

Финансовой основой деятельности субъекта РФ является его бюджет (бюджет субъекта РФ), который формируется за счет налоговых и неналоговых поступлений, а также безвозмездных перечислений из бюджетов других уровней (дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ). Согласно ч. 1 ст. 131 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ), дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации предусматриваются в составе федерального бюджета и распределяются между субъектами Российской Федерации в соответствии с единой методикой, утверждаемой Правительством

Российской Федерации в соответствии с требованиями настоящего Кодекса [12]. При этом нуждающимися в дотациях субъектами РФ признаются (п. 4 указ. ст.): субъекты Российской Федерации, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых не превышает уровня, установленного в качестве критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Признание субъекта РФ нуждающимся в дотациях осуществляется по методике, утверждаемой постановлением Правительства РФ [13]. Данная методика включает формулу, по которой высчитывается уровень бюджетной обеспеченности.

Таким образом, по логике функционирования экономики (вливание средств в экономику субъекта РФ должно стимулировать развитие получателя этих средств), получателями дотаций каждый финансовый год и плановый период должны быть разные регионы: «отстающий» в финансовом плане субъект РФ, получая дотации, устраняет это «отставание», и получателем дотаций избирается субъект РФ, который еще не устранил дефицит бюджета. Однако на практике это правило не работает: получателями дотаций являются одни и те же субъекты РФ, а также субъекты РФ, менее других нуждающиеся в финансовой помощи. Считаем, что существующие обозначенные проблемы представляют собой коллизию в бюджетных взаимоотношениях федерального центра и региональных властей. Фактически нарушается принцип равноправия субъектов во взаимоотношениях с государственной властью РФ, закрепленный в п. 4 ст. 5 Конституции РФ, который гласит, что во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны. Существующее положение создает опасность трений: нуждающиеся в дотациях субъекты РФ могут поставить вопрос об их получении; увеличение перечня получателей дотаций повлечет «обновление» их списка, т.е. те субъекты, которые уже получали дотации захотят их сохранить, тогда как новые претенденты также будут заинтересованы в их получении.

Фактически дотации, учитывая их безвозмездный характер и отсутствие целевого назначения – это инвестиция без отдачи. В настоящее время при дефицитном федеральном бюджете и в условиях экономического кризиса крайне важно разрешить эту проблему. В связи с этим Правительству РФ, в частности, Министерству финансов нужно выработать новую программу предоставления дотаций регионам из федерального бюджета. Существующие меры, к сожалению, не решают проблему бюджетного неравенства, и «отстающие» субъекты РФ так и не могут преодолеть это «отставание» даже с получением финансовой помощи. Следует также констатировать, что на сегодняшний день нет должного уровня взаимодействия общих норм гражданского законодательства о юридических лицах и огромным массивом специальных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность протогосударственных структур, занимающихся бизнесом [14, с. 824]. Учитывая, что госкомпании практически не контролируются извне, вполне закономерно возникают очевидные сомнения в эффективности их деятельности. Современное состояние правового регулирования публичных юридических лиц сегодня находится на низком уровне, поскольку нет единого пути решения проблем по эффективному финансированию их деятельности.

Говоря о юридических коллизиях при определении источников финансирования данных органов, следует учесть, что это, в первую очередь, дефект права, несоответствие между правовыми предписаниями не только по их содержанию, но и по форме выражения. Встречаясь с коллизией юридических норм, мы сталкиваемся с одним из видов противоречий в праве. Это и есть противоречие между существующим правовым порядком и намерениями и действиями по его изменению. Примером может послужить противоречивая ситуация когда, с одной стороны, Правительство РФ обязано обеспечить проведение единой денежной, финансовой и кредитной политики, но, с другой стороны, исходя из смысла действующего банковского законодательства, оно не имеет для этого реальных полномочий. Так и ситуация обстоит в области финансирования юридических лиц публичного права. Государство наделяет ЦБ РФ основным капиталом. Уставный капитал и иное имущество ЦБ РФ является федеральной собственностью, но при этом ЦБ РФ осуществляет полномочия по владению, пользованию и

распоряжению этим имуществом. Изъятие и обременение обязательствами имущества ЦБ РФ без его согласия не допускаются. ЦБ РФ осуществляет свои расходы за счет собственных доходов и не регистрируется в налоговых органах [15, с. 10].

Противоречия, содержащиеся в нормах закона, должны быть устранены, а для этого должна быть проведена определенного рода работа, в дальнейшем дающая возможность ссылаться на один источник той или иной нормы, не дающей сомнения при ее соблюдении. Также крайне красноречивым примером имеющихся коллизий является то, что в России в качестве источника финансирования деятельности отдельных государственных корпораций был установлен обязательный страховой взнос, под которым следует понимать безвозмездный платеж, взимающийся с его плательщиков в форме отчуждения денежных средств, которые принадлежат им на праве собственности, в пользу государственных внебюджетных фондов или Агентства по страхованию вкладов [16, с. 14]. Однако сомнение вызывает конституционность введения иных публично-правовых платежей, которые не являются налогами и сборами, а служат для обеспечения финансирования деятельности отдельных юридических лиц. По сути, Конституция РФ не допускает возможность установления каких-либо иных видов публично-правовых платежей, кроме налогов и сборов. Законодательство РФ не дает понятия такому участнику оборота как юридические лица публичного права, но в научной литературе этот термин достаточно распространён.

Как мы знаем, термин юридического лица не применим к публично-правовым образованиям, каковыми являются Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. Но, так или иначе, они принимают участие в имущественном обороте как в роли публично-правовых образований, так и через юридических лиц в качестве учредителей, акционеров [17, с. 13]. В первом случае Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования участвуют в обороте за счет казны, а во втором, они создают коммерческие или некоммерческие организации, и несут либо ограниченную ответственность, либо она вовсе отсутствует, кроме строго установленных случаев. Достаточно схожее правовое положение, которое подпадает под понимание юридического лица публичного права, наряду с публично-правовыми образованиями имеют те юридические лица, которые наделены публичными функциями. Например, Пенсионный фонд, федеральные фонды поддержки научной и научно-технической деятельности и другие. В настоящее время термин юридическое лицо публичного права может распространяться только на вновь созданное по российским законам юридическое лицо, наделенное публичными функциями. Это не означает, что необходимо перевести статус публично-правовых образований в юридических лиц публичного права, но необходимо отличать ответственность юридических лиц, выполняющих публичные функции (как правило, это государственные и муниципальные органы), в имущественных отношениях от ответственности за ненадлежащее выполнение ими публичных функций, которую несет соответствующий бюджет (в виде возмещения убытков), а также от ответственности должностных лиц этих органов (в виде дисциплинарной, административной и уголовной ответственности).

Определение понятия и особенностей юридического лица публичного права, его положение в системе субъектов права, правовой статус в настоящее время является весьма важной темой и требует скорейшего законодательного урегулирования. Из данной проблемы возникают остальные трудности, например, такие, как обеспечение функционирования данных субъектов, в каких формах и из каких источников должно осуществляться финансирование деятельности, возникают коллизии. В ст. 80 БК РФ говорится, что предоставление инвестиций из бюджета страны «юридическим лицам публичного права» предполагает одновременное возникновение права государственной или муниципальной собственности на равную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц.

Финансирование деятельности юридически лиц публичного права может реализовываться путем введения платежей, которые не являются налогами и сборами. Например, страховые взносы, собираемые Агентством по страхованию вкладов. Законы РФ прямо не уста-

навливают введение каких-либо платежей, кроме налогов. Установление таких платежей, которые будут взиматься юридическими лицами публичного права, в дальнейшем может носить в себе угрозу коммерциализации их деятельности. Отмечается, что легальной формой финансирования деятельности публичных юридических лиц за счет публичных платежей является накапливание средств на оплату данных расходов через налоговые платежи со следующим предоставлением межбюджетных трансфертов (в отношении государственных внебюджетных фондов) и субсидий. Таким образом, необходимо нормативно урегулировать финансовое обеспечение юридических лиц публичного права, ведь существуют разновидности юридических лиц публичного права, каждое из которых особенно по цели создания, также надо указать конкретно формы инвестирования (долгосрочные, по объему вложения и т.д.), источники финансирования.

Наиболее значимым фактом государственной политики в 2007 г. стало создание государственных корпораций, которые получили широкие функции, многочисленные направления деятельности, а главное, огромные имущественные и материальные активы государства, которые стали собственностью этих госкорпораций. Согласно ст. 7 ФЗ «О некоммерческих организациях», государственные корпорации, созданные для обеспечения государственных интересов в определенных отраслях экономики, могут так же осуществлять предпринимательскую деятельность в рамках устанавливаемых министерствами и ведомствами планов, но только в обеспечение главной своей функции. К примеру, «Росатом» продает энергию, которая вырабатывается его мощностями на АЭС. Однако для осуществления своих функций даже таким образованиям, как государственные корпорации, недостает собственных средств, и они прибегают к внешним заимствованиям. К ним относятся: субсидии из федерального бюджета, средства, полученные на выполнение государственного заказа, привлеченного финансирования в виде займов и выпуска облигаций и другие виде, не запрещенные законом [18, с. 335]. Согласно интервью директора Госкорпорации по экономике и финансам Ильи Реброва, «Росатом» выпускает биржевые облигации и продает их Пенсионным фондам. Однако сумма на которую они выпускались очень мала – всего 15 млрд руб. [19], тогда как субсидии из государственного бюджета по состоянию на 2017 г. составили более 1,3 трлн руб. Также одним из видов финансирования является квазиналоговая целевая инвестиционная надбавка к тарифам концерна «Росэнергоатом».

Касательно внешних заимствований в виде кредитов, можно сказать, что подобные сделки возможны по заявлениям руководителей только для осуществления предпринимательской деятельности за рубежом (строительство АЭС в зарубежных странах), в то время как на внутренние проекты займы иностранных банков не берутся, что объясняется отсутствием желания Росатома, а также России делиться с зарубежными конкурентами своими технологиями, что тоже порождает искусственное поддержание этой госкорпорации государством, а получение кредитов от российских банков лимитировано. На наш взгляд, «Росатом» появился не в самое лучшее время, и не с самой лучшей программой действий. Это касается как угасания интереса к атомной энергетике в мире в целом, так и громкими планами строительства 40 энергоблоков, из которых на данный момент построено всего 2. В бюджете на 2016 г. финансирование атомной энергетики было сокращено на 40%, что указывает на явные проблемы как в экономике страны, так и в эффективности госкорпорации. Инвестиции, которые вливают в деятельность «Росатома», также невелики. Для развития новых ядерных энерготехнологий на перспективу до 2020 г. госкорпорация получила 131,5 млрд руб., из которых только 21,1 млрд руб. – инвестиции, что так же говорит о плохом инвестиционном климате в стране и отсутствии особого интереса к атомной энергетике [19].

Таким образом, считаем, что главной коллизией касательно форм и источников финансирования госкорпораций является тот факт, что при всей возможности использования любых незапрещенных законом внешних заимствований, этого почти не происходит, и «Росатом» содержится исключительно на деньги налогоплательщиков.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» (с посл. изм. и доп. от 31 мая 2010 г. № 107-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30, ст. 3753.
2. Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» (с посл. изм. и доп. от 23 апреля 2018 г. № 93-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48, ст. 5814.
3. Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» (с посл. изм. и доп. от 23 апреля 2018 г. № 93-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22, ст. 2562.
4. Алексеев С.С. Право собственности: проблемы теории. М. : Наука, 2008.
5. Архив годовых отчетов о деятельности госкорпорации «Ростех» // Официальный сайт госкорпорации «Ростех» [Электронный ресурс]. URL: http://rostec.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).
6. «ВТБ предоставит Ростеху 100 млрд рублей факторингового финансирования» // Официальный сайт госкорпорации «Ростех» [Электронный ресурс]. URL: http://rostec.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).
7. Архив годовых отчетов о деятельности госкорпорации «Росатом» // Официальный сайт госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).
8. Архив годовых отчетов о деятельности госкорпорации «Внешэкономбанк» // Официальный сайт госкорпорации «Внешэкономбанк» [Электронный ресурс]. URL: https://new.veb.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).
9. Аристова Д.А., Гаврилюк Т.М. Источники финансирования деятельности АО «РЖД» // Транспортное дело России. 2014. № 2. С. 15-18.
10. Фомин В.А. Защита нарушенных прав субъектов бюджетного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
11. Андреев Ю.Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб. : Наука, 2005.
12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28 декабря 2017 г. № 434-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3823.
13. Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2004 г. № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп. от 31 декабря 2017 г. № 1730-П) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 48, ст. 4797.
14. Добродеева А.В. Неопределенность правового статуса госкорпораций в России // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 824-829.
15. Закупень Т.В. Управление государственной собственностью в условиях реформирования российской экономики // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 9-11.
16. Завода Е.А. Публичный характер имущества Агентства по страхованию вкладов // Банковское право. 2009. № 1. С. 14-17.
17. Кравченко Д.В. Юридические лица публичного права как новый субъект правоотношений в области банковской деятельности // Банковское право. 2012. № 2. С. 13-16.
18. Герасименко О. А., Орлов А. А. Источники финансирования как ключевой элемент устойчивого финансового развития корпорации // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 335-338.
19. Росатом : официальный сайт. URL: http://www.rosatom.ru/ (дата обращения: 12.02.2018).

References

1. Federal'nyy zakon ot 19 iyulya 2007 g. № 139-FZ «O Rossiyskoy korporatsii nanotekh-nologiy» (s posl. izm. i dop. ot 31 maya 2010 g. № 107-FZ) (Federal Law of July 19, 2007 No. 139-FZ “On the Russian Corporation of Nanotechnologies” (as amended and added as of May 31, 2010 No. 107-ФЗ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2007. No. 30, st. 3753.

2. Federal'nyy zakon ot 23 noyabrya 2007 g. № 270-FZ «O Gosudarstvennoy korporatsii po sodeystviyu razrabotke, proizvodstvu i eksportu vysokotekhnologichnoy promyshlennoy produktsii «Rostekh» (s posl. izm. i dop. ot 23 aprelya 2018 g. № 93-FZ) (Federal Law of November 23, 2007 No. 270-FZ "On the State Corporation for Promoting the Development, Production and Export of High-Tech Industrial Products Rostec" (as amended and added April 23, 2018 No. 93-ФЗ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2007. No. 48, st. 5814.
3. Federal'nyy zakon ot 17 maya 2007 g. № 82-FZ «O banke razvitiya» (s posl. izm. i dop. ot 23 aprelya 2018 g. № 93-FZ) (Federal Law of May 17, 2007 No. 82-FL "On the Bank of Development" (as amended and added April 23, 2018 No. 93-ФЗ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2007. № 22, st. 2562.
4. Alekseyev S.S. Pravo sobstvennosti: problemy teorii (Ownership: problems of theory). Moscow, Nauka, 2008.
5. Arkhiv godovykh otchetov o deyatel'nosti goskorporatsii «Rostekh» (Archive of annual reports on the activities of the state corporation "Rostec"), *Ofitsial'nyy sayt goskorporatsii «Rostekh»*. URL: http://rostec.ru/ (accessed date: 12.02.2018).
6. «VTB predostavit Rostekhu 100 mlrd rubley faktoringovogo finansirovaniya» ("VTB will provide Rostec with 100 billion rubles of factoring financing"), *Ofitsial'nyy sayt goskorporatsii «Rostekh»*. URL: http://rostec.ru/ (accessed date: 12.02.2018).
7. Arkhiv godovykh otchetov o deyatel'nosti goskorporatsii «Rosatom» (Archive of annual reports on the activities of Rosatom State Corporation), *Ofitsial'nyy sayt goskorporatsii «Rosatom»*. URL: http://www.rosatom.ru/ (accessed date: 12.02.2018).
8. Arkhiv godovykh otchetov o deyatel'nosti goskorporatsii «Vneshekonombank» (Archive of annual reports on the activities of Vnesheconombank state corporation), *Ofitsial'nyy sayt goskorporatsii «Vneshekonombank»*. URL: https://new.veb.ru/ (accessed date: 12.02.2018).
9. Aristova D.A., Gavrilyuk T.M. Istochniki finansirovaniya deyatel'nosti AO «RZHD» (Sources of financing the activities of JSC "Russian Railways"), *Transportnoye delo Rossii*. 2014. No. 2. pp. 15-18.
10. Fomin V.A. Zashchita narushennykh prav sub"yektov byudzhetnogo prava (Protection of the violated rights of subjects of budget law), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2006.
11. Andreyev YU.N. Uchastiye gosudarstva v grazhdansko-pravovykh otnosheniyakh (State participation in civil law relations). Saint Petersburg, Nauka, 2005.
12. Byudzhetnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 31 iyulya 1998 g. № 145-FZ (s posl. izm. i dop. ot 28 dekabrya 2017 g. № 434-FZ) (The Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended and December 28, 2017 No. 434-FZ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 1998. No. 31, st. 3823.
13. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 22 noyabrya 2004 g. № 670 «O raspredelenii dotatsiy na vyravnivaniye byudzhetnoy obespechennosti sub"yektov Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop. ot 31 dekabrya 2017 g. № 1730-P) (Resolution of the Government of the Russian Federation of November 22, 2004 No. 670 "On the distribution of subsidies for leveling the budgetary security of the constituent entities of the Russian Federation" (as amended and December 31, 2017 No. 1730-P), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2004. № 48, st. 4797.
14. Dobrodeyeva A.V. Neopredelennost' pravovogo statusa goskorporatsiy v Rossii (Uncertainty of the legal status of state corporations in Russia), *Molodoy uchenyy*. 2014. № 4. pp. 824-829.
15. Zakupen' T.V. Upravleniye gosudarstvennoy sobstvennost'yu v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy ekonomiki (Management of state property in the conditions of reforming the Russian economy), *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2001. № 8. pp. 9-11.
16. Zavoda Ye.A. Publichnyy kharakter imushchestva Agentstva po strakhovaniyu vkladov (The public nature of the property of the Deposit Insurance Agency), *Bankovskoye pravo*. 2009. No. 1. pp. 14-17.
17. Kravchenko D.V. Yuridicheskiye litsa publichnogo prava kak novyy sub"yekt pravootno-sheniy v oblasti bankovskoy deyatel'nosti (Legal entities of public law as a new subject of legal relations in the field of banking), *Bankovskoye pravo*. 2012. No. 2. pp. 13-16.

18. Gerasimenko O.A., Orlov A.A. Istochniki finansirovaniya kak klyuchevoy element ustoychivogo finansovogo razvitiya korporatsii (Sources of financing as a key element of the sustainable financial development of a corporation), *Molodoy uchenyy*. 2016. No. 1. pp. 335-338.
19. Rosatom, ofitsial'nyy sayt (Official website). URL: http://www.rosatom.ru/ (accessed date: 12.02.2018).

Дата поступления: 20.10.2018 *Received: 20.10.2018*

УДК 347.73

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ВЗНОСОВ НА КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

ЗЕМЛЯНСКАЯ Марина Александровна
аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО "Саратовская государственная юридическая академия", г. Саратов, Россия.
E-mail: MA-Zemlyanskaya@mail.ru

В условиях недостаточности бюджетных средств для финансового обеспечения общественных потребностей, государство устанавливает обязательные платежи, служащие источником доходов децентрализованных публичных денежных фондов. Взносы на капитальный ремонт, взимаемые в целях формирования фондов капитального ремонта, имеют финансово-правовую природу и характеризуются такими признаками, как обязательность, общественная возмездность, целевая направленность использования и др.

Ключевые слова: взносы на капитальный ремонт, обязательные платежи, фонд капитального ремонта, общественная возмездность, целевой характер.

THE LEGAL NATURE AND CHARACTERISTICS OF FEES FOR MAJOR STRUCTURAL REPAIRS

ZEMLYANSKAYA Marina Alexsandrovna
Postgraduate Student of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", Saratov, Russia.
E-mail: MA-Zemlyanskaya@mail.ru

In modern conditions, when budget funds are not enough for financial provision of all social needs, the state establishes obligatory payments that serve as a source of income of decentralized public money funds. The fees for major structural repairs collected in order to form funds for major structural repairs have the financial and legal nature and are characterized by such main legal signs as obligation, public onerous, purposive character of using, periodicity and others.

Key words: fees for major structural repairs, obligatory payments, fund for major structural repairs, public onerous, purposive character.

Нормативно закрепленной формой участия населения в финансировании общественно значимых расходов является формирование и использование фондов капитального ремонта, создаваемых с целью финансового обеспечения осуществления капитального ремонта в многоквартирных домах, необходимого для поддержания российского жилого фонда в безопасном для проживания и использования состоянии. К числу обязательных платежей, формирующих названные фонды и регулируемых нормами финансового права, относятся взносы на капитальный ремонт. Действующее российское законодательство не дает четкого понятия рассматриваемого термина. Однако его уяснение, выделение и характеристика основных при-

знаков рассматриваемых платежей являются важными как с теоретической точки зрения, так с позиции законотворчества и правоприменительной практики. Существенной характеристикой взносов на капитальный ремонт является их закрепление и установление положениями нормативных правовых актов, а не договоров, заключаемых между собственниками помещений многоквартирных домов, либо с участием органов государственной власти и местного самоуправления, либо с привлечением подрядных организаций и т.п. При этом правовое регулирование исследуемых платежей осуществляется разноуровневыми актами.

Взносы на капитальный ремонт устанавливаются актами федерального уровня, прежде всего – Жилищным кодексом РФ (далее – ЖК РФ). В частности, в соответствии со ст. 169 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома. Кроме того, названный акт указывает, куда направляются и как используются средства, аккумулированные за счет их уплаты. Взносы служат основным источником формирования средств фондов капитального ремонта и направляются на ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения; ремонт или замену лифтового оборудования, признанного непригодным для эксплуатации, ремонт лифтовых шахт, крыши, фасада, подвальных помещений, относящихся к общему имуществу; ремонт фундамента многоквартирного дома. Закрепляя императивно названные правила, ЖК РФ относит решение отдельных вопросов к полномочиям нижестоящих публично-правовых образований, а также собственников. Так, установление минимального размера взносов на капитальный ремонт отнесено к компетенции субъектов РФ. Исходя из положений ст. 167 ЖК РФ органы государственной власти субъекта РФ устанавливают минимальный размер взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, расположенном на территории соответствующего субъекта РФ. Также перечень услуг и работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме по решению региональных властей может быть дополнен услугами и работами по утеплению фасада, переустройству невентилируемой крыши на вентилируемую, устройству выходов на кровлю, установке автоматизированных информационно-измерительных систем учета потребления коммунальных ресурсов и коммунальных услуг, установке коллективных (общедомовых) приборов учета потребления ресурсов, необходимых для предоставления коммунальных услуг, и узлов управления и регулирования потребления этих ресурсов (тепловой энергии, горячей и холодной воды, электрической энергии, газа) и др.

Помимо нормативных правовых актов, издаваемых по вопросам установления, взимания, распределения и расходования взносов на капитальный ремонт, важную роль в регулировании рассматриваемых отношений играют решения, принимаемые плательщиками вносов – собственниками помещений в многоквартирном доме. В частности, собственники вправе своим общим собранием принять решение об установлении размера взноса, превышающего минимальный размер, установленный региональным нормативным правовым актом. Принятое решение носит обязательный характер и фактически представляет собой локальный правовой акт. При этом средства фонда капитального ремонта, сформированные за счет указанного превышения, могут быть в соответствии со ст. 166 ЖК РФ использованы на финансирование любых услуг и работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме. Думается, что в рассмотренных правилах нашла отражением и такая характеристика взносов на капитальный ремонт, как соединение публично-правовых и частноправовых начал их правового регулирования.

При исследовании взносов на капитальный ремонт следует учитывать их обязательный характер. Рассматривая признак обязательности применительно к платежам, зачисляемым как в бюджетную систему, так и иные денежные фонды, А.Я. Курбатов рассматривает понятие "обязательный платеж" в узком и широком значениях [1]. В первом случае, по мнению автора, речь идет о платежах, зачисляемых в бюджеты публично-правовых образований и государственные внебюджетные фонды, то есть учитывается критерий их направленности.

Во втором – термин "обязательные платежи" используется для обозначения платежей, уплата которых обязательна для конкретных субъектов. Следует согласиться с А.Я. Курбатовым, что в настоящее время критерий направленности платежа эффективно не может быть использован, поскольку выполнение публичных функций все чаще возлагается на организации, не являющиеся государственными и не относящиеся к государственным (муниципальным) органам. Для решения некоторых социально-значимых задач создаются специальные субъекты, за которыми закрепляются соответствующие этим задачам функции. Их расходы покрываются за счет доходов, не учитываемых в структуре доходов соответствующих бюджетов. Придерживаясь такого подхода, взносы на капитальный ремонт относятся к обязательным платежам в широком значении рассматриваемого понятия. Ст. 57 Конституции РФ гласит об обязанности граждан уплачивать законно установленные налоги и сборы. При этом Налоговый кодекс РФ указывает на то, что ни на кого не может быть возложена обязанность уплаты налогов и сборов, а также иных взносов и платежей, не входящих в систему налогов и сборов РФ и не являющихся страховыми взносами. Но потребности в финансовых ресурсах, не обеспеченные бюджетными средствами, требуют поиска новых источников доходов, к числу которых все чаще относятся имеющие обязательный характер неналоговые платежи. Взносы, уплачиваемые собственниками помещений на капитальный ремонт вне зависимости от способа формирования фонда капитального ремонта, носят обязательный характер, направлены на финансовое обеспечение реализации публичных потребностей в ремонте общих помещений в многоквартирных домах. В силу ст. 169 ЖК РФ обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах возлагается на всех собственников в этих домах, за исключением случаем предусмотренных законодательством РФ.

На обязательный характер исследуемых платежей указал Конституционный Суд РФ, разъяснивший, что взносы на капитальный ремонт в силу своей публичной значимости в формально юридическом смысле относятся к обязательным платежам и взимаются в целях финансового обеспечения организации и проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах для поддержания их в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям [2].

Об обязательном характере взносов на капитальный ремонт свидетельствует предусмотренная законодательством и подтвержденная судебной практикой возможность их взыскания в случае неуплаты, а также начисление пеней за просрочку уплаты. Следует сказать, что судебная практика по делам о взыскании задолженности за неуплату взносов на капитальный ремонт и начислению пеней несколько различается. Противоречия вызваны разной трактовкой момента возникновения обязанности собственников помещений в многоквартирных домах по уплате взноса. Так, Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа с общества с ограниченной ответственностью "Транснефть-Балтика" взысканы пени за просрочку платежа в размере 9422 руб. 14 коп. При этом для определения количества дней просрочки суд учитывал момент, когда платежный документ был выставлен собственнику [3]. В другом Постановлении, вынесенном Арбитражным судом Северо-Западного округа, с Общества с ограниченной ответственностью "Производственное объединение Киришинефтеоргсинтез" взыскано в пользу некоммерческой организации "Фонд капитального ремонта многоквартирных домов Ленинградской области" 24 279 руб. 62 коп. пеней за просрочку уплаты взносов на капитальный ремонт. При вынесении Постановления суд кассационной инстанции мотивировал свою позицию тем, что ненаправление в адрес собственника платежных документов не освобождает его от установленной ЖК РФ обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт, в связи с чем, возникает возможность начисления и взыскания истцом пеней с недобросовестного плательщика [4]. Арбитражным судом Поволжского округа при вынесении Постановления о взыскании с некоммерческой организации "Государственный жилищный фонд при Президенте Республики Татарстан" в пользу управляющей компании задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг, указывает на то, что момент

обязанность по уплате взноса на капитальный ремонт у собственника помещения в многоквартирном доме возникает с момента официального опубликования утвержденной региональной программы капитального ремонта, в которую включен этот дом, либо при принятии на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме решения о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете [5]. Приведенная судебная практика свидетельствует о том, что взносы на капитальный ремонт носят обязательный характер, несмотря на разное определение судами момента возникновения у собственников помещений обязанности по их уплате, обеспечиваются мерами государственного принуждения по их взысканию и начислению пеней за просрочку уплаты.

Следует отметить, что расходование средств фонда капитального ремонта на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах отвечает интересам не конкретного собственника помещения в таких домах, а нацелено на обеспечение безопасного пользования жилым домом всеми собственниками и, осмелимся предположить, неограниченным кругом «посетителей» домов. Из этого следует, что уплата взноса на капитальный ремонт не влечет индивидуального встречного возмещения понесенных затрат в виде проведения ремонтных работ. Как было указано ранее, правовыми нормами четко определены цели использования фонда капитального ремонта, среди которых отсутствует работы и услуги, проводимые в интересах и пользу конкретного собственника.

Уместно выделить такой признак взноса на капитальный ремонт, как общественная возмездность, характерный и для налога, применительно к последнему свидетельствующий о том, что лицо, уплатившее налог, не вправе рассчитывать на встречное персональное предоставление со стороны государства [6]. Согласно ст. 174 ЖК РФ средства фонда капитального ремонта могут использоваться для оплаты услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, разработки проектной документации (в случае, если подготовка проектной документации необходима в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности), оплаты услуг по строительному контролю, погашения кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты указанных услуг, работ, а также для уплаты процентов за пользование такими кредитами, займами, оплаты расходов на получение гарантий и поручительств по таким кредитам, займам. За счет средств фонда капитального ремонта в пределах суммы, сформированной исходя из минимального размера взноса на капитальный ремонт, установленного нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, может осуществляться финансирование только работ, предусмотренных ЖК РФ, и работ, предусмотренных нормативным правовым актом субъекта РФ, погашение кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты данных работ, и уплата процентов за пользование этими кредитами, займами. Из смысла представленной нормы понятно, что взносы, перечисленные в фонд капитального ремонта, могут быть использованы для удовлетворения потребностей в осуществлении ремонта всех собственников конкретного многоквартирного дома, а не одного из собственников.

Более того, из ст. 179 ЖК РФ следует, что средства, полученные региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счетах этого же регионального оператора. Такое правоположение дополнительно аргументирует вывод об индивидуальной безвозмездности исследуемых платежей. Еще одним признаком взносов на капитальный ремонт является целевой характер их использования. Следует отметить, что целевой направленностью характеризуются и другие парафискалитеты, поскольку они поступают в денежные фонды, предназначенные для финансирования любых публичных расходов, но не входящие в бюджетную систему РФ. В частности, помимо рассматриваемых платежей к ним можно отнести платеж за пользование автомобильными дорогами общего пользования федерального значения, установленный системой

«Платон», платежи за пользование недрами и другие. Законодательством определен перечень работ и услуг в рамках капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, финансирование выполнения которых производится за счет средств, поступивших в фонд капитального ремонта. При этом ЖК РФ предоставляет возможность каждому субъекту РФ дополнить данный перечень услуг и работ по капитальному ремонту иными их видами. Средства той части фонда капитального ремонта, которая сформирована в результате принятия решения собственниками помещений о повышении размера взноса, могут быть использованы для финансирования любых услуг и работ по капитальному ремонту в конкретном многоквартирном доме. Взносы на капитальный ремонт носят строго целевой характер и их расходование на несвязанные с капитальным ремонтом цели не допускается.

Немаловажной особенность взносов на капитальный ремонт является их уплата исключительно собственниками принадлежавшего им имущества. Ст. 210 Гражданского кодекса РФ гласит, что собственник несет бремя по содержанию принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Кроме того, предусмотрена обязанность каждого участника долевой собственности соразмерно своей доле уплачивать налоги, сборы и иные платежи по общему имуществу, а также издержки по его содержанию и сохранению.

Применительно непосредственно к взносам на капитальный ремонт ЖК РФ обязывает собственников помещений в многоквартирном доме нести расходы по содержанию каждым собственником принадлежавшего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание жилого помещения, взносов на капитальный ремонт. Уплата дополнительных взносов, предназначенных для финансирования расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, осуществляется собственниками помещений в многоквартирном доме в случае, предусмотренном ЖК РФ. Субъект взносов на капитальный ремонт, то есть лицо, обязанное их уплачивать, обладает специальным правым статусом, поскольку является собственником помещения в многоквартирном доме. Обязанность по оплате тех или иных платежей может носить как периодичный, так и разовый характер. Например, уплата налогов и страховых взносов в соответствии с законодательством о налогах и сборах носит регулярный характер. Согласно ст. 55 Налогового кодекса РФ под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате. В зависимости от вида налога выделяют различные налоговые периоды: календарный год, квартал и иные. Расчетным периодом в отношении страховых взносов, регулируемых Налоговым кодексом РФ, признается календарный год. Не все обязательные платежи, установленные действующим российским законодательством, являются периодичными, например, сборы, взимаемые в соответствии с Налоговым кодексом РФ, уплачиваются по необходимости, носят вероятностный характер. На разовый характер средств самообложения граждан, выступающих в соответствии с Бюджетным кодексом РФ неналоговым доходом бюджетов, указывает С.М. Миронова, утверждающая, что «разовость платежей предполагает однократность их установления, в связи с чем, не допускается использование таких формулировках, как «ежегодные разовые платежи» или "установление разовых платежей на срок более одного года" [7]. Ст. 56 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" дает определение понятию средств самообложения граждан как разовых платежей граждан, осуществляемых для решения конкретных вопросов местного значения. Взносы на капитальный ремонт носят регулярный характер и в соответствии с ч. 1 ст. 169 ЖК РФ уплачиваются собственниками многоквартирных домов ежемесячно. Следовательно, можно выделить такой признак взносов на капитальный ремонт, как их периодичность.

На основании вышеизложенного, можно сформулировать следующее понятие взносов на капитальный ремонт: это установленные нормативными правовыми актами разных уров-

ней обязательные, общественно возмездные, ежемесячные платежи собственников помещений многоквартирных домов, уплачиваемые ими в фонд капитального ремонта с целью финансового обеспечения проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Библиографические ссылки

1. Курбатов А.Я. Разграничение обязательных платежей // Фискальные сборы: правовые признаки и порядок регулирования / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2003. С. 64-65.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2016 N 10-П "По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы" // Собрание законодательства РФ. 2016. № 16. Ст. 2285.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.05.2018 № Ф07-3773/2018 по делу № А56-40764/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.11.2017 № Ф07-10511/2017 по делу № А56-77273/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.03.2017 № Ф06-18669/2017 по делу № А65-15183/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Крупенин Г.Р. Современные подходы к определению налога как категории юридической науки // Налоги. 2010. № 5. С. 6-9.
7. Миронова С.М. Участие граждан в финансовой деятельности муниципальных образований как принцип финансового права : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

References

1. Kurbatov A.YA. Razgranichenie obyazatel'nyh platezhej (The distinction between obligatory payments), Fiskal'nye sbory: pravovye priznaki i poryadok regulirovaniya, Pod red. S.G. Pepelyaeva. Moscow, 2003, pp. 64-65.
2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.04.2016 N 10-P "Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti 1 stat'i 169, chastej 4 i 7 stat'i 170 i chasti 4 stat'i 179 ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosami grupp deputatov Gosudarstvennoj Dumy" (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.04.2016 No. 10-P “On the case over verifying constitutionality of provisions of part 1 of article 169, parts 4 and 7 of article 170 and part 4 of article 179 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with requests of groups of deputies of the State Duma”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2016, № 16, St. 2285.
3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 16.05.2018 № F07-3773/2018 po delu № A56-40764/2016 (Resolution of the Arbitration Court of the North-Western district of 16.05.2018 No. F07-3773/2018 in the case No. A56-40764/2016). Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistumy «Konsul'tantPlyus».
4. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 01.11.2017 № F07-10511/2017 po delu № A56-77273/2016 (Resolution of the Arbitration Court of the North-Western district of 01.11.2017 No. F07-10511/2017 in case No. A56-77273/2016). Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistumy «Konsul'tantPlyus».
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 20.03.2017 № F06-18669/2017 po delu № A65-15183/2016 (Resolution of the Arbitration Court of the Volga District from 20.03.2017 No. F06-18669/2017 in the case No. A65-15183/2016. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistumy «Konsul'tantPlyus».

6. Krupenin G.R. Sovremennye podhody k opredeleniyu naloga kak kategorii yuridicheskoj nauki (Modern approaches to the definition of tax as a category of legal science), *Nalogi*, 2010, No. 5, pp. 6-9.
7. Mironova S.M. Uchastie grazhdan v finansovoj deyatel'nosti municipal'nyh obrazovanij kak princip finansovogo prava (Participation of citizens in the financial activities of municipalities as a principle of financial law), monografiya. Moscow, YUrlitinform, 2018.

Дата поступления: 11.05.2018 *Received: 11.05.2018*

УДК 347.73

ПРОБЛЕМА ЗАКРЕПЛЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ИВАНОВА Валентина Николаевна
доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и административного права ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет", г. Ульяновск, Россия. Email: Ivanovavn73@gmail.com

Несмотря на то, что в российской юридической науке еще недостаточно изучены, понятия «налоговый федерализм», «налоговый суверенитет» довольно часто начинают встречаться в работах исследователей проблем современного законодательства. Этим обусловливается необходимость исследования особенностей налогового суверенитета и налогового федерализма России исходя из норм Конституции РФ и Налогового кодекса РФ. Понятие «налоговый суверенитет» принадлежит Российской Федерации в лице ее высшего представительного органа – Федерального Собрания РФ. Появление понятия «налоговый федерализм» обусловлено спецификой взаимоотношений Российской Федерации, субъектов РФ и муниципалитетов, которая выражается в порядке распределения между ними налоговых полномочий в соответствии с нормами Налогового кодекса РФ. Налоговый федерализм в Российской Федерации проявляется через распределение полномочий представительных органов власти в сфере налогообложения.

THE PROBLEM OF ENSHRINING THE RATIO OF TAX FEDERALISM AND TAX SOVEREIGNTY IN THE CURRENT LEGISLATION

IVANOVA Valentina Nikolaevna
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Administrative Law of the FSBEI HE "Ulyanovsk State University", Ulyanovsk, Russia. Email: Ivanovavn73@gmail.com

The concepts "tax federalism" and "tax sovereignty" are of quite frequent occurrence in the works of researchers of the problems of modern legislation despite the fact that they have not been sufficiently studied in Russian legal science. This explains the need to study the specifics of tax sovereignty and tax federalism of Russia based on the norms of the Constitution of the Russian Federation and the Tax Code of the Russian Federation. It seems that the concept of 'tax sovereignty" belongs to the Russian Federation in the name of its highest representative body – the Federal Assembly of the Russian Federation. The emergence of the concept "tax federalism" is due to the specifics of relations among the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation and municipalities, which is expressed in the order of distribution of tax powers among them in accordance with the norms of the Tax Code of the Russian Federation. Tax federalism in the Russian Federation is manifested through the distribution of powers of representative bodies in the field of taxation.

Ключевые слова: государственный суверенитет, налоговый суверенитет, налоговый федерализм.

Key words: state sovereignty, tax sovereignty, tax federalism.

Понятие налогового суверенитета недостаточно изучено в российской юридической науке. Полагаем, что при исследовании этого феномена следует исходить из понятия суверенитет государства, которое хорошо изучено в юридической науке России и зарубежных стран. В самом общем виде под государственным суверенитетом понимается присущее государству верховенство на всей территории и независимость в международных отношениях [1]. Английский специалист в области философии права Денис Ллойд предложил рассматривать суверенитет государства в двух аспектах: внутренний и внешний. При этом внутренний суверенитет, по его мнению, представлен верховным законодателем государства [2]. Иначе говоря, суверенитет государства выражается путем закрепления его воли в законах, принимаемых высшим законодательным органом власти. В России таким органом государственной власти является Федеральное Собрание Российской Федерации.

1. Закрепление налогового суверенитета и налогового федерализма в нормах Конституции РФ и Налогового кодекса РФ.

В соответствии с пунктом 2 ст. 4 Конституции РФ, Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Пункт "ж" ст. 71 Конституции РФ устанавливает, что в исключительном ведении России находятся федеральные налоги и сборы, а в соответствии с пунктом "и" т. 72, в совместном ведении России и ее субъектов находится установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации. Исключительные полномочия субъектов РФ закреплены в ст. 73 Конституции РФ, провозгласившей, что вне предметов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации и субъектов РФ, субъекты РФ обладают всей полнотой власти. Более того в пункте 4 ст. 76 Конституции РФ указывается, что вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. В пункте 1 ст. 132 Конституции РФ закреплено право органов местного самоуправления устанавливать местные налоги и сборы. В Конституции РФ нет указания на установление не только юридических конструкций региональных и местных налогов, но и их видов [3]. Таким образом, исходя из содержания норм действующей Конституции РФ складывается следующий порядок установления налогов и сборов:

- виды федеральных налогов и сборов и их юридические конструкции устанавливаются Федеральным Собранием РФ;
- виды региональных налогов и сборов и их юридические конструкции устанавливаются законодательными собраниями субъектов РФ;
- виды местных налогов и сборов и их юридические конструкции устанавливаются представительными органами местного самоуправления.

В то же время, исследуя нормы Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), можно констатировать, что федеральный законодатель заложил иное видение распределения полномочий между федерацией, регионами и муниципалитетами. Так, в статьях 13, 14 и 15 установлены виды, соответственно, федеральных, региональных и местных налогов. В части второй НК РФ установлены юридические конструкции всех видов федеральных, региональных и местных налогов. При этом нормы, определяющие характеристики юридических конструкций региональных и местных налогов являются обязательными для формирования региональных законов и решений муниципалитетов о региональных и местных налогах. В соответствии с нормами ст. 12 НК РФ, регионы и муниципалитеты вправе определять характеристики таких элементов юридических конструкций налогов при введении их на своей территории,

как: налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов, если эти элементы не установлены НК РФ. А также в порядке и пределах, которые предусмотрены НК РФ, могут устанавливаться особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения [4]. Исследование регионального законодательства о налогах и решений представительных органов местного самоуправления показывает, что регионы и муниципалитеты ограничиваются перечислением в нормативно-правовых актах о налогах лишь указанных элементов юридических конструкций конкретных налогов. Это создает значительные неудобства для налогоплательщиков, которые должны использовать одновременно два разноуровневых нормативных акта о региональном (местном) налоге – нормы второй части НК РФ и региональный закон (решение муниципалитета). Установлено, что федеральные, региональные и местные налоги и сборы отменяются только НК РФ. Устанавливая налоговые режимы, НК РФ также оставил за федеральным законодателем право определять порядок их установления, введения в действие и применения, включая освобождение от уплаты отдельных федеральных, региональных и местных налогов и сборов, указанных в статьях 13–15. Законодательные органы государственной власти субъектов РФ и представительные органы муниципальных образований вправе устанавливать по специальным налоговым режимам лишь некоторые условия, определенные НК РФ. На укрепление внутреннего суверенитета России направлена норма пункта 4 ст. 3 НК РФ, содержащая запрет на установление налогов и сборов, нарушающих единое экономическое пространство Российской Федерации и, в частности, прямо или косвенно ограничивающих свободное перемещение в пределах территории Российской Федерации товаров (работ, услуг) или финансовых средств, либо иначе ограничивающих или создающих препятствия не запрещенной законом экономической деятельности физических лиц и организаций. Ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие установленными НК РФ признаками налогов или сборов, не предусмотренные НК РФ, либо установленные в ином порядке, чем это определено в нем.

Итак, анализ основных законодательных актов в сфере налогообложения – Конституции РФ и НК РФ, показывает, что эти нормативно-правовые акты устанавливают противоречивые правовые положения. При этом, Конституция РФ устанавливает полную самостоятельность не только субъектов Российской Федерации, но и муниципалитетов в определении основных источников формирования своей материальной базы в форме налогов. В таком случае, следовало бы, закрепить в нормах Конституции РФ виды федеральных, региональных и местных налогов, а также установить соответствующие контрольно-надзорные органы, осуществляющие контроль за уплатой налогов соответствующего уровня. Полагаем, что это означало бы проявление народного суверенитета, закрепленного в ст. 3 Конституции РФ, так как она принята всенародным голосованием на референдуме 12 декабря 1993 года.

НК РФ, принятый высшим представительным органом государственной власти – Федеральным Собранием РФ, напротив, лишает регионы и муниципалитеты права определять виды налогов, а также устанавливает в главах второй части НК РФ рамочные законы по определенным для них видам налогов, закрепляет правовой статус и полномочия единого федерального контрольно-надзорного органа Федеральной налоговой службы. Иными словами, система налогов и контроль за их внесением в федеральный, региональные и местные бюджеты строго централизованы, за исключением некоторых условий, не являющихся определяющими. Полагаем, что в сложившихся правовых условиях, можно говорить о налоговом суверенитете государства, как политико-территориального образования. Следует согласиться с мнением И.И. Кучерова, отметившего, что право установления и введения налогов и сборов по сути есть составная часть государственного суверенитета, которая может быть обозначена как суверенитет в области налогообложения (налоговый суверенитет) [5].

Исходя из того, что субъекты Российской Федерации не обладают собственным суверенитетом, а суверенитет России распространяется на всю ее территорию, согласно п. 1 ст. 4

Конституции РФ, следует, что регионы не обладают и налоговым суверенитетом. Так как Российская Федерация является федеративным государством, то вернее будет говорить о налоговом федерализме. При этом следует исходить из общего понятия федерализма как основ конституционного строя России, установленного нормами ст. 5 Конституции РФ, за счет которого обеспечивается единство страны, а также децентрализация власти на основе разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами [6]. Здесь мы согласны с проф. Ф.М. Раяновым, который писал: «в федеративном государстве система законодательства является двухуровневым: федеральное законодательство и законодательство субъектов федерации. Применительно к федеративному государству при характеристике его системы законодательства следует пользоваться понятием "двухуровневое законодательство", различая понятия "общегосударственное законодательство" и "законодательство субъекта федерации"» [7, с. 19]. Таким образом, использование понятия налогового федерализма в отношениях между Российской Федерацией как субъекта, обладающего исключительным государственным, а следовательно и налоговым суверенитетом, и субъектами федерации, муниципалитетами, не имеющими, по определению своего правового статуса, суверенитета, следует, что субъекты федерации и муниципалитеты наделены законами государства, в установленных для них пределах, в определении характеристик отдельных элементов юридических конструкций региональных и местных налогов.

2. Проявление налогового федерализма в полномочиях представительных органов.

Налоговый федерализм в Российской Федерации проявляется через распределение полномочий представительных органов власти в сфере налогообложения. Нормотворческая деятельность представительных органов власти реализуется путем законотворческой деятельности Федерального Собрания РФ, законодательных собраний субъектов РФ и принятия нормативных решений представительными органами местного самоуправления. Особое значение имеет деятельность этих органов власти по формированию состава юридических конструкций конкретных налогов и определению юридических значений их элементов. При этом высший орган законодательной власти государства должен вводить такое количество налогов и с такими качественными характеристиками, которые позволили бы избежать двойного налогообложения и чрезмерного увеличения налогового бремени.

На каждом уровне власти: федеральном, региональном и местном самоуправлении, представительные органы наделены собственной компетенцией в сфере налогообложения, в том числе – по нормативно-правовому оформлению юридической конструкции конкретного налога. Федеральное Собрание РФ обладает полномочиями:

- определять уровни, по которым распределяются группы налогов: федеральный, региональный и местный;

- устанавливать виды федеральных, региональных и местных налогов;

- устанавливать типовую модель юридической конструкции налога путем закрепления ее элементов и характеристику каждого из них в нормах дефинициях первой части НК РФ;

- устанавливать видовую структуру юридической конструкции конкретного налога во второй части НК РФ или в специально принятом налоговом законе. При этом Федеральное Собрание РФ устанавливает юридические конструкции не только федеральных налогов, но региональных и местных. В отношении юридических конструкций региональных и местных налогов принимаются рамочные законы, размещенные в части второй НК РФ;

- устанавливать специальные налоговые режимы.

К компетенции региональных и муниципальных представительных органов власти отнесено:

- установление юридических конструкций региональных (местных) налогов в части таких элементов, как: налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов, если эти элементы не установлены НК РФ. А также в порядке и пределах, которые предусмотрены НК РФ, могут устанавливаться особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения;

- введение в действие, изменение и прекращение действия региональных (местных) налогов;

- вправе устанавливать по специальным налоговым режимам: виды предпринимательской деятельности, в отношении которых может применяться соответствующий специальный налоговый режим; ограничения на переход на специальный налоговый режим и на применение специального налогового режима; налоговые ставки в зависимости от категорий налогоплательщиков и видов предпринимательской деятельности; особенности определения налоговой базы; налоговые льготы, а также основания и порядок их применения.

Принадлежность налогового суверенитета только Российской Федерации подтверждается и порядком формирования юридических конструкций конкретных налогов и принятия законов о налогах. В соответствии со ст. 104 Конституции РФ определен круг субъектов законодательной инициативы. Из смысла конституционной нормы следует, что наряду с представителями федеральной власти, законопроекты о налогах вносятся, в том числе, и законодательными (представительными) органами власти субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, пункт 4 ст. 104 указывает, что законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты могут быть внесены только при наличии заключения Правительства РФ. Таким образом, осуществляется контроль за соблюдением норм НК РФ, касающихся принятия закона о налоге или оптимизации юридической конструкции действующего налога. Это подтверждает высказанное выше мнение о том, что налоговым суверенитетом обладает Российская Федерация, а вот проявления налогового федерализма связаны с тем, что некоторые действия, в определенных законом рамках, могут совершаться субъектами Российской Федерации и муниципалитетами.

Реализация налогового федерализма побуждает Федеральное Собрание РФ, законодательные органы субъектов РФ и представительные органы муниципалитетов в процессе нормотворческой деятельности решать целый комплекс задач:

1) обосновывается необходимость введения конкретного налога для финансирования расходов федерального, регионального или местного бюджета;

2) определяется доля нового налога в общем налоговом бремени налогоплательщика, то есть экономическая целесообразность, а также наличие достаточного источника с точки зрения возможности уплаты налога;

3) создается юридическая конструкция конкретного налога в соответствии с ее моделью. При этом набор основных и дополнительных элементов юридической конструкции конкретного налога должен соответствовать модели юридической конструкции налога, разработанной в науке финансового права и закрепленной в НК РФ;

4) осуществляется учет политических интересов партии, имеющей большинство в Государственной Думе с корректировкой на политические интересы иных парламентских групп. Политические интересы избирателей и населения в целом учитываются лишь через формы парламентской деятельности. Непосредственно налогоплательщики не принимают участия в принятии налоговых законов, что обусловлено запретом выносить вопросы о налогах на референдум;

5) решаются вопросы социального значения. С одной стороны, принимаемый закон о налоге предназначен для пополнения доходов бюджета и выполнения социальных программ, с другой стороны, законодатель должен учитывать социальное положение налогоплательщика при введении тех или иных льгот по устанавливаемому налогу;

6) определяются границы экономических возможностей налогоплательщика. В зависимости от проводимой в государстве экономической политики законодатель определяет приоритеты налогового регулирования: создает условия благоприятные для развития налогоплательщика товаропроизводителя или налогоплательщика пользователя природными ресурсами. В этом случае определение юридической конструкции конкретного налога будет выступать в качестве налогового метода регулирования экономических процессов [8].

Если налоговый федерализм проявляется в основном при распределении налоговых полномочий между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципалитетами, то налоговый суверенитет государства проявляется также в характере правоотношений, возникающих между государством и налогоплательщиками. Существует целый ряд научных воззрений на характер связей, возникающих между государством и налогоплательщиком при установлении налога. В одних случаях указывается на отношения по предоставлению услуг налогоплательщику со стороны государства и, соответственно, согласие налогоплательщика платить налог, в других акцент делается на обязательственный характер налогового платежа и отсутствие согласования воль государства и налогоплательщика. В соответствии с нормами НК РФ, правоотношения, возникающие между налогоплательщиками и государством, носят жесткий характер, что обусловлено императивным характером налоговых норм.

Заключение:

1. Исследование норм действующей Конституции РФ и Налогового кодекса РФ приводят к заключению, что их содержание противоречиво и не дает полного понимания налогового суверенитета. В связи с чем, необходимо нормы Конституции в статьях 71–73 и ст. 132 дополнить конкретным содержанием, закрепляющим более точно полномочия Российской Федерации, субъектов РФ и муниципалитетов в сфере налогообложения.

2. Правовое понятие налогового суверенитета проистекает из понятия государственного суверенитета и принадлежит только Российской Федерации в лице ее высшего представительного органа – Федерального Собрания РФ.

3. Распределение полномочий в сфере налогообложения между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципалитетами осуществляется в рамках налогового федерализма, вытекающего из содержания конституционного принципа федеративного устройства России.

Библиографические ссылки

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Курс лекций М., Юрист. 1997.
2. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашева.. 4-е изд. М., 2007.
3. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru.
5. Кучеров И.И. Теория налогов и сборов. М. : ЗАО "ЮрИнфоР", 2009.
6. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М. : Инфра-М, 2004.
7. Раянов Ф.М. Система законодательство Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и дальнейшее развитие : материалы Республиканской научно-практической конференции 27 февраля 1996 г., г. Уфа). Академия наук Республики Башкортостан. Уфа, 1996.
8. Иванова В.Н. Правовая характеристика системно-структурного анализа налоговой системы. Ульяновск, 2006.

References

1. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law). Kurs lektsiy. Moscow, Yurist. 1997.
2. Lloyd D. Ideya prava (The idea of law), per. s angl. M.A. Yumasheva, 4-ye izd. Moscow, 2007.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata na vsenarodnom referendume 12 dekabrya 1993 goda (The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular referendum on December 12, 1993). URL: www.consultant.ru.
4. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (Tax Code of the Russian Federation). URL: www.consultant.ru.
5. Kucherov I.I. Teoriya nalogov i sborov (Theory of taxes and fees). Moscow, ZAO "YurInfoR", 2009.
6. Bol'shoy yuridicheskiy slovar' (Great legal dictionary), pod red. A.Ya. Sukhareva, V.Ye. Krutskikh. Moscow, Infra-M, 2004.

7. Rayanov F.M. Sistema zakonodatel'stvo Respubliki Bashkortostan kak sub"yekta Rossiyskoy Federatsii (The system of legislation of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Russian Federation), *Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan: stanovleniye i dal'neysheye razvitiye*, materialy Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27 fevralya 1996 g., g. Ufa), Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa, 1996.
8. Ivanova V.N. Pravovaya kharakteristika sistemno-strukturnogo analiza nalogovoy sistemy (Legal characteristics of the system-structural analysis of the tax system). Ul'yanovsk, 2006.

Дата поступления: 27.10.2018 *Received: 27.10.2018*

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

PUBLIC ENVIRONMENTAL CONTROL

ГИЗЗАТУЛЛИН Равиль Хасанович
доктор юридических наук, профессор кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ravil73@mail.ru

GIZZATULLIN Ravil Khasanovich
Doctor of Law, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ravil73@mail.ru

Общественный экологический контроль как форма участия общественности в управлении охраной окружающей среды и природопользованием обусловлен наличием объективных факторов. Контроль граждан и общественных объединений является одним из проявлений деятельности гражданского общества, направленной на обеспечение права на благоприятную окружающую среду, экологических интересов и соблюдения экологического законодательства. Общественный экологический контроль характеризуется добровольностью и инициативностью в рамках предоставленных законодательством возможностей. Отсутствие государственно-властных полномочий предопределяет специфичность его результатов. Для того, чтобы они повлекли за собой юридически значимые последствия, необходимо задействовать и административные, и судебные механизмы. С изменениями в законодательстве связано и введение института общественных инспекторов по охране окружающей среды.

Public environmental control as a form of public participation in the state environmental protection and environmental management is caused by the presence of objective factors. The control of citizens and public associations in the environmental sphere is one of the manifestations of civil society activities, aimed at providing the right of everyone to a favorable environment, public environmental interests and observance of environmental legislation. Public environmental control is characterized by voluntary and initiative activity within the framework of the opportunities provided by the legislation. The absence of state authorized powers determines the specific character of its results. In order to lead to legally important consequences it is necessary to attract administrative and, if necessary, judicial mechanisms. Due to the changes in the legislation, the forms of control have been expanded through the establishment of the institute of public inspectors for environmental protection.

Ключевые слова: общественный экологический контроль, охрана окружающей среды, природопользование, граждане, общественные объединения, гражданское общество, государство.

Key words: public environmental control, environmental protection, environmental management, citizens, public associations, civil society, state.

Необходимость общественного экологического контроля как формы участия общественности (граждан и их объединений) в управлении государством охраной окружающей среды и природопользованием, как формы проявления гражданского общества предопределяется, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, природа является основой жизни и деятельности человека, и соответственно экологические вопросы непосредственно затрагивают интересы каждого. Эффективная реализация экологического законодательства, особенно в части установленных прав граждан в области охраны окружающей среды и природопользования, обеспечение экологических интересов человека и общества не представляется возможной без их непосредственного участия. Более того, как следует из содержания Принципа 10 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, принятой на Конференции ООН в 1992 г. участие всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне рассматривается как наиболее эффективное средство решения экологических вопросов. При этом указывается, что на национальном уровне: 1) каждый должен иметь соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах; 2) возможность участвовать в процессах принятия решений; 3) государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации 4) обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты.

Во-вторых, в соответствии с Конституцией Российская Федерация является демократическим государством (ст. 1), что предопределяет обязанность государства по созданию необходимого правового механизма, позволяющего гражданам и их объединениям участвовать в управлении делами общества, обеспечивающего возможность для деятельности институтов гражданского общества, в том числе и в экологической сфере. Это способствует не только вовлечению общественности в дело охраны окружающей среды, предоставляет возможности отстаивания ею своих экологических интересов, но и способствует повышению эффективности экологической функции самого государства, ответственности власти перед обществом, и, в первую очередь, власти исполнительной, призванной обеспечить эффективную реализацию экологического законодательства. Кроме того, участие граждан и общественности повышает и экологическую ответственность бизнеса в процессе подготовки и принятия экологически значимых решений, осуществления хозяйственной и иной деятельности, сопряженной с воздействием на окружающую среду. *В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1] общественный контроль в области охраны окружающей среды (общественный экологический контроль) осуществляется в целях реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды (п. 1 ст. 68).*

О.Л. Дубовик выделяет такие формы общественного экологического контроля, как: а) общественные слушания и их специфическая форма – парламентские слушания; б) референдумы; в) общественная экологическая экспертиза; г) обращения в средства массовой информации; д) направления жалоб, заявлений, исков в правоохранительные органы и суд [2]. М.И. Васильева к общественному экологическому контролю как сфере участия общественности в охране окружающей среды относит: 1) обращения граждан и их объединений в органы государственной власти и муниципальной власти с заявлениями, жалобами, предложениями, касающимися различных аспектов природоохранного управления, в том числе запросами о

предоставлении экологической информации; 2) публичные обсуждения вопросов экологически безопасного функционирования действующих производственных и иных объектов, в том числе в средствах массовой информации, в форме проведения публичных акций; 3) формализованные способы общественного участия в принятии экологически значимых решений: референдумы; общественные слушания в процедуре оценки воздействия на окружающую среду; публичные слушания по вопросам осуществления градостроительной деятельности (обсуждение проектов документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, документации по планировке территории и в других случаях); участие граждан и их объединений в государственной экологической экспертизе; проведение общественной экологической экспертизы; 4) участие граждан и их объединений в работе консультативных, экспертных и наблюдательных структур при государственных органах; 5) природоохранная деятельность Общественной палаты РФ [3, с. 56].

С учетом новаций в законодательстве, к названным выше формам следует также отнести, во-первых, содействие граждан органам государственного надзора в природоохранной деятельности на добровольной и безвозмездной основе в качестве общественных инспекторов по охране окружающей среды, во-вторых, участие в общественном обсуждении проектов федеральных законов, затрагивающих экологические интересы граждан.

Важнейшей характеристикой общественного экологического контроля является субъектный состав. Он осуществляется гражданами, общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, и в отличие от государственного экологического надзора и производственного экологического контроля общественный контроль носит добровольный, инициативный характер в рамках предоставленных законодательством правовых возможностей. Общественный экологический контроль имеет широкую сферу своего распространения. Если производственный экологический контроль применяется только в рамках хозяйственной деятельности конкретного юридического лица или индивидуального предпринимателя в целях выполнения и соблюдения мероприятий и требований по охране окружающей среды, рациональному использованию и восстановлению природных ресурсов, то общественному экологическому контролю подлежит экологически значимая деятельность государственных и муниципальных органов, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, граждан.

Круг лиц, в отношении которых может проводиться общественный экологический контроль такой же, как и в рамках государственного экологического надзора. Но, при этом контроль, осуществляемый гражданами, общественными объединениями и иными некоммерческими организациями принципиально отличается от надзорной деятельности органов исполнительной власти. Граждане и общественные объединения не обладают государственно-властными полномочиями. Соответственно, это обстоятельство, во-первых, существенно ограничивает их возможности по контролю правомерности поведения субъектов экологических отношений (они не могут беспрепятственно проходить на территорию предприятия, затребовать у юридического лица или индивидуального предпринимателя необходимую документацию[1], самостоятельно посещать и обследовать используемые природопользователями при осуществлении хозяйственной деятельности территории, здания, очистные сооружения и т.д), а во-вторых, не позволяет применять меры по принуждению природопользователей к правомерному поведению (выписывать предписания об устранении нарушений, привлекать к административной ответственности и т.д.). С учетом этого, результаты общественного экологического контроля также характеризуются своей специфичностью. Они не являются обязательными для исполнения. Для того чтобы результаты общественного контроля стали основанием возникновения юридически значимых последствий необходимо задействовать административные механизмы (направление в природоохранные или правоохранительные органы информации или материалов о фактах совершения экологических правонарушений, направление в уполномоченный орган исполнительной власти заключения общественной экологической экспертизы и т.д.), а в отдельных случаях и судебные.

Отметим, что ограниченные возможности граждан и общественных объединений при проведении общественного экологического контроля носят объективный характер. Так, например, для проверки соответствия многим из предусмотренных законодательством требований экологического характера необходимо наличие специальных знаний и соответствующей профессиональной подготовки. По мнению Васильевой М.И., общественный экологический контроль является наименее урегулированным [3, с. 56]. Действительно, ФЗ «Об охране окружающей среды» не дает прямого ответа на то, в каких формах он осуществляется, какими полномочиями обладают граждане, общественные объединения и иные некоммерческие организации при его проведении. Для того чтобы определить их приходится обращаться к иным статьям названного закона (например, ст.ст. 11 и 12) или анализировать другие нормативные правовые акты. Единственным исключением является положение ст. 68 названного закона, в которой предусматривается такая форма общественного экологического контроля, как участие граждан в содействии органам государственного надзора в природоохранной деятельности в качестве общественного инспектора по охране окружающей среды и устанавливаются их права.

Отсутствие четкой регламентации по большинству форм общественного экологического контроля в головном акте экологического законодательства является существенным недостатком в правовом регулировании и имеет негативные проявления. Как минимум, уже в том, что общественность, обладающая, как правило, низким уровнем правовых знаний и эколого-правовых в частности, не говоря о навыках работы с нормативными правовыми актами, имеет недостаточное представление о своих правовых возможностях влиять на природоохранную деятельность государственных и муниципальных органов, природопользователей, на принимаемые ими экологически значимые решения и т.д. Имеется и точка зрения, согласно которой правовая регламентация общественного экологического контроля приведет к сужению его рамок и возможностей, а также поставит его под контроль государства, что может оттолкнуть людей от общественной работы [4]. В известной мере такой риск имеется. Но деятельность гражданского общества (общественный экологический контроль является одной из форм его проявления) не может существовать в отрыве от государства. Так или иначе, институты гражданского общества, характеризующиеся независимостью от государства, действуют в рамках закона и, обеспечивая интересы отдельных индивидов или их общностей не должны нарушать права и интересы других субъектов и установленный правовой порядок. Кроме того, обеспечивая удовлетворение своих потребностей и отстаивая интересы, институты гражданского общества вынуждены задействовать органы государственной власти. Задача же демократического, правового государства заключается в том, чтобы создать необходимые условия для функционирования гражданского общества, защиты им своих интересов, в том числе в области охраны окружающей среды и природопользования.

Одной из задач общественного экологического контроля является содействие государству в охране окружающей среды. Общество ожидает от государства эффективного решения экологических вопросов. Но оно будет действительно эффективным, если и сами граждане будут принимать непосредственное участие. В этой связи следует положительно оценивать законодательное решение о введении в природоохранный механизм института общественных инспекторов в области охраны окружающей среды, обладающих правом фиксации, в том числе, с помощью фото и видеосъемки, правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, направления соответствующих материалов в органы государственного надзора, принятия необходимых мер по обеспечению сохранности вещественных доказательств на местах совершения правонарушений и др.

Примечание

[1] Исключением является право общественной организации (объединения), осуществляющей общественную экологическую экспертизу, получать от заказчика документацию, подлежащую государственной экологической экспертизе.

Библиографические ссылки

1. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.
2. Дубовик О.Л. Экологическое право : учеб. 3-изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010.
3. Чхутиашвили Л.В. Общественный экологический контроль: проблемы и перспективы // Правовая информатика. 2015. № 4. С. 55-58.
4. Веселов А.К. Взаимодействие государственного, общественного и производственного экологического контроля [Электронный ресурс]. URL: // http://zmdosie.ru.

References

1. Ob okhrane okruzhayushchey sredy : federal'nyy zakon ot 10 yanv. 2002 g. № 7-FZ (On environmental protection: federal law of January 10. 2002 No.7-FL), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 2, st. 133.
2. Dubovik O.L. Ekologicheskoye pravo (Environmental law), ucheb. 3-izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt, 2010.
3. Chkhutiashvili L.V. Obshchestvennyy ekologicheskiy kontrol': problemy i perspektivy (Public environmental control: problems and prospects), *Pravovaya informatika*, 2015, No. 4, pp. 55-58.
4. Veselov A.K. Vzaimodeystviye gosudarstvennogo, obshchestvennogo i proizvodstvennogo ekologicheskogo kontrolya (The interaction of state, public and industrial environmental control). URL: // http://zmdosie.ru.

Дата поступления: 01.11.2018 *Received: 01.11.2018*

УДК 349.6

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБРАЩЕНИЯ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ

УЛИМАЕВ Радик Юрикович
кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ulimrad75@yandex.ru

PARTICIPATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENTS IN THE MECHANISM OF SOLID HOUSEHOLD WASTE MANAGEMENT

ULIMAEV Radik Yurikovich
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ulimrad75@yandex.ru

Конституционное право граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду обеспечивается надлежащим исполнением экологического законодательства в области обращения отходов производства и потребления. При этом особая роль отводится органам местного самоуправления. Действующая нормативная база не позволяет этим органам реализовать весь заложенный в ней управленческий потенциал. Автором рас-

The constitutional right of citizens of the Russian Federation to a favorable environment is largely ensured by the proper implementation of environmental legislation in the field of waste management and consumption. Local self-governments have a special role to play. The current regulatory framework does not allow local self-governments to realize the full potential of its management. The author considers the latest changes in the regulatory

смотрены изменения в нормативной базе Российской Федерации и Республики Башкортостан, касающиеся участия органов местного самоуправления в сфере обращения твердых коммунальных отходов. Показана краткая схема механизма обращения твердых коммунальных отходов, действующего с 1 января 2019 г., высказаны предложения о совершенствовании нормативно-правовой базы РФ в рассматриваемой области.

Ключевые слова: органы, местного, самоуправления, отходы, производства, твердые, коммунальные, место (площадка), экология РБ, ТКО.

framework of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan concerning the participation of local self-governments in the sphere of solid household waste management. The author shows a brief diagram of the mechanism of solid household waste, which is in force since 1 January 2019, he makes proposals on improving the legal framework of the Russian Federation in this area.

Key words: bodies**,** local, self-government, waste, production, solid, household, place (site), ecology of RB, solid household waste.

В последние годы в Российской Федерации (далее – РФ), ее субъектах и, в частности, Республике Башкортостан (далее – РБ) сложилась большая проблема с отходами производства и потребления и в, частности, с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО). Так, по данным Министерства природных ресурсов и экологии РБ требуется ликвидация и рекультивация 2454 свалок ТКО. Во многих сельских населенных пунктах в настоящее время отсутствует система накопления и сбора ТКО. С 1 января 2019 года у органов местного самоуправления возникает ответственность по созданию и содержанию контейнерных площадок. На сегодняшний день у большинства муниципалитетов не определены места для накопления ТКО и финансирование данных работ [1]. В последнее время в законодательство об отходах производства и потребления законодателем неоднократно вносились изменения. Серьезные изменения в Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – ФЗ № 89) [2] были внесены Федеральным законом от 29.12.2014 № 458-ФЗ (далее – ФЗ № 458) [3]. В результате существенно был перестроен механизм обращения с отходами. Так, например, в главе V.I этого закона сформулированы полномочия регионального оператора по обращению с ТКО, на регионального оператора возложена обязанность по заключению договора на оказание услуг по обращению с ТКО с собственниками ТКО, определен правовой статус сторон по договору, указано, какие виды деятельности и виды предельных тарифов в области обращения с ТКО подлежат регулированию. Все последующие изменения в ФЗ № 89 направлены на уточнение и развитие положений ФЗ № 458.

Кратко сущность механизма обращения твердых коммунальных отходов (далее – ТКО), действующего с 1 января 2019 г. состоит в следующем. Договор на оказание услуг по обращению с ТКО заключается между потребителем и региональным оператором, в зоне деятельности которого образуются ТКО и находятся места их накопления [4]. Потребители сдают ТКО на место (площадку) их накопления. В случаях, установленных законодательством субъекта РФ, потребители должны осуществлять разделение ТКО по видам отходов и складирование сортированных ТКО в отдельных контейнерах для соответствующих видов ТКО. Далее ТКО вывозятся региональным оператором. Для обеспечения транспортировки ТКО региональный оператор может привлекать операторов по обращению с ТКО, осуществляющих деятельность по транспортированию ТКО в соответствии с договором. Региональные операторы будут обязаны производить сбор, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание, захоронение ТКО согласно правилам обращения с ТКО и территориальной схемой обращения с отходами. По такой же схеме будет организована деятельность региональных операторов в РБ [5]. Коммунальная услуга за сбор и сортировку отходов с 2019 года будет

указана отдельной строкой «Услуга регионального оператора в области обращения с твердыми коммунальными отходами» в квитанции и взиматься с каждого человека.

Органы местного самоуправления в силу своих полномочий играют в деле обращения с ТКО значительную роль. Можно выделить следующие основные полномочия, закрепленные на законодательном уровне и на уровне подзаконных нормативных правовых актов.

1. Органы местного самоуправления согласно ч.1 ст.2 ФЗ № 89 вправе принимать муниципальные нормативные правовые акты в области правового регулирования обращения с отходами [2]. Законы субъектов РФ закрепляют компетенцию органов местного самоуправления в рамках федерального законодательства. Так, согласно ст.6.1 Закона РБ от 30.11.1998 № 195-з «Об отходах производства и потребления» органы местного самоуправления осуществляют свою деятельность в области обращения с отходами в соответствии с законодательством Российской Федерации [6].

2. Согласно ст.8 ФЗ № 89 органы местного самоуправления городских поселений участвуют в организации деятельности по сбору (в т.ч. раздельному сбору) и транспортированию ТКО на территориях соответствующих поселений.

К полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов, городских округов в области обращения с отходами дополнительно относится участие в обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов на соответствующих территориях. С 1 января 2019 г. указанные полномочия будут изъяты из ст.8 и она будет действовать в новой редакции. Ее сравнение с действующей редакцией показывает, что законодатель уточнил ее название – обращение с ТКО. Дело в том, что в содержании действующей статьи 8 и ее редакции с 1 января 2019 г. сказано именно о ТКО. При этом законодателем по-новому сформулированы полномочия органов местного самоуправления на всех уровнях – городских поселений, муниципальных районов, городских округов:

– создание и содержание мест (площадок) накопления ТКО, за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев, когда такая обязанность лежит на других лицах;

– определение схемы размещения мест (площадок) накопления ТКО и ведение реестра мест (площадок) накопления ТКО;

– организация экологического воспитания и формирования экологической культуры в области обращения с ТКО.

Здесь следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство, а именно на организацию органами местного самоуправления экологического воспитания и формирования экологической культуры в области обращения с ТКО. При этом как справедливо отмечается в литературе «важнейшую роль в экологическом воспитании, формировании экологической культуры, осознании необходимости экологически корректного поведения при взаимодействии с окружающей средой и в целом экологического мировоззрения играет экологическое просвещение» [7, с. 682].

В РФ, РБ по этому вопросу специальных нормативных актов пока не принято. Очевидно, что органы местного самоуправления должны будут взаимодействовать с Министерством образования субъекта РФ, органами исполнительной власти, средствами массовой информации. Необходимо будет определить программы обучения, программы различных мероприятий – экологических субботников, отдельных акций (сбор макулатуры, экологические экскурсии, выпуск информационных буклетов, газет, плакатов и т.д.). Представляется, что органам местного самоуправления следует охватить все население по следующим группам: работа с дошкольниками, со школьниками, со студентами, проведение различных экологических акций среди взрослого населения. Целесообразно на сайтах органов местного самоуправления создать специальные разделы, посвященные организации экологического воспитания и формирования экологической культуры в области обращения с ТКО.

Содержание действующей ст. 8 ФЗ № 89 дублируется в п. 18 ч.1 ст. 14, п. 14 ч.1 ст. 15, п. 24 ч.1 ст. 16 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ [8]. Содержание ст.ст.14-16 в целом не изменится с 01.01.2019 г.

3. Органы местного самоуправления представляют данные органам исполнительной власти субъекта РФ для ведения региональных кадастров отходов (ч. 3 ст. 20 ФЗ № 89).

4. Законодателем органы местного самоуправления названы в числе субъектов, являющихся пользователями информации, содержащейся в Единой государственной информационной системе учета отходов от использования товаров (ч. 7 ст. 24.3 ФЗ № 89).

5. Органы местного самоуправления в случае передачи им соответствующих полномочий законом субъекта РФ вправе осуществлять государственное регулирование тарифов в области обращения с ТКО (ч.1 ст. 24.9 ФЗ № 89) в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ от 30.05.2016 № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» [9].

6. Нормативы накопления твердых коммунальных отходов (объем и (или) масса), в случаях, определенных Правительством РФ, утверждаются органами исполнительной власти субъектов РФ либо органом местного самоуправления поселения или городского округа (в случае наделения его соответствующими полномочиями законом субъекта РФ) (ч. 1,4 ст. 24.10 ФЗ № 89) [10].

7. Органы местного самоуправления поселений, городских округов в пределах своих полномочий в области обращения с ТКО могут запрашивать у организаций, осуществляющих деятельность в области обращения с ТКО, информацию, необходимую для осуществления полномочий, установленных «Об отходах производства и потребления» (п. 6 ст. 24.11).

Полномочия органов местного самоуправления отражены в подзаконных нормативных актах. Правительством РФ в 2018 году был принят ряд постановлений, направленных на детализацию правового регулирования отдельных норм ФЗ № 89. Так, Постановлением Правительства РФ от 31.08.2018 г. № 1039 в соответствии со статьей 13.4 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» утверждены Правила обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра, вступающие в силу с 1 января 2019 г. [11] (далее – Постановление № 1039). Правила определяют порядок создания мест (площадок) накопления ТКО, правила формирования и ведения реестра мест (площадок) накопления ТКО, требования к содержанию указанного реестра. Основную роль в этом процессе Правительство РФ возлагает на органы местного самоуправления, которые должны будут активно взаимодействовать с региональными операторами. Полагаем, что Постановление № 1039 позволит преодолеть имеющиеся на практике сложности у органов местного самоуправления при определении мест накопления отходов и требований к ним.

На наш взгляд, в Постановлении № 1039 имеются некоторые упущения, могущие создать затруднения при его реализации правоприменителями. Так, в п.2 не указано, каким требованиям законодательства РФ помимо санитарно-эпидемиологического благополучия населения должны соответствовать места (площадки) накопления твердых коммунальных отходов. В п. 3 не указано, какие еще субъекты (или критерии их определения) помимо органов местного самоуправления вправе создавать места (площадки) накопления ТКО. Из п.п. 4-10 следует, что орган местного самоуправления обращается с запросом в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор по заявке лица, создающего место (площадку) накопления ТКО. Однако при этом не указано об обязанности самого органа местного самоуправления в случае создания по своей инициативе места (площадки) накопления ТКО обратиться в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор.

В настоящее время накопление твердых коммунальных отходов выполняется согласно правилам обращения с ТКО [4], и порядком накопления (в т.ч. раздельного накопления) ТКО, утвержденным органом исполнительной власти субъекта РФ (ч. 6 ст. 13.4 ФЗ № 89). Согласно абз. 2 п. 13 этого Постановления бремя содержания контейнерных площадок, специальных площадок для складирования крупногабаритных отходов, не входящих в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, несут органы местного самоуправления муниципальных образований, в границах которых расположены такие площадки, кроме случаев, установленных законодательством Российской Федерации. Органы местного самоуправления взаимодействуют с органами исполнительной власти субъектов РФ. Так, например, Приуфимским территориальным управлением Министерства природных ресурсов и экологии РБ (Минэкологии РБ) и администрацией города Благовещенск ведется постоянная работа по борьбе с нарушителями природоохранного законодательства по факту складирования и сброса отходов на почве вдоль дороги в районе закрытой свалки города Благовещенск. Всего за три месяца в адрес Управления поступило более 20 материалов [12].

В заключение отметим, что эффективность вводимой системы раздельного сбора отходов в значительной мере будет определяться организацией целенаправленной, постоянной информационно-разъяснительной работой органов местного самоуправления с населением в области обращения с твердыми коммунальными отходами.

Библиографические ссылки

1. Пресс-служба Министерства природопользования и экологии РБ. Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ecology.bashkortostan.ru/presscenter/news/39839/ (дата обращения 10.09.2018).
2. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Российская газета. 1998. 30 июня.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2014 № 458-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Российская газета. 2014. 31 декабря.
4. Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641 (вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами»): Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 № 1156 (ред. от 15.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 21.11.2016. № 47, ст. 6640.
5. Об утверждении Правил осуществления деятельности региональных операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами на территории Республики Башкортостан: Постановление Правительства РБ от 29.11.2017 № 555 // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2018. № 1 (583), ст. 15.
6. Об отходах производства и потребления: Закон Республики Башкортостан от 30.11.1998 № 195-з (ред. от 22.06.2018) // Известия Башкортостана. 1998. 29 декабря.
7. Гиззатуллин Р.Х. Об эколого-правовом просвещении // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. Том 28, вып. 5. 2018.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40, ст. 3822.
9. О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» (вместе с «Правилами регулирования тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами»): Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 № 484 (ред. от 19.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 06.06.2016. № 23, ст. 3331.
10. Об определении нормативов накопления твердых коммунальных отходов» (вместе с «Правилами определения нормативов накопления твердых коммунальных отходов»): Поста-

новление Правительства РФ от 04.04.2016 № 269 (ред. от 15.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2016. № 15, ст. 2100.
11. Об утверждении Правил обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра: Постановление Правительства РФ от 31.08.2018 № 1039 // Российская газета. 2018. 7 сентября.
12. Пресс-служба Министерства природопользования и экологии РБ. Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ecology.bashkortostan.ru/presscenter/news/64794/ (дата обращения: 10.10.2018).

References

1. Press-sluzhba Ministerstva prirodopol'zovaniya i ekologii RB. Novosti [Elektronnyy resurs]. URL: https://ecology.bashkortostan.ru/presscenter/news/39839/ (data obrashcheniya 10.09.2018).
2. Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 24.06.1998 № 89-FZ (red. ot 29.07.2018). *Rossiyskaya gazeta*. 1998. 30 iyunya.
3. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya», otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu ot-del'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2014 № 458-FZ (red. ot 03.04.2018). *Rossiyskaya gazeta*. 2014. 31 dekabrya.
4. Ob obrashchenii s tverdymi kommunal'nymi otkhodami i vnesenii izmeneniya v postanovle-niye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 avgusta 2008 g. № 641 (vmeste s «Pravilami obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi otkhodami»): Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 12.11.2016 № 1156 (red. ot 15.09.2018). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 21.11.2016. No. 47, st. 6640.
5. Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya deyatel'nosti regional'nykh operatorov po obrashcheniyu s tverdymi kommunal'nymi otkhodami na territorii Respubliki Bashkortostan: Postanovleniye Pravitel'stva RB ot 29.11.2017 № 555. *Vedomosti Gosudarstvennogo Sobraniya – Kurultaya, Glavy i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan*. 2018. No. 1 (583), st. 15.
6. Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya: Zakon Respubliki Bashkortostan ot 30.11.1998 № 195-z (red. ot 22.06.2018). *Izvestiya Bashkortostana*. 1998. 29 dekabrya.
7. Gizzatullin R.KH. Ob ekologo-pravovom prosveshchenii. *Vestnik Udmurtskogo universite-ta*. Seriya ekonomika i pravo. Tom 28, vyp. 5. 2018.
8. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 03.08.2018). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 06.10.2003. No. 40, st. 3822.
9. O tsenoobrazovanii v oblasti obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi otkhodami» (vmeste s «Pravilami regulirovaniya tarifov v sfere obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi otkhoda-mi»): Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 30.05.2016 № 484 (red. ot 19.10.2018). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 06.06.2016. № 23, st. 3331.
10. Ob opredelenii normativov nakopleniya tverdykh kommunal'nykh otkhodov» (vmeste s «Pravilami opredeleniya normativov nakopleniya tverdykh kommunal'nykh otkhodov»): Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 04.04.2016 № 269 (red. ot 15.09.2018). *Sobraniye zakonoda-tel'stva RF*. 11.04.2016. No. 15, st. 2100.
11. Ob utverzhdenii Pravil obustroystva mest (ploshchadok) nakopleniya tverdykh kommunal'-nykh otkhodov i vedeniya ikh reyestra: Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 31.08.2018 № 1039. *Rossiyskaya gazeta*. 2018. 7 sentyabrya.
12. Press-sluzhba Ministerstva prirodopol'zovaniya i ekologii RB. Novosti [Elektronnyy resurs]. URL: https://ecology.bashkortostan.ru/presscenter/news/64794/ (data obrashcheniya: 10.10.2018).

Дата поступления: 11.10.2018 *Received: 11.10.2018*

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 349

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАКАЗАТЕЛЬНЫЕ И ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ

ЧУКЛОВА Елена Валериевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, Тольятти, Россия.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Санкция на сегодняшний день является юридической категорией, о сути которой ведется множество споров. Санкция является объектом научных изысканий не только в праве, но и в большинстве гуманитарных, политических и общественных наук, и, по сути, является сложной и противоречивой конструкцией. Санкция правоохранительной нормы в земельном праве предусматривает меры воздействия, применяемые к нарушителю, и может быть предусмотрена не только земельным законодательством, но и нормами других отраслей права. Довольно условным в земельном праве является деление санкций на относительно определенные и абсолютно определенные, альтернативные и безальтернативные. Мы предлагаем отойти от традиционного понимания альтернативной санкции как санкции, предусматривающей несколько видов наказания, одно из которых может быть применено к нарушителю и предлагаем выделять уровни альтернативности. На первом уровне выбор осуществляется между мерами нескольких видов ответственности, на втором – между мерами одной выбранной ответственности, на третьем – выбор размера и срока наказания. Что касается поощрительных санкций, то большинство из них носят бланкетный характер и закрепляются в основном с целью защиты публичных интересов, проявляются через обязанность предоставить блага, снятие обязанности, восстановление в правах.

ALTERNATIVE PUNITIVE AND INCENTIVE SANCTIONS IN LAND LAW

CHUKLOVA Elena Valerievna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Business and Labour Law of the Tolyatti State University, Tolyatti, Russia.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

A sanction today is a legal category, the essence of which causes a lot of disputes. The sanction is an object of scientific research not only in law, but also in most humanitarian, political and social sciences, and, in fact, it is a complex and contradictory design. The sanction of a law enforcement norm in land law provides for compensatory remedies taken towards the offender, and can be provided not only by land legislation, but also by the norms of other branches of law. In land law, dividing sanctions into relatively specific and absolutely specific, alternative and non-alternative is quite conventional. We propose to move away from the traditional understanding of alternative sanctions as a sanction providing for several types of punishment, one of which can be applied to the offender and we propose to determine levels of alternativeness. At the first level, the choice is made between the measures of several types of responsibility, at the second level – between the measures of one chosen responsibility, at the third level the choice of the size and the term of punishment is made. As for incentive sanctions, most of them are blanket in nature and are fixed mainly in order to protect public interests, they are manifested through the obligation to provide goods, removal of obligations, restoration of rights.

Ключевые слова: наказание, поощрение, альтернативные санкции, наказательные санкции, поощрительные санкции, земельные правоотношения, конструкция санкции, ответственность в земельном праве, меры ответственности, классификация санкций.

Key words: punishment, incentive, alternative sanctions, punitive sanctions, incentive sanctions, land legal relations, sanction design, responsibility in land law, measures of responsibility, classification of sanctions.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект 17-03-00022 «Альтернативные санкции в механизме дифференциации и индивидуализации юридической ответственности»

В рамках работы над поддержанным РФФИ проектом 17-03-00022 «Альтернативные санкции в механизме дифференциации и индивидуализации юридической ответственности» перед нами стояла задача сформировать концепцию альтернативных санкций в механизме обеспечения дифференциации и индивидуализации юридической ответственности на основе ее понимания как правового явления, включающего негативный и позитивный аспекты реализации [1]. Исследование будет не полным без исследования альтернативных наказательных и поощрительных санкций в земельном праве. Целью работы является определение конструкций альтернативных санкций наказательного и поощрительного характера в земельном праве.

Особенностью земельного права является то, что санкции, применяемые, за земельные правонарушения, содержатся не только в земельном законодательстве, но и в актах других отраслей права. В силу статей 74–76 ЗК РФ, лица, виновные в совершении земельных правонарушений привлекаются к административной, уголовной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности.

КоАП РФ предусматривает административную ответственность за следующие нарушения:

- самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1);
- уничтожение или повреждение специальных знаков (ст. 7.2);
- самовольное занятие лесных участков (ст. 7.9);
- самовольная уступка права пользования землей, недрами, лесным участком или водным объектом (ст. 7.10);
- организация или проведение земляных, строительных или иных работ без разрешения органа, осуществляющего государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия (ст. 7.14);
- незаконное изменение правового режима земельных участков, отнесенных к землям историко-культурного назначения (ст. 7.16);
- нарушение правил обращения с пестицидами и агрохимикатами (ст. 8.3);
- нарушение законодательства об экологической экспертизе (ст. 8.4);
- сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5);
- порча земель (ст. 8.6);
- невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв (ст. 8.7);
- использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению (ст. 8.8);
- нарушение режима использования земельных участков и лесов в водоохранных зонах (ст. 8.12);
- нарушение правил охраны водных объектов (ст. 8.13);
- проведение мелиоративных работ с нарушением проекта (ст. 10.9);

- нарушение правил эксплуатации мелиоративных систем или отдельно расположенных гидротехнических сооружений. Повреждение мелиоративных систем (ст. 10.10);
- нарушение правил использования полосы отвода и придорожных полос автомобильной дороги (ст. 11.21);
- нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности (ч. 4 ст. 14.35);
- нарушение порядка предоставления земельных или лесных участков либо водных объектов (ст. 19.9).

УК РФ предусматривает следующие составы уголовных преступлений в сфере земельных правоотношений:

- регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170);
- загрязнение вод (ст. 250);
- порча земли (ст. 254);
- нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255).

Гражданско-правовая ответственность представлена обязанностью возместить ущерб, причиненный вследствие земельного правонарушения. Как отмечается в научной литературе, уголовные и административные санкции применяются на альтернативной основе, а меры иных видов ответственности в качестве дополнительных [2].

Как видно из приведенного перечня, земельные правоотношения охраняются нормами других отраслей права, в которых сформулированы составы правонарушений и предусмотрены различные санкции, в том числе альтернативные. Есть правонарушения, за которые могут быть применены меры нескольких видов ответственности. Санкции уголовного и административного права применяются на альтернативной основе, санкции других отраслей могут применяться за одно и то же нарушение одновременно.

Применительно к ответственности за совершение земельного правонарушения альтернатива заключается в выборе должной меры принуждения из нескольких возможных. Для земельного законодательства характерно наличие нескольких уровней альтернативности. На первом уровне стоит выбор между мерами различных видов ответственности, на втором – между несколькими мерами одного вида ответственности, на третьем – выбор конкретного размера или продолжительности наказания [3]. Наглядно это можно продемонстрировать на примере ответственности за порчу земли, которая предусмотрена ст. 8.6 КоАП РФ [4] и ст. 254 УК РФ [5]. Стоит отметить, что сама юридическая конструкция составов, предусматривающих ответственность за порчу земли, не совершенна. Так, объективная сторона административного правонарушения шире, чем уголовного преступления. Например, в ст. 254 УК РФ названы далеко не все виды обращения с опасными веществами, а только хранение, использование, транспортировка [6]. На первом уровне, исходя из степени опасности, обстоятельств совершения правонарушения определяется наличие в действиях виновного признаков уголовного преступления или административного правонарушения. Учитывая законодательную формулировку, можно отметить, что разграничение смежных составов производится по признаку наступления или отсутствия вреда, причиненного здоровью человека или окружающей среде. Второй уровень альтернативности – это выбор из нескольких мер одного вида ответственности: штраф или административное приостановление деятельности при привлечении к административной ответственности, штраф, исправительные работы, принудительные работы, обязательные работы, ограничение либо лишение свободы – при уголовной ответственности. Третий уровень альтернативности: выбор срока и размера наказания. Кроме привлечения к административной или уголовной ответственности ст. 1064 ГК РФ [7] и ст. 77 Федерального закона "Об охране окружающей среды" [8; 9] устанавливают обязанность по возмещению вреда, причиненного в результате порчи земель [10]. В альтернативных санкциях заложены возможности судебного усмотрения. Как отмечает А.А. Малюшин, в качестве последствий утраты собственником недвижимого имущества права пользования земельным участком, если снос здания запрещен, его

стоимость превышает стоимость отведенной земли, суд может применить альтернативные последствия в виде признания права собственника недвижимости на приобретение в собственность земельного участка или установить условия пользования земельным участком на новый срок [11; 12]. Это характеризует альтернативные наказательные санкции в земельном праве с количественной стороны. Количественные характеристики определяются количеством мер, их размером, пределом и сроком наложения, последнее находится в поле дискреции суда и уберегает от вынесения немотивированного решения[1], но в любом случае вынесенное судом решение не должно содержать возможность альтернативного варианта поведения в процессе его исполнения: истец должен определиться со своими требованиями, а суд должен сформулировать один из вариантов зашиты [13, с. 321].

Что касается альтернативных поощрительных санкций, то в ЗК РФ их нет, но они встречаются в иных нормативных правовых актах, регламентирующих те или иные аспекты земельных отношений. Так в ст. 34 Закона РФ «О недрах» закреплено право на вознаграждение, на которое имеют право физические лица, определенные в качестве лиц, участвовавших в финансируемом за счет государственных средств открытии неизвестного ранее месторождения полезных ископаемых в порядке и в размере, которые установлены Правительством Российской Федерации [14,15]. Как отмечено в юридической литературе, в земельном праве стимулирование рассматривается в качестве мер поощрения за соответствующую деятельность [16, с. 50]. Лунева Е.В. отмечает необходимость представлять стимулирующие средства не только субъективными правами и привилегиями, но и льготами и поощрениями [17]. По мнению некоторых авторов, ценность поощрения, в том числе состоит и в том, что по мере динамичного развития правового регулирования поощрения законного землепользования соответствующим образом будет сужаться и роль государственного принуждения землепользователей на сберегательное землепользование [18, с. 35].

Альтернативная санкция в земельном праве представляет собой структурную часть нормы. Применение мер, в ней содержащихся, зависит от обстоятельств совершения правонарушения и личности нарушителя. Для земельного законодательства является характерным проявление альтернативности на нескольких уровнях: первый уровень – выбор между видами ответственности, второй – выборе между мерами ответственности, третий – выбор конкретного наказания или поощрения и его размер. Конструкции санкций носят бланкетный характер.

В дальнейшем будет разработана оптимальная конструкция альтернативных санкций как наказательного, так и поощрительного характера, которая необходима для структурного построения концепции альтернативных санкций и их места в системе обеспечения дифференциации ответственности.

Примечание

[1] Информация "Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013-2015 годов)" (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016).

Библиографические ссылки

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Альтернативные санкции в механизме дифференциации и индивидуализации юридической ответственности: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 71-79.

2. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов и др. ; под ред. С.А. Боголюбова, Е.Л. Мининой. М. : Юстицинформ, 2002.

3. Чуклова Е.В. Дифференциация ответственности за совершение процессуального правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (30). С. 61-65.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2018) // Российская газета. 2001. 31 дек.
5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25., ст. 2954.
6. Каленов С.Е. Административная и уголовная ответственность за порчу земель [Электронный ресурс]. URL: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3250.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 410.
8. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) "Об охране окружающей среды" // Российская газета. 2002. 12 янв.
9. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (постатейный) / А.Л. Бажайкин и др. ; отв. ред. О.Л. Дубовик [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / Р.В. Амелин и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в правовом государстве. М. : НОРМА, 2006.
12. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / Р.В. Амелин и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов и др. ; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017.
14. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 03.08.2018) "О недрах" // Российская газета. 1995. 15 марта.
15. Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2008 N 74-Г08-30. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве : монография. М. : Юрист, 2003.
17. Лунева Е.В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. М. : Статут, 2018.
18. Ибрагимов К.Х., Ибрагимов Д.К. Меры по стимулированию рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения // Правовые вопросы недвижимости. 2017. № 1. С. 33-40.

References

1. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Al'ternativnyye sanktsii v mekhanizme differentsiatsii i individualizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti: nekotoryye itogi issledovaniya i perspektivy proyekta (Alternative sanctions in the mechanism of differentiation and individualization of legal responsibility: some results of the research and project prospects), *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, No. 1 (41), pp. 71-79.
2. Kommentariy k Zemel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) (Comment to the Land Code of the Russian Federation (itemized). S.A. Bogolyubov i dr., pod red. S.A. Bogolyubova, Ye.L. Mininoy. Moscow, Yustitsinform, 2002.
3. Chuklova Ye.V. Differentsiatsiya otvetstvennosti za sovershеniye protsessual'nogo pravonarusheniya (Differentiation of responsibility for committing a procedural offense), *Vektor nauki*

Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2017, No. 3 (30), pp. 61-65.
4. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ), (red. ot 29.07.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 31.07.2018), *Rossiyskaya gazeta*, 2001, 31 dek.
5. Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ) (red. ot 03.07.2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 1996, No. 25, Art. 2954.
6. Kalenov S.Ye. Administrativnaya i ugolovnaya otvetstvennost' za porchu zemel' (Administrative and criminal liability for damage to land). URL: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3250.
7. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 N 14-FZ) (red. ot 23.05.2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 1996, № 5, Art. 410.
8. Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 31.12.2017) "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" (Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FL (as amended on December 31, 2017) “On Environmental Protection”), *Rossiyskaya gazeta*, 2002, 12 yanv.
9. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" (postateynyy) (Commentary to the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection” (itemized). A.L. Bazhaykin i dr., otv. red. O.L. Dubovik. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (postateynyy) (Comment to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-ФЗ (itemized). R.V. Amelin i dr. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Malyushin A.A. Konstitutsionno-sudebnoye pravotvorchestvo v pravovom gosudarstve (Constitutional and judicial lawmaking in the rule-of-law state). Moscow, NORMA, 2006.
12. Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (postateynyy) (Comment to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (itemized). R.V. Amelin i dr. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Arbitrazhnyy protsess (Arbitration procedure), uchebnik. A.V. Absalyamov i dr., otv. red. V.V. Yarkov. 7-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Statut, 2017.
14. Zakon RF ot 21.02.1992 N 2395-1 (red. ot 03.08.2018) "O nedrakh" (Law of the Russian Federation of 21.02.1992 N 2395-1 (as amended on 03.08.2018) “On the subsoil”), *Rossiyskaya gazeta*, 1995, 15 marta.
15. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 11.06.2008 N 74-G08-30 (Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2008 N 74-G08-30). Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
16. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave (Incentives and restrictions in law), monografiya. Moscow, Yurist, 2003.
17. Luneva Ye.V. Pravovoy rezhim zemel'nykh uchastkov v osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh (Legal regime of land plots in specially protected natural territories). Moscow, Statut, 2018.
18. Ibragimov K.Kh., Ibragimov D.K. Mery po stimulirovaniyu ratsional'nogo ispol'zovaniya i okhrany zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya (Measures to stimulate rational use and protection of agricultural lands), *Pravovyye voprosy nedvizhimosti*, 2017, No. 1, pp. 33-40.

Дата поступления: 04.10.2018 *Received: 04.10.2018*

К АВТОРАМ

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niippg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0.5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66597 от 21 июля 2016 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: http://pravgos.ru

Адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2018

Подписан в печать 10.12.2018 г. Вышел в свет 20.12.2018 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 20.69 Уч. изд. л. 22.45. Тираж 500. Заказ 49.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.